

Конан-Дойль Артур

Вокруг красной лампы

Артур Конан-Дойл

Вокруг красной лампы

Содержание:

Предисловие автора

Отстал от жизни

Его первая операция

Ветеран 1815 года

За грехи отцов

Неудачное начало

Проклятие Евы

Любящее сердце

Жена физиолога

Месть лорда Сэннокса

Успехи дипломатии

Перед камином

Фиаско в Лос Амигос

Женщина - врач

Из практики

Предисловие автора

(Извлечено из продолжительной и оживленной переписки с одним американским другом)

Я вполне признаю основательность вашего возражения, заключающегося в том, что больной человек или слабонервная женщина не получает никакого удовольствия от чтения рассказов, в которых делается попытка изобразить некоторые черты медицинской жизни с известным оттенком реализма. Однако если приходится иметь дело с этой жизнью и если хочешь изобразить действующих лиц чем-то большим, чем простые марионетки, то весьма существенно, чтобы была изображена и темная сторона этой жизни, так как именно она главным образом и представляется взорам врачей. Им приходится видеть много хорошего, - это правда: мужество и героизм, самопожертвование и любовь, но все эти качества (как и вообще все наши лучшие качества) вызываются горем и испытанием. Нельзя, изображая такую жизнь, искать в ней предмета для увеселения.

Так зачем писать об этом? - можете вы спросить. Если сюжет в тягость, зачем вообще касаться его. На это я отвечаю, что искусство должно изображать и печальную сторону действительности, как оно изображает ее приятную сторону. Повесть, помогающая скоротать время, очевидно, выполняет полезную миссию, но наверное не более полезную, чем та, которая обращает внимание читателя на более серьезную сторону жизни. Рассказ, который может вывести мысль читателя из ее привычного русла и настроить его на серьезный лад, можно сравнить с тоническим медицинским средством, горьким на вкус, но укрепляюще действующим на организм. В этом маленьком сборнике есть несколько рассказов, могущих произвести подобное действие, и я настолько разделял ваше мнение, что не выпускал их отдельно. Выпущенные же в форме книги, они сразу говорят читателю, что это - медицинские рассказы, и он может, если не так настроен, вовсе не читать их.

Искренно преданный вам Артур К. Дойл

Отстал от жизни

Моя первая встреча с доктором Джеймсом Винтером произошла при весьма драматических обстоятельствах. Случилось это в спальне старого загородного дома в два часа ночи. Пока

доктор с помощью женщин заглушал фланелевой юбкой мои гневные вопли и купал меня в теплой ванне, я дважды лягнул его в белый жилет и сбил с носа очки в золотой оправе. Мне рассказывали, что оказавшийся при этом один из моих родителей тихонько заметил, что с легкими у меня, слава Богу, все в порядке. Не могу припомнить, как выглядел в ту пору доктор Винтер: меня тогда занимало другое, - но он описывает мою внешность отнюдь не лестно. Голова лохматая, тельце, как у общипанного гусенка, ноги кривые вот что ему в ту ночь запомнилось.

С этой поры периодические вторжения в мою жизнь доктора Винтера разделяют ее на эпохи. Он делал мне прививки, вскрывал нарывы, ставил во время свинки компрессы. На горизонте моего безмятежного существования маячило единственное грозное облако - доктор. Но пришло время, когда я заболел по-настоящему: долгие месяцы провел я в своей плетеной кровати, и вот тогда я узнал, что суровое лицо доктора может быть приветливым, что скрипучие, сработанные деревенским сапожником башмаки его способны удивительно осторожно приближаться к постели и что, когда доктор разговаривает с больным ребенком, грубый голос его смягчается до шепота.

Но вот ребенок вырос и сам стал врачом, а доктор Винтер остался как был. Только побелели волосы да еще более опустились могучие плечи. Доктор очень высокий, но из-за своей сутулости кажется дюйма на два ниже. Широкая спина его столько раз склонялась над ложем больных, что и не может уже распрямиться. Сразу видно, что часто приходилось ему шагать в дождливые, ветреные дни по унылым деревенским дорогам - такое темное, обветренное у него лицо. Издали оно кажется гладким, но вблизи видны бесчисленные морщинки - словно на прошлогоднем яблоке. Их почти незаметно, когда доктор спокоен, но стоит ему засмеяться, как лицо его становится похожим на треснутое стекло, и тогда ясно, что лет старику еще больше, чем можно дать на вид.

А сколько ему на самом деле, я так и не смог узнать. Частенько пытался я это выяснить, добирался до Георга IV и даже до регентства, но до исходной точки так никогда и не дошел. Вероятно, ум доктора стал очень рано впитывать всевозможные впечатления, но рано и перестал воспринимать что-либо новое, поэтому волнуют доктора проблемы прямо-таки допотопные, а события наших дней его совсем не занимают. Толкуя о реформе избирательной системы, он сомневается в ее разумности и неодобрительно качает головой, а однажды, разгорячившись после рюмки вина, он гневно осуждал Роберта Пиля и отмену хлебных законов. Со смертью этого государственного деятеля история Англии для доктора Винтера закончилась, и все позднейшие события он расценивает как явления незначительные.

Но только став врачом, смог я убедиться, какой совершеннейший пережиток прошлого наш доктор. Медицину он изучал по теперь уже забытой и устаревшей системе, когда юношу отдавали в обучение к хирургу и анатомию штудировали, прибегая к раскопке могил. В своем деле он еще более консервативен, чем в политике. Пятьдесят лет жизни мало что ему дали и еще меньшего лишили. Во времена его юности широко обучали делать вакцинацию, но мне кажется, в душе он всегда предпочитал прививки.

Он бы охотно применял кровопускание, да только теперь никто этого не одобряет. Хлороформ доктор считает изобретением весьма опасным и, когда о нем упоминают, недоверчиво щелкает языком. Известно, что он нелестно отзывался даже о Леннеке и называл стетоскоп "новомодной французской игрушкой". Из уважения к своим пациентам доктор, правда, носит в шляпе стетоскоп, но он туг на ухо, и потому не имеет никакого значения, пользуется он инструментом или нет.

По долгу службы он регулярно читает медицинский еженедельник и имеет общее представление о научных достижениях, но продолжает считать их громоздкими и смехотворными экспериментами. Он едко иронизировал над теорией распространения болезней посредством микробов и любил шутя повторять у постели больного: "Закройте дверь, не то налетят микробы". По его мнению, теория Дарвина - самая удачная шутка нашей эпохи. "Детки в детской, а их предки в конюшне!" - кричал он и хохотал так, что на глазах выступали слезы.

Доктор настолько отстал от жизни, что иной раз, к немалому своему изумлению, он обнаруживает - поскольку в истории все повторяется, - что применяет новейшие методы лечения. Так, в дни его юности было очень модно лечить диетой, и тут он превосходит своими познаниями любого другого известного мне врача. Массаж ему тоже хорошо знаком, тогда как для нашего поколения он новинка. Доктор проходил курс наук, когда применяли еще очень несовершенные инструменты и учили больше доверять собственным пальцам. У него классическая рука хирурга с развитой мускулатурой и чувствительными пальцами - "На кончике каждого - глаз".

Вряд ли я забуду, как мы с доктором Паттерсоном оперировали сэра Джона Сирвелла. Мы не могли отыскать камень. Момент был ужасный. Карьера Паттерсона и моя висела на волоске. И тогда доктор Винтер, которого мы только из любезности пригласили присутствовать при операции, запустил в рану палец - нам с перепугу показалось, что длиной он никак не меньше десяти дюймов, - и в мгновение ока выудил его.

- Всегда хорошо иметь в кармашке жилета такой инструмент, посмеиваясь, сказал он тогда, - но, по-моему, вы, молодые, это презираете.

Мы избрали его президентом местного отделения Ассоциации английских медиков, но после первого же заседания он сложил с себя полномочия.

- Иметь дело с молодежью - не для меня, - заявил он. - Никак не пойму, о чем они толкуют.

А между тем пациенты его благополучно выздоравливают. Прикосновение его целительно - это его магическое свойство невозможно ни объяснить, ни постигнуть, но тем не менее это очевидный факт. Одно лишь присутствие доктора наполняет больных надеждой и бодростью. Болезнь действует на него, как пыль на рачительную хозяйку: он сердится и жаждет взяться за дело.

- Ну, ну, так не пойдет! - восклицает он, впервые посещая больного. Он отгоняет смерть от постели, как случайно влетевшую в комнату курицу. Когда же незванный гость не желает удаляться, когда кровь течет все медленнее и глаза мутнеют, тогда присутствие доктора Винтера полезнее любых лекарств. Умиравшие не выпускают руку доктора; его крупная энергичная фигура и жизнелюбие вселяют в них мужество перед роковой переменой. Многие страдалцы унесли в неведомое как последнее земное впечатление доброе обветренное лицо доктора.

Когда мы с Паттерсоном - оба молодые, полные энергии современные врачи - обосновались в этом районе, старый доктор встретил нас очень сердечно, он был счастлив избавиться от некоторых пациентов. Однако сами пациенты, следуя собственным пристрастиям - отвратительная манера! игнорировали нас со всеми нашими новейшими инструментами и алкалоидами. И доктор продолжал лечить всю округу александрийским листом и каломелью. Мы оба любили старика, но между собой, однако, не могли удержаться, чтобы не посетовать на прискорбное отсутствие у пациентов здравого смысла.

- Бедняки-то уж понятно, - говорил Паттерсон. - Но люди образованные вправе ожидать от лечащего врача умения отличить шум в сердце при митральном пороке от хрипов в бронхах. Главное - способность врача разобраться в болезни, а не то, симпатичен он тебе или нет.

Я полностью разделял мнение Паттерсона. Но вскоре разразилась эпидемия гриппа, и от усталости мы валились с ног.

Утром, во время обхода больных, я встретил Паттерсона, он показался мне очень бледным и изможденным. То же самое он сказал обо мне. Я и в самом деле чувствовал себя скверно и после полудня весь день пролежал на диване голова раскалывалась от боли, и страшно ломило суставы.

К вечеру сомнения не оставалось - грипп свалил и меня. Надо было немедленно обратиться к врачу. Разумеется, прежде всего я подумал о Паттерсоне, но почему-то мне стало вдруг неприятно.

Я вспомнил, как он хладнокровно, придирчиво обследует больных, без конца задает вопросы, бесконечно берет анализы и барабанит пальцами. А мне требовалось что-то успокаивающее, более участливое.

- Миссис Хадсон, - сказал я своей домохозяйке, - сходите, пожалуйста, к старику Винтеру и скажите, что я был бы крайне ему признателен, если б он навестил меня.

Вскоре она вернулась с ответом:

- Доктор Винтер, сэр, заглянет сюда через часок, его только что вызвали к доктору Паттерсону.

Его первая операция

Это было в первый день зимней сессии. Первокурсник с третьекурсником шли в клинику смотреть операцию. Колокола на Тройской церкви только что пробили двенадцать.

- Скажите, вы никогда не присутствовали на операции? - спросил третьекурсник.
 - Никогда.
 - В таком случае зайдите сюда. Это знаменитый бар Резерфорда. Будьте любезны, стакан хереса для этого джентльмена. Кажется, вы весьма чувствительны?
 - Боюсь, нервы у меня и в самом деле не очень крепкие.
 - Гм! Еще один стакан хереса этому джентльмену. Видите ли, мы идем на операцию.
- Новичок расправил плечи и сделал отчаянную попытку казаться безразличным.
- Операция пустяковая?
 - Нет, довольно серьезная.
 - Ам... ампутация?
 - Нет, еще серьезней.
 - Я... я вспомнил... меня ждут дома.
 - Нет смысла уклоняться. Не сегодня, так завтра, а идти все равно придется. Чего тянуть? Ну как, повеселее немного стало?
 - О, да. - Новичок улыбнулся, но улыбки не получилось.
 - Тогда еще стакан хереса. И пойдем скорее, а то опоздаем и ближние ряды будут заняты.
 - Спешить, по-моему, нет особой необходимости.
 - Как это нет! Вон сколько народу идет на операцию. И почти все первокурсники. Их сразу отличишь, верно? Бледные, точно их самих будут оперировать.
 - Неужели и я такой же бледный?
 - Ничего, у меня самого был точно такой вид. Но неприятные ощущения скоро проходят. Глядишь, у парня лицо белое как мел, а через неделю он уже уплетает завтрак в анатомичке. Какая сегодня будет операция, я скажу вам, когда придем в аудиторию.

Студенты валом валили вниз по улице, которая вела к клинике. У каждого в руке была стопка тетрадей. Тут были и бледные, перепуганные ребята, только что окончившие школу, и очерствевшие ветераны, бывшие сокурсники, которые уже давно стали врачами. Они вырывались сплошным шумным потоком из ворот университета. Студенты были молоды и телосложением и походкой, но юных лиц встречалось мало. У одних был такой вид, будто они слишком мало ели, у других - будто слишком много пили. Высокие и малорослые, в твидовых куртках и черных костюмах, широкоплечие и худосочные, обладавшие отличным зрением и носившие очки, они с топотом, стуча тростями о мостовую, вливались в ворота клиники. Время от времени толпа раздавалась и пропускала громыхавшие по булыжнику экипажи хирургов, служивших в клинике.

- На операцию к Арчеру, видно, соберется много народу, - сдерживая возбуждение, прошептал старший студент. - Его операции - это зрелище, скажу я вам! Однажды он на моих глазах так расправился с аортой, что мне чуть дурно не стало. Нам сюда. Осторожно, стены побелены, не испачкайтесь. Они прошли под аркой и оказались в длинном коридоре с каменным полом и тускло-коричневыми пронумерованными дверями по обеим сторонам. Некоторые из дверей были полуоткрыты, и новичок заглядывал в них с замиранием сердца. Но он видел только веселое пламя в каминах, ряды кроватей, застеленных белыми покрывалами, обилие цветных плакатов на стенах, и это немного приободрило его. Коридор выходил в приемный зал, вдоль стен которого на скамьях сидели бедно одетые люди. Молодой человек с парой ножниц, засунутых в петлицу наподобие цветка, и записной книжкой в руке обходил людей, о чем-то шептался с ними и делал пометки.

- Есть что-нибудь стоящее? - спросил третьекурсник.
- Приходили бы к нам вчера, - подняв голову, сказал фельдшер. Выдающийся был день. Подколенный аневризм, перелом Коллса, врожденная расщелина позвоночника, тропический абсцесс и слоновая болезнь. Ничего улов для одного захода?

- Жаль, что меня не было. Но все они еще не раз придут сюда, я надеюсь. А что с этим пожилым джентльменом?

В темном углу сидел скорчившийся рабочий и, раскачиваясь, стонал. Какая-то женщина, сидевшая рядом, пыталась утешить его, поглаживая по плечу рукой, испещренной странными маленькими белесыми волдырями.

- Это великолепный карбункул, - сказал фельдшер с видом знатока, показывающего свои орхидеи человеку, который способен оценить их красоту. Он на спине, а у нас здесь сквозит, так что ему не следует раздеваться, верно, папаша? Пузырчатка, - добавил он небрежно, показывая на обезображенные руки женщины. - Не хотите ли задержаться у нас немного?

- Нет, спасибо. Мы торопимся на операцию Арчера. Пошли!

Молодые люди присоединились к толпе, спешившей на лекцию знаменитого хирурга.

Ярусы подковообразных скамей, поднимавшихся от пола до потолка, были уже заполнены, и вошедший новичок увидел перед собой, как в тумане, изогнутые дугой ряды лиц, услышал басовитое жужжание сотен голосов и смех, доносившиеся откуда-то сверху. Его товарищ высмотрел во втором ряду свободное место, и они оба втиснулись туда.

- Великолепно! - прошептал старший. - Отсюда вы увидите все.

Их отделял от операционного стола лишь один ряд голов. Стол был сосновый, некрашенный, крепко сколоченный и идеально чистый. Он был наполовину покрыт коричневой клеенкой, рядом на полу стояло большое жестяное корыто, наполненное опилками. Еще дальше у окна на другом столе лежали блестящие стальные инструменты - хирургические щипцы, иглы, пилы, держатели. Сбоку рядом были выложены ножи с длинными, тонкими, изящными лезвиями. Перед этим столом сидели, развалившись, два молодых человека - один вдевал нитки в иголки, а другой что-то делал с похожей на медный кофейник штукой, с шипением выпускавшей клубы пара.

- Видите высокого лысого человека в первом ряду? - прошептал старшекурсник. - Это Петерсон. Как вы знаете, он специалист по пересадке кожи. А это Энтони Браун, который прошлой зимой успешно удалил гортань. А вон Мэрфи, патолог, и Стодларт, глазник. Скоро вы их тоже всех будете знать.

- А кто эти два человека, что сидят у стола с инструментами?

- Никто... помощники. Один ведает инструментами, другой - "пыхтелкой Билли". Это, как вы знаете, антисептический пульверизатор Листера. Арчер сторонник карболовой кислоты. Хэйес - глава школы чистоты и холодной воды. И они смертельно ненавидят друг друга.

Теснившиеся на скамьях студенты оживились - две сестры ввели в аудиторию женщину в нижней юбке и корсаже. Голова ее была покрыта красным шерстяным платком, спускавшимся на плечи. Лицо, выглядывающее из-под платка, было молодое, но изможденное и специфического воскового оттенка. Голова ее была опущена, и одна из сестер, поддерживая женщину за талию и склонившись к уху, шепотом успокаивала ее. Проходя мимо стола с инструментами, женщина украдкой взглянула на них, но сестры повернули ее к столу спиной.

- Какая у нее болезнь? - спросил новичок.

- Рак околоушной железы. Чертовски трудный случай; опухоль разрослась как раз позади сонных артерий. Вряд ли кто, кроме Арчера, осмелился бы взяться за такую операцию. А вот и он сам!

При этих словах в комнату шагнул невысокий, подвижный, седовласый человек, потиравший на ходу руки. Он был похож на флотского офицера - чисто выбритое лицо, большие светлые глаза, прямой, тонкогубый рот. Следом, сверкая пенсне, вошел его рослый помощник-хирург, живший при клинике, которого сопровождала процессия сестер, разошедшихся группками по углам аудитории.

- Джентльмены, - выкрикнул хирург, - голос у него был уверенный и энергичный, как и вся манера держаться, - перед нами интересный случай опухоли околоушной железы, сначала хрящевой, но теперь принявшей злокачественный характер, а следовательно, требующей удаления. На стол, сестра! Благодарю вас! Хлороформ! Спасибо! Можете снять платок, сестра.

Женщина опустила на клеенчатую подушку, и взорам студентов предстала ее губительная опухоль. Сама по себе она не имела отталкивающего вида: желтовато-белая, с сеткой голубых

вен, она слегка изгибалась от челюсти к груди. Но изможденное желтое лицо и жилистая шея ужасающе контрастировали с этим чудовищным, пухлым и лоснящимся наростом. Хирург обхватил опухоль рукой и стал легонько нажимать на нее то справа, то слева.

- Плотно приросла к одному месту, джентльмены! - выкрикнул он. Новообразование захватило сонные артерии и шейные вены и проходит позади челюсти, куда нам, вероятно, придется проникнуть. Невозможно предсказать, как глубоко может завести вскрытие. Карболку. Спасибо! Карболовые повязки, пожалуйста! Давайте хлороформ, мистер Джонсон. Приготовьте маленькую пилу на случай, если придется удалить челюсть.

Больная тихо стонала под полотенцем, которым ей закрыли лицо. Она попыталась поднять руки и согнуть ноги в коленях, но две сестры удержали ее. Душный воздух пропитался едкими запахами карболки и хлороформа. Из-под полотенца донесся глухой вскрик, а затем песенка, которую женщина затянула тоненьким голоском:

Сказал мне милый мой,

Убежим со мной,

Мороженое продавать,

Мороженое...

Потом послышалось сонное бормотанье, и наступила тишина. Хирург, по-прежнему потирая руки, подошел к скамьям и обратился к пожилому человеку, сидевшему перед новичком:

- Очень мало шансов у нынешнего правительства.

- Будет достаточно десяти голосов.

- Скоро оно и этого большинства лишится. Уж лучше пусть само подаст в отставку, чем его вынудят.

- Я боролся бы до конца.

- Что толку? Законопроект не пройдет через комитет, даже если пройдет большинством голосов в палате. Я видел...

- Пациентка к операции готова, сэр, - сказала сестра.

- Я видел Макдональда. Поговорим потом.

Он вернулся к больной, которая, раскрыв рот, тяжело дышала.

- Я намереваюсь, - сказал он, проводя рукой по опухоли и как бы даже лаская ее, - сделать один разрез над верхней границей опухоли, а второй под нижней; оба разреза будут сделаны под прямым углом и дойдут, так сказать, до дна опухоли. Будьте любезны, средний скальпель, мистер Джонсон.

Новичок, сидевший с широко раскрытыми от ужаса глазами, увидел, как хирург взял длинный сверкающий нож, макнул его в жестяной тазик и перехватил пальцами за середину, как, наверное, художник берет кисть. Затем он увидел, как хирург оттянул левой рукой кожу на опухоли. Но тут его нервы, которые за день не раз подвергались испытаниям, окончательно сдали. Голова закружилась, и он почувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Он решил не смотреть на больную. Заткнул уши большими пальцами, чтобы не слышать крика, и устался в деревянную полочку, приделанную к спинке передней скамьи. Он знал, что достаточно одного взгляда, одного вскрика - и он лишится остатков самообладания. Он попытался думать о крикете, о зеленых полях и воде, подернутой рябью, о сестрах, оставшихся дома... о чем угодно, только не о том, что происходило в двух шагах.

И все же какие-то звуки долетали до него, и он невольно возвращался мыслями к страшной опухоли. Он слышал, а может, ему казалось, что он слышит, протяжное шипенье карболового аппарата. Затем ему почудилось движение среди сестер. В уши врывались стоны, потом какой-то другой звук, как будто что-то текло. Воображение рисовало каждую фазу операции - одну картину кошмарней другой. Нервы его напряглись до крайности, он весь дрожал. С каждой минутой голова кружилась сильнее, стало болеть сердце. Вдруг он со стоном качнулся вперед, сильно ударился лбом об узкую деревянную полочку и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, аудитория была уже пуста, а он лежал на скамье с расстегнутым

воротом. Третьекурсник водил мокрой губкой по его лицу, и на это зрелище глазели два ухмыляющихся студента, помогавших при операции.

- Ладно, - сказал новичок, садясь и протирая глаза. - Простите, что сваял дурака.
- Это я виноват... - сказал его товарищ. - Но из-за чего, черт побери, вы хлопнулись в обморок?
- Не выдержал. Операция доконала.
- Какая операция?
- Ну, та самая... рак.

Наступила тишина, потом все три студента расхохотались.

- Вот чудак! - воскликнул третьекурсник. - Ведь никакой операции не было. Врачи нашли, что больная плохо переносит хлороформ, и операцию отменили. Вместо того Арчер прочитал нам одну из своих блестящих лекций. И вы хлопнулись в обморок, как раз когда он рассказывал свой любимый анекдот.

Ветеран 1815 года

Было пасмурное октябрьское утро, и тяжелые тучи низко стлались над крышами домов Вульвича. Внизу, на длинных улицах, застроенных кирпичными зданиями, все было мрачно, грязно и неприветливо. От высоких строений арсенала доносился глухой шум от жужжания бесчисленных колес, грохота падающих тяжестей и прочих проявлений человеческого труда. За арсеналом закопченные дымом убогие жилища рабочих расходились лучами в постепенно уходящей перспективе суживающейся дороги и исчезающих стен.

Улицы были почти пусты, так как громадное чудовище, вечно извергающее из своей пасти клубы дыма и дававшее работу всему мужскому населению города, ежедневно с рассветом поглощало в своих стенах рабочих, чтобы вечером опять извергнуть их на улицу усталыми и измученными дневным трудом. Кое-где на крыльцах домов виднелись здоровенные женщины с руками, загрубелыми от работы, в грязных передниках, занимавшиеся утренней уборкой и обменивавшиеся через дорогу громкими приветствиями друг с другом. Около одной из них, с жаром что-то говорившей, собрался небольшой кружок приятельниц, по временам сочувственно хихикавших в ответ на ее слова.

- Он достаточно стар, чтобы знать, что делать! - сказала она в ответ на восклицание одной из своих приятельниц. - Но сколько же ему лет на самом деле? Сколько я ни ломала над этим голову, мне никогда не удавалось добиться толку.

- Ну, это не так уж трудно рассчитать, - сказала бледнолицая, голубоглазая женщина с резкими чертами лица. - Он участвовал в битве при Ватерлоо, в доказательство чего у него есть медаль и пенсия.

- Это было в незапамятные времена, - заметила третья. - Меня тогда еще не было и на свете.

- Это было пятнадцать лет спустя, считая от начала столетия, - сказала одна из женщин помоложе, стоявшая прислонившись к стене, с улыбкой, выражавшей сознание своей большей осведомленности. - Это сказал мне мой Билл в прошлую субботу, когда я говорила с ним о старом дяде Брюстере.

- Если предположить, что он сказал правду, миссис Симпсон, - то сколько же лет прошло с тех пор?

- Теперь восемьдесят первый год, - сказала, считая по пальцам, женщина, вокруг которой собрался кружок, - а тогда был пятнадцатый. Десять, да десять, да десять, да десять, да десять, - но выходит всего только шестьдесят шесть лет, так что в конце концов он не так уж стар.

- Но ведь он не был же новорожденным малюткой, участвуя в битве, сказала молодая женщина, рассмеявшись. - Если допустить, что ему было в то время всего только двенадцать, то и тогда ему никак не меньше семидесяти восьми лет.

- Да, ему никак не меньше восьмидесяти лет, - сказала несколько голосов.

- Мне уже это надоело, - мрачно сказала высокая женщина. - Если его племянница, или внучатая племянница, или кем там еще она ему приходится, не придет сегодня, я уйду; пусть он ищет себе кого-нибудь другого. Свои дела прежде всего - таков мой взгляд.

- Так он беспокойного нрава, миссис Симпсон? - спросила самая молодая из присутствовавших женщин.

- Вот послушайте, - ответила та, протянув руку и повернув голову по направлению к открытой двери. С верхнего этажа послышались чьи-то неровные шаги и сильный стук палкой об пол.

- Это он ходит взад и вперед по комнате, дозором, как он говорит. Целую половину ночи он занимается этой игрой, глупый старикашка. Сегодня в шесть часов утра он постучал палкой ко мне в дверь. "Выходи на смену!" - закричал он, и еще что-то совсем непонятное. Кроме того, ночью он постоянно кашляет, встает с кровати и отхаркивается, так что ни на минуту невозможно заснуть. Слушайте!

- Миссис Симпсон! Миссис Симпсон! - кричал кто-то сверху хриплым и жалобным голосом.

- Это он, - воскликнула она, кивая головой с торжествующим видом. - Он опять выкинет что-нибудь... Я здесь, мистер Брюстер.

- Дайте мне мой утренний завтрак, миссис Симпсон.

- Он сейчас будет готов, мистер Брюстер.

- Ей Богу, он похож на маленького ребенка, который просит есть, сказала молодая женщина.

- Поверите ли, я иногда готова была задать ему хорошую взбучку, злобно сказала миссис Симпсон. - Ну, кто идет со мной выпить малую толику?

Почтенная компания уже двинулась было к питейному дому, когда какая-то молодая девушка перешла через дорогу и робко дотронулась до рукава ключницы.

- Ведь это № 56 по Арсенальному проспекту? - спросила она. - Не можете ли вы мне сказать, здесь живет мистер Брюстер?

Ключница окинула спрашивающую критическим взглядом. Это была девушка лет двадцати, с широким привлекательным лицом, вздернутым носом и большими, честными, серыми глазами. Ее ситцевое платье, соломенная шляпа, украшенная яркими цветами мака, и узелок, который у нее был с собою, - все это свидетельствовало о том, что она только что приехала из провинции.

- Вы, вероятно, Нора Брюстер? - спросила миссис Симпсон, окидывая девушку с ног до головы далеко не дружелюбным взглядом.

- Да, я приехала, чтобы ходить за своим дедушкой Грегори.

- И отлично сделали, - сказала ключница, кивнув головой. - Пора уже кому-нибудь из его родственников подумать об этом, потому что мне это уже надоело. Ну, вот вы и пришли; входите же в дом и принимайтесь за хозяйство. Чай вон там, в чайнице, а ветчина в шкафу. Старик разозлится на вас, если вы не подадите ему завтрак. За своими вещами я пришлю вечером.

Кивнув головой, она ушла со своими кумушками по направлению к питейному дому.

Предоставленная таким образом самой себе, деревенская девушка вошла в первую комнату и сняла с себя шляпу и жакет. Это была комната с низким потолком; в печке пылал огонь, на котором весело кипел медный котелок. Стоявший в комнате стол наполовину был покрыт грязной скатертью; на столе находились пустой чайник, ломоть хлеба и кое-какая грубая фаянсовая посуда. Нора Брюстер, быстро осмотревшись вокруг, тотчас же принялась за исполнение своих новых обязанностей. Не прошло еще и пяти минут, как чай был готов, два куска сала шипели на сковородке, стол был убран, вязанные салфеточки аккуратно разложены на темно-коричневой мебели - и вся комната стала чистенькой и уютной. Покончив с этим, девушка стала с любопытством разглядывать гравюры, висевшие по стенам. Затем ее взгляд остановился на темной медали, висевшей на пурпуровой ленточке над камином. Под нею была помещена газетная вырезка. Девушка встала на цыпочки, уцепилась пальцами за доску над камином и вытянула шею, бросая время от времени взгляд на сало, шипевшее на сковородке. Эта вырезка, пожелтевшая от времени, гласила следующее:

"Во вторник в казармах третьего гвардейского полка, в присутствии принца-регента, лорда Хилля, лорда Солтауна и многочисленного собрания, среди которого было много представителей высшей аристократии, происходила интересная церемония вручения именной медали капталу Грегори Брюстеру из фланговой роты капитана Хольдена, пожалованной ему

за храбрость, выказанную им в происходившей недавно большой битве в Нидерландах. Дело обстояло так. В достопамятный день, 18-го июня, четыре роты третьего гвардейского полка под командою полковника Мэтленда и Бинга занимали ферму Гугумон, бывшую важным пунктом на правом фланге британских позиций. В критический момент боя у этих войск не хватило пороху. Видя, что генералы Фуа и Жером Бонапарте опять собирают свою пехоту для атаки британской позиции, полковник Бинг поспешил послать капрала Брюстера в тыл, чтобы ускорить доставку боевых запасов. Брюстер напал на две повозки с порохом, и, угрожая извозчикам мушкетом, заставил их везти порох в Гугумон. Однако в его отсутствие заграждения, окружавшие позиции, были зажжены французскими гаубицами, и проезд повозок с порохом стал крайне рискованной вещью. Первая повозка взорвалась, причем извозчик был разорван на куски. Устрашенный участием своего товарища, второй извозчик повернул своих лошадей назад, но капрал Брюстер, вскочив на его сиденье, сбросил его самого с повозки и, бешено погоняя лошадей, прорвался к своим товарищам. Победа, одержанная в этот день британской армией, может быть прямо приписана этому героическому поступку, потому что без пороха было бы невозможно удержать Гугумон, и герцог Веллингтон неоднократно повторял, что если бы Гугумон пал, он не был бы в состоянии удержаться на своей позиции. Пусть же храбрый Брюстер живет долго и хранит, как сокровище, эту медаль, которую он так храбро добыл, с гордостью вспоминая тот день, когда в присутствии товарищей он получил это воздаяние за свое мужество из августейших рук первого джентльмена королевства".

Чтение этой старой вырезки еще больше увеличило в уме девушки то уважение, которое она всегда питала к своему воинственному родственнику. С самого детства он был в ее глазах героем. Она помнила, что ее отец часто рассказывал о его мужестве и физической силе, о том, как он мог ударом кулака сшибить с ног молодого бычка или свободно нести под мышками обеих рук по жирной овце. Правда, она никогда не видела его, но всякий раз, когда она думала о нем, он представлялся ей таким, каким изображали его ее домашние широколицым, гладко выбритым, здоровенным мужчиной с большою мохнатою шапкой на голове.

Она все еще смотрела на медаль, ломая голову над тем, что могли значить слова "dulce et decorum est", вычеканенные на краях медали, когда на лестнице послышались чьи-то неровные шаги, и на пороге двери остановился тот самый человек, который так часто занимал ее воображение.

Но неужели это был он? Куда девался этот воинственный вид, эти сверкающие глаза, это мужественное лицо, которое она так часто, рисовала себе? В дверях стоял перед нею громадный, сгорбленный старик, худой и покрытый морщинами, с беспомощными плохо повиனுющимися членами. Копна пушистых седых волос, красный нос, два толстых клочка бровей и пара мрачно-вопрошающих глаз - вот что встретил ее взгляд. Он стоял, подавшись туловищем вперед, опираясь на палку, в то время, как его плечи поднимались и опускались в такт его шумному, хриплому дыханию.

- Дайте мне мой утренний завтрак, - жалобно произнес он, ковыляя к своему креслу. - Мне нужно поесть, чтобы согреться. Посмотрите на мои пальцы!

Он протянул свои обезображенные руки с совсем синими кончиками пальцев, сморщенные и узловатые, с громадными распухшими суставами.

- Завтрак почти готов, - ответила девушка, удивленно смотря на него. Разве вы не знаете, кто я? Нора Брюстер из Витма.

- Ром согревает, - пробормотал старик, качаясь в своем кресле, - водка и суп также согревают, но для меня самое лучшее - чашка чая. Как вы говорите вас зовут?

- Нора Брюстер.

- Говорите громче, милая. Мне начинает казаться, что голоса людей стали слабее, чем в былые времена.

- Я Нора Брюстер, дядя. Я ваша внучатая племянница и пришла из Эссекса, чтобы жить у вас.

- Значит, вы - дочь брата Джорджа. Господи! Подумать только, что у маленького Джорджа есть дочь?

Он хрипло рассмеялся, и длинные морщины на его шее затряслись и запрыгали.

- Я дочь сына вашего брата Джорджа, - сказала девушка, переворачивая на сковородке сало.

- А славный был маленький Джордж, - продолжал он, - право, славный, черт возьми. У него остался мой щенок бульдога, когда меня взяли на военную службу. Он рассказывал вам об этом?

- Но ведь дедушка Джордж умер двадцать лет тому назад - сказала Нора, наливая чай.

- Да, это был превосходный бульдог, прекрасно выдрессированное животное, черт возьми! Я зябну, когда мне долго не дают есть. Ром хорошая вещь, водка также, но я охотно пью вместо них чай.

Он тяжело дышал, уничтожая свой завтрак.

- Это довольно сносная дорога, по которой вы приехали, - сказал он наконец. - Вы, вероятно, приехали вчера вечером в почтовой карете?

- Нет, я приехала с утренним поездом.

- Господи, подумать только об этом! И вы не боитесь этих новомодных изобретений! Подумать только, что вы приехали по железной дороге! Чего в конце концов не выдумают люди!

Тут на несколько минут наступила пауза, во время которой Нора молча пила свой чай, поглядывая искоса на синеватые губы и жующие челюсти своего собеседника.

- Вы, вероятно, видели много интересного на своем веку, дядя? спросила она наконец. - Ваша жизнь должна вам казаться необыкновенно продолжительной.

- Не такую уж продолжительной, - отвечал он. - В Сретение мне будет девяносто лет, но мне кажется, что с тех пор, как я ушел со службы, прошло не так уж много времени. А эта битва, в которой я участвовал, - иногда мне кажется, что она была вчера. Мне кажется, что я и сейчас еще чувствую запах порохового дыма. Однако я чувствую себя гораздо лучше, подкрепившись!

Теперь он действительно казался не таким изнуренным и бледным, как в первый момент их встречи. Его лицо покраснело, и он держался прямее.

- Прочли вы это? - спросил он, тряхнув головою по направлению к вырезке.

- Да, прочла, и думаю, что вы должны очень гордиться своим поступком.

- Ах, это был великий день для меня! Великий день! Там был сам регент и множество высокопоставленных лиц. "Полк гордится вами", - сказал мне регент. "А я горжусь полком", - ответил я. "Превосходный ответ!" - сказал он лорду Хиллю, и они оба засмеялись. Но что вы там увидели в окне?

- Ах, дядя, по улице идут солдаты с музыкантами впереди.

- А, солдаты? Где мои очки? Господи, но я ясно слышу музыку. Вот пионеры и тамбур-мажор. Какой их номер, милая?

Его глаза сверкали, а его костлявые желтые пальцы впились в ее плечо, точно когти какой-то свирепой хищной птицы.

- У них, кажется, нет номера, дядя. У них что-то написано на погонах. Кажется, Оксфордшир.

- Ах, да, - проворчал он. - Я слышал, что они уничтожили номера и дали им какие-то новомодные названия. Вот они идут, черт возьми. Все больше молодые люди, но они не разучились маршировать. Они идут лихо, ей Богу, они идут лихо.

Он смотрел вслед проходившим солдатам, пока последние ряды их не скрылись за углом, и мерный звук их шагов не затих в отдалении.

Только он уселся в своем кресле, как дверь открылась, и в комнату вошел какой-то джентльмен.

- А, мистер Брюстер! Ну что, лучше вам сегодня? - спросил он.

- Войдите, доктор! Да, мне сегодня лучше. Но только ужасно хрипит в груди. Все эта мокрота! Если бы я мог отхаркивать ее свободно, я чувствовал бы себя совсем хорошо. Не можете ли вы дать мне чего-нибудь для отделения мокроты?

Доктор, молодой человек с серьезным лицом, дотронулся до его морщинистой руки с

вздувшимися синими жилами.

- Вы должны быть очень осторожны, - сказал он, - вы не должны позволять себе никаких отступлений от режима.

Пульс старика был еле заметен. Совершенно неожиданно он засмеялся прерывистым старческим смехом.

- Теперь у меня живет дочь брата Джорджа, которая будет ходить за мной, - сказал он. - Она будет следить за тем, чтобы я не удираю из казарм и не делал того, что не полагается. Однако, черт возьми, я заметил, что что-то было не так.

- Про что вы говорите?

- А про солдат. Вы видели, как они проходили, доктор, а? Они забыли надеть чулки. Ни на одном из них не было чулок. - Он захрипел и долго смеялся своему открытию. - Такая вещь не могла бы случиться при герцоге, пробормотал он. - Нет, герцог задал бы им за это!

Доктор улыбнулся.

- Ну, вы совсем молодцом, - сказал он, прощаясь. - Я загляну к вам через недельку, чтобы справиться, как вы себя чувствуете.

Когда Нора пошла провожать его, он вызвал ее на крыльцо.

- Он очень слаб, - прошептал врач. - Если ему будет хуже, пошлите за мной.

- Чем он болен, доктор?

- Ему девяносто лет. Его артерии превратились в известковые трубки. Его сердце сужено и вяло. Организм износился.

Нора стояла на крыльце, смотря вслед удалявшемуся доктору и думая об этой новой ответственности, которая была возложена на нее. Когда она повернулась, чтобы войти в дом, она увидела возле себя высокого, смуглого артиллериста с тремя золотыми шеvronами на рукаве мундира и с карабином в руке.

- Доброе утро, мисс! - сказал он, поднося руку к своей щегольской фуражке с желтым галуном. - Здесь, кажется, живет старый джентльмен, по имени Брюстер, участвовавший в битве при Ватерлоо?

- Это мой дядя, сэр, - сказала Нора, потупив глаза под пронизательным, критическим взглядом молодого солдата. - Он в гостиной.

- Могу я поговорить с ним, мисс? Я зайду еще раз, если сейчас нельзя будет видеть его.

- Я уверена, что он будет очень рад видеть вас, сэр. Он здесь, войдите пожалуйста. Дядя, вот джентльмен, который хочет поговорить с вами.

- Горжусь, что имею честь видеть вас, горжусь и радуюсь, сэр! - сказал сержант, сделал по комнате три шага вперед и, опустив карабин на землю, в виде приветствия поднес руку ладонью вперед к фуражке.

Нора стояла у двери с раскрытым ртом и расширенными глазами, размышляя о том, был ли ее дядя в юности таким же великолепным мужчиной, как этот сержант, и в свою очередь будет ли этот молодой человек когда-нибудь такой же развалиной, как ее дядя.

- Садитесь, сержант, - сказал старик, указывая палкою на стул. - Вы еще так молоды, а уже носите три шеврона. Господи, теперь легче получить три шеврона, чем в мое время один! Артиллеристы тогда были старые солдаты, и седые волосы на голове появлялись у них раньше, чем третий шеврон.

- Я служу восемь лет, сэр, - сказал сержант. - Мое имя Макдональд, сержант Макдональд 4-й батареи южного артиллерийского дивизиона. Я послан к вам в качестве депутата от своих товарищей по артиллерийским казармам, чтобы сказать вам, что мы гордимся тем, что вы живете в нашем городе, сэр.

Старый Брюстер засмеялся и стал потирать свои костлявые руки.

- То же самое сказал и регент, - воскликнул он. - "Полк гордится вами", - сказал он. "А я горжусь полком", - ответил я. "Превосходный ответ", - сказал регент, и они оба с лордом Хиллем расхохотались.

- Нижние чины сочтут за честь видеть вас, сэр, - сказал сержант Макдональд. - И если вас не пугает расстояние, для вас всегда найдутся в наших казармах трубка табаку и стакан грога.

Старик расхохотался и затем раскашлялся.

- Рады видеть меня, говорите вы? Канальи! - сказал он. - Ладно, ладно, когда будет опять тепло на дворе, я, может быть, и загляну к вам. Весьма возможно, что загляну. Вы нынче стали слишком важны для казенного обеда, а? Завели себе столовые, как офицеры. До чего еще дойдет свет!

- Вы служили в линейном полку, сэр, не правда ли? - почтительно спросил сержант.

- В линейном полку?! - презрительно воскликнул старик. - Никогда в жизни не носил кивера. Я гвардеец, да. Я служил в третьем гвардейском полку, том самом, который теперь называют шотландской гвардией. Господи! Они все уже умерли, все до одного, начиная с полковника Бинга и кончая последним мальчиком-барабанщиком, и вот остался только я. Я здесь, тогда как должен бы быть там. Но это не моя вина!

- Всем нам придется быть там, - ответил сержант. - Не хотите ли попробовать моего табаку, сэр? - прибавил он, протягивая старику кисет из тюленьей кожи.

Старый Брюстер вытащил из своего кармана почерневшую глиняную трубку и начал набивать ее табаком сержанта. Как вдруг трубка выскользнула у него из рук и, упав на пол, разбилась вдребезги. Его губы задрожали, нос сморщился, и старик разразился продолжительными беспомощными рыданиями.

- Я разбил свою трубку, - жалобно воскликнул он.

- Перестаньте, дядя, перестаньте, - говорила Нора, наклоняясь над ним и глядя его по волосам точно маленького ребенка. - Это пустяки. Мы достанем другую трубку.

- Успокойтесь, сэр, - сказал сержант. - Не сделаете ли вы мне честь принять от меня вот эту деревянную трубку с янтарным мундштуком. Я буду очень рад, если вы возьмете ее.

- Черт возьми! - воскликнул старик, улыбаясь сквозь слезы. - Это превосходная трубка. Посмотрите на мою новую трубку, Нора. Бьюсь об заклад, что у Джорджа никогда не было такой трубки. Вы принесли сюда свою винтовку, сержант?

- Да, сэр, я зашел к вам, возвращаясь со стрельбы.

- Дайте мне подержать ее. Господи! Когда держишь в руках ружье, чувствуешь себя так, точно опять стал молодым. Ах, черт возьми, я сломал ваше ружье пополам.

- Это ничего, сэр, - воскликнул артиллерист со смехом. - Вы нажали на рычаг и открыли казенную часть ружья. Вы знаете, конечно, что мы заряжаем их оттуда.

- Заряжаете его не с того конца! Удивительно! И без шомпола! Я слышал об этом, но раньше не верил этому. Ах, им не сравниться со старыми ружьями! Когда дойдет до дела, - вспомните мои слова, - вернутся опять к старым ружьям.

- Клянусь вам, сэр, - горячо воскликнул сержант, - перемены не помешали бы в Южной Африке! В сегодняшней утренней газете я прочел, что правительство уступило этим бурам. Между солдатами идут горячие разговоры по этому поводу.

- Эх, эх, - ворчал старый Брюстер. - Черт побери! Этого не могло бы быть при герцоге. Герцог сказал бы свое мнение об этом.

- Да, он сделал бы это, сэр, - воскликнул сержант. - Пошли нам Бог побольше таких, как он. Но я засиделся у вас. Я зайду к вам опять и, если вы позволите, приведу с собой товарищей, так как каждый из них почтет для себя за честь поговорить с вами.

Итак, поклонившись еще раз ветерану и улыбнувшись Норе, толстый артиллерист ушел, оставив за собой воспоминание о своем голубом мундире и желтом галуне. Но едва прошло несколько дней, как он вернулся опять; мало-помалу он сделался постоянным посетителем Арсенального проспекта. Он приводил с собой других, и скоро на паломничество к дяде

Брюстеру во всем гарнизоне установился взгляд как на своего рода долг каждого солдата. Артиллеристы и саперы, пехотинцы и драгуны входили, кланяясь, в маленькую гостиную, гремя саблями и звеня шпорами, тяжело ступая своими длинными ногами по грубому мохнатому ковру и вытаскивая из кармана сверток курительного или нюхательного табаку, который они приносили как знак своего уважения.

Была страшно холодная зима, и снег лежал на земле шесть недель подряд, так что Норе стоило большого труда поддерживать жизнь в этом изможденном теле. Были дни, когда старик впадал в слабоумие, и тогда он не говорил ни слова, и только в часы, когда он привык получать пищу, заявлял о своем голоде нечленораздельным криком. Но когда опять наступила теплая погода, и зеленые почки стали лопаться на деревьях, кровь оттаяла в его жилах, и он стал далее садиться на крылечке и греться под яркими солнечными лучами.

- Это укрепляет меня, - сказал он однажды утром, греясь на майском солнце. - Только трудно отгонять мух. Они становятся назойливыми в такую погоду и жестоко кусают меня.

- Я буду отгонять их от вас, дядя, - сказала Нора.

- Э, что за чудесная погода! Этот солнечный свет заставляет меня думать о небесном сиянии. Почитайте мне библию, моя милая. Я нахожу, что это удивительно успокаивает.

- Что вам прочесть из нее, дядя?

- Прочтите мне про войны.

- Про войны?

- Да, придерживайся войн. Дай-ка мне на минутку Ветхий Завет. Он мне больше по вкусу. Когда приходит пастор, он читает другое, а мне подавай Иисуса Навина или никого. Хорошие солдаты были эти израэлиты, чудесные солдаты.

- Но, дядя, - возразила Нора, - на том свете уже не будет войн.

- Нет, будут, милая.

- Но кет же, дядя.

Старый капрал сердито стукнул палкой об пол.

- Говорю вам, что будут, милая. Я спрашивал пастора.

- Что же он сказал?

- Он сказал, что там будет последняя битва. Он даже назвал ее. Битва при Арм... арм...

- При Армагеддоне.

- Да, так ее назвал пастор. Я думаю, что третий гвардейский полк будет там. И герцог... Герцог скажет свое слова.

В это время, поглядывая на номера домов, по улице проходил пожилой господин с седыми бакенбардами. Увидев старика, он направился прямо к нему.

- Послушайте, - сказал он, - не вы Грегори Брюстер?

- Да, это я, - ответил ветеран.

- Вы, как я думаю, тот самый Брюстер, который значится в списках шотландского гвардейского полка, как участник в битве при Ватерлоо.

- Тот самый, сэр; хотя мы называли его тогда третьим гвардейским. Это был прекрасный полк, и ему не хватает только меня, чтобы быть в полном составе.

- Полноте, полноте, им еще долго придется ждать вас, - сказал джентльмен, - но я полковник шотландского гвардейского полка и хотел бы поговорить с вами.

Старый Грегори моментально поднялся на ноги и приложил руку к своей шапочке из кроличьей шкурки.

- Господи помилуй! - воскликнул он. - Это удивительно! Это удивительно!

- Не войти ли лучше джентльмену к нам в дом? - предложила из-за двери практичная Нора.
- Конечно, сэр, конечно, входите, если смею просить вас об этом.

В своем волнении он забыл взять палку и потому, сделав несколько шагов, зашатался и упал бы, если бы полковник и Нора моментально не подхватили его под руки с обеих сторон.

- Успокойтесь и будьте хладнокровны, - говорил полковник, подводя его к его креслу.

- Благодарю вас, сэр; я чуть не отправился на тот свет. Но, Господи, ведь я едва верю своим глазам! Подумать только о том, что вы, батальонный командир, сидите у меня, капрала фланговой роты. Черт возьми, как все меняется на свете.

- Но мы все в Лондоне гордимся вами, - сказал полковник. - Итак, вы действительно один из храбрецов, удержавших Гугумон?

Полковник посмотрел на его костлявые, дрожащие руки с огромными опухшими суставами, на его исхудалую шею и сгорбленную спину. Неужели это действительно был последний из той кучки героев? Затем он посмотрел на пузырьки, наполовину наполненные лекарствами, на голубые бутылки с мазью, на все отталкивающие подробности комнаты больного. "Наверное было бы лучше, если бы он погиб под горящими балками бельгийской фермы", - подумал полковник.

- Надеюсь, что вы чувствуете себя хорошо и ни в чем не нуждаетесь, заметил он после паузы.

- Благодарю вас, сэр. Меня ужасно беспокоит мой кашель... ужасно беспокоит. Вы не можете себе представить, как трудно мне отхаркивать мокроту. И мне постоянно хочется есть. Я зябну, когда мне долго не дают есть. А мухи! Я слишком слаб, чтобы справляться с ними.

- А как ваша память? - спросил полковник.

- О, память у меня в порядке. Верите ли, сэр, я могу вам назвать по имени каждого из солдат фланговой роты капитана Хольдена.

- А битва? Вы помните ее.

- Еще бы! Каждый раз, как я закрываю глаза, я как бы снова переживаю ее со всеми подробностями. Вы не поверите, сэр, до чего ясно она представляется мне. Вот линия наших войск - от бутылки с перигориком до табакерки. Вы смотрите? Ну, затем пусть коробочка с пилюлями направо будет Гугумон, где находились мы, а наперсток - Нора-Хей Сэнт. Здесь были все наши пушки, а вон там, позади, резервы и бельгийцы. Ах, эти бельгийцы! - Он яростно плюнул в огонь. - Затем, там, где лежит моя трубка, находились французы, а выше, куда я положил свой кисет с табаком, - прусаки, подходившие к нам с левого фланга. Черт возьми! Это было красивое зрелище, когда они начали палить из пушек.

- Что же вас больше всего поразило в этом сражении? - спросил полковник.

- Я лишился во время него трех пол-крон, - жалобно сказал старый Брюстер. - Ничего удивительного не будет, если мне не удастся получить эти деньги обратно. Я дал их Джебезу Смиту, своему соседу по строю, в Брюсселе. "В ближайшую получку я верну вам эти деньги, Грег", - сказал он. Но ему не пришлось сдерживать свое слово. Его заколол улан в Куортер Брассе, и я остался с распиской в руках вместо денег. Так я все равно что потерял эти деньги.

Полковник, смеясь, встал со стула.

- Офицеры полка хотели бы, чтобы вы купили себе какую-нибудь безделицу, которая послужила бы к вашему удобству, - сказал он. - Это не от меня, так что вы, пожалуйста, не благодарите.

Он взял кисет старика и сунул в него новенький банковый билет.

- Благодарю вас, сэр. Но я хотел бы попросить вас об одной милости, полковник. Когда я умру, вы не откажете мне в воинских почестях при погребении?

- Хорошо, мой друг, я позабочусь об этом, - сказал полковник. - До свидания; надеюсь, что буду иметь от вас только хорошие известия.

- Хороший джентльмен, Нора, - проворчал старый Брюстер, глядя вслед удалившемуся полковнику, - но все-таки далеко ему до моего полковника Бинга.

В этот день старику неожиданно сделалось хуже. Даже яркое летнее солнце, целыми потоками врывавшееся в комнату, было не в состоянии согреть это увядшее тело. Пришедший доктор молча покачал головой. Весь день больной лежал неподвижно, и только слабое дыхание показывало, что в нем еще теплится жизнь. Нора и сержант Макдональд весь день сидели у его кровати, но он, по-видимому, не замечал их присутствия и лежал тихо, с полужакрытыми глазами, положив руки под щеку, как человек, который очень устал.

Они оставили его на минуту одного и сидели в соседней комнате, где Нора приготавливала чай, как вдруг громкий, полный силы, энергии и яростного возбуждения крик прозвучал по всему дому.

- У гвардейцев не хватает пороху! - кричал старик и затем еще раз: - У гвардейцев не хватает пороху!

Сержант вскочил со своего места и бросился в комнату больного; за ним последовала дрожащая Нора. Старик стоял на ногах у своего кресла; его глубокие глаза сверкали, его седые волосы стояли дыбом, вся его фигура дышала возбуждением и гневным вызовом.

- У гвардейцев не хватает пороху, - прогремел он еще раз, - и, клянусь Небом, он будет у них!

Широко взмахнув в воздухе своими длинными руками, он со стоном упал в кресло. Сержант нагнулся над ним, и лицо его омрачилось.

- О, Арчи, Арчи, - простонала испуганная женщина, - как вы думаете, что такое с ним? Сержант ответил.

- Я думаю, - сказал он, - что третий гвардейский полк теперь в полном составе.

За грехи отцов

Сдавленный двумя рядами громадных каменных домов, переулок Скудамор, ведущий к Темзе, скудно освещаемый убогим светом расположенных на большом расстоянии друг от друга газовых фонарей, имеет по ночам мрачный и неприветливый вид. Его тротуары узки, а мостовая вымощена крупным булыжником, так что никогда не смолкающий стук колес ломовых телег, проезжающих по переулку, производит впечатление грохота морских волн. Несколько домов старинной архитектуры рассеяны между громадными домами промышленных и торговых фирм. В одном из этих домов на полдороге к Темзе, по левой стороне улицы, живет известный доктор Горас Сельби. В сущности говоря, это несколько неподходящий квартал для такого крупного медицинского светила, но специалист, имеющий европейскую известность, может не стесняться в выборе себе места жительства. К тому же больные, с которыми приходится иметь дело доктору Горасу Сельби, обыкновенно бывают рады всякому обстоятельству, облегчающему им возможность скрыть свою болезнь.

Было всего только десять часов вечера. Тяжелый грохот экипажей на Лондонском мосту превратился теперь в чуть слышный, неясный гул. Шел сильный дождь, и газовые рожки тускло светили сквозь мокрые стекла фонарей, бросая на мостовую круглые пятна желтоватого света. Воздух был наполнен шумом падавшего дождя и потоков воды, вырывающихся на тротуар из водосточных труб. Во всем переулке была видна только одна человеческая фигура. Это был мужчина, стоявший у дверей квартиры доктора Гораса Сельби.

Он только что позвонил и ждал, когда ему откроют. Свет фонаря у подъезда падал на его мокрый плащ и бледное, нервное, красивое лицо с каким-то особенным, с трудом поддающимся определению выражением, напоминавшим одновременно и испуганную лошадь с расширенными белками глаз, и беспомощное, растерянное лицо плачущего ребенка. Лакей, открывший дверь, сразу узнал в нем пациента. Этот испуганный взгляд и растерянное лицо были таким обычным явлением в передней доктора Гораса Сельби.

- Дома доктор? - спросил посетитель.

Человек замаялся.

- У них гости, сэр. Они не любят, когда их беспокоят не в приемные часы.

- Скажите доктору, что мне непременно нужно его видеть по очень важному, неотложному делу. Вот моя карточка, - и трясущимися руками он стал доставать из бумажника свою карточку.

- Мое имя - сэр Фрэнсис Нортон. Скажите ему, что сэр Фрэнсис Нортон из Дин-Парка хочет непременно его видеть.

- Слушаюсь, сэр. - Лакей взял карточку и сопровождавший ее золотой. Ваш плащ я повешу здесь, в передней, - сказал он. - Он совсем мокрый. Теперь пожалуйста в кабинет, а я пойду схожу за доктором.

Молодой баронет очутился в большой, высокой комнате, устланной таким толстым и мягким ковром, что звука его шагов совсем не было слышно. Тусклый свет двух газовых рожков, отвернутых только наполовину, и какой-то неопределенный ароматический запах, которыми была насыщена атмосфера комнаты, придавали ей какое-то отдаленное сходство с исповедальней. Он сел в блестящее кожаное кресло, стоявшее у камина, в котором тлели уголья, и окинул комнату мрачным взглядом. Стены ее были уставлены шкафами с толстыми книгами в темных переплетах с вытисненными золотом заглавиями на корешках. Перед ним на высокой, старомодной каминной доске из белого мрамора были разбросаны в беспорядке вата, бинты, мензурки, а также стояли маленькие бутылочки. Как раз против него стояла бутылка с широким горлышком, содержавшая медный купорос, и другая, поуже, в которой лежало что-то похожее на обломки черепка сломанной трубки, и на которой был наклеен красный ярлык с надписью: "ляпис". На каминной доске и на большом столе, стоявшем в комнате, лежали также в большом количестве всевозможные инструменты: термометры, шприцы для подкожных впрыскиваний, бистури и шпатели. На том же столе, направо, находились пять томов написанных доктором Сельби сочинений по его специальности, тогда как налево, на красном медицинском указателе, лежала громадная стеклянная модель человеческого глаза величиной с репу, которая, раскрываясь посередине, обнаруживала заключавшуюся в ней лупу и двойную камеру.

Сэр Фрэнсис Нортон никогда не отличался наблюдательностью, и однако он рассматривал все эти мелочи с величайшим вниманием. Он заметил даже то, что пробка на одной из бутылок с кислотами была вытравлена кислотой и поймал себя на мысли о том, что доктору следовало бы употреблять стеклянные пробки. Крошечные царапины и маленькие пятна на покрытом кожей столе, химические формулы, нацарапанные на ярлыке какой-нибудь склянки - ничто не было настолько незначительным, чтобы ускользнуть от его внимания. Его слух также необычайно обострился. Тяжелое тиканье больших черных часов над камином почти болезненно отдавалось в его ушах. Но несмотря на это, несмотря даже на толстые деревянные стены старинного дома, до него доносились голоса людей, разговаривавших в соседней комнате, а иногда до его слуха долетали даже целые отрывочные фразы из их разговора. "Почему вы отдали взятку?" - ясно расслышал он чей-то голос. "Но что же я мог сделать без козырей?" - возражал на это чей-то другой голос. И еще: "Как я мог ходить с дамы, зная, что туз на руках?" Наконец он услышал скрип двери, затем в передней послышались чьи-то шаги, и странное, смешанное чувство нетерпения и страха охватило его при мысли, что сейчас решится его участь.

Доктор Горас Сельби был высокий, полный мужчина с внушительной осанкой. У него были резко очерченный нос и подбородок и пухлое лицо, - комбинация, гораздо больше гармонизировавшая с париком и галстуком времен первых Георгов, чем с коротко подстриженными волосами и черным сюртуком конца XIX века. Его лицо было гладко выбрито, так как его рот был слишком изящно очерчен, чтобы скрывать его под усами, - большой, нервный, чувственный, с необыкновенно симпатичной улыбкой, что вместе с его темными, ласковыми глазами чрезвычайно располагало к нему больных и помогало ему вызывать их на откровенность. Его небольшие мастерски подстриженные бакенбарды и густые волосы были уже тронуты сединой, а крупная величественная фигура уже сама по себе действовала успокаивающе на его пациентов. Уверенные и спокойные манеры в медицине, как и на войне, как бы заключают в себе намек на прежние победы и обещание таковых в будущем. И потому было что-то успокаивающее уже в самом лице доктора Гораса Сельби, так же как и в его больших белых, холеных руках, одну из которых он протянул своему посетителю.

- Мне очень жаль, что я заставил вас ждать, - сказал он баронету. - Но согласитесь, что трудно быть одновременно и любезным хозяином по отношению к своим гостям, и внимательным врачом для своих пациентов. Но теперь я всецело в вашем распоряжении, сэр Фрэнсис. Но, Боже мой, вы совсем продрогли!

- Да, мне холодно.

- Вас так и трясет. Это нехорошо. Это все благодаря ужасной погоде. Может быть, вы выпьете немного вина?

- Нет, благодарю вас. Я действительно чувствую себя не совсем хорошо, но погода тут не при чем. Я страшно взволнован, доктор.

Доктор повернулся к нему в своем кресле и потрепал его рукой по колену, как треплют по шее испуганную лошадь.

- В чем же дело? - спросил он, глядя через плечо на бледное лицо юноши с испуганными глазами.

Два раза молодой человек делал попытку заговорить, но, видимо, не мог решиться. Затем, быстро нагнувшись, он молча засучил штанину и, спустив носок с правой ноги, обнажил ее. Взглянув на его ногу, доктор поморщился.

- Обе ноги? - спросил он.

- Нет, только одна.

- И вдруг?

- Да, сегодня утром.

- Гм! - Доктор выпятил губы и провел пальцами по подбородку. - Вы знаете причину? - быстро спросил он.

- Нет.

Лицо доктора приняло строгое выражение.

- Я думаю, что мне не нужно напоминать вам, что только полная откровенность...

Пациент вскочил со стула.

- Уверяю вас, доктор, - воскликнул он, - что мне не в чем упрекать себя. Неужели вы думаете, что я пришел сюда для того, чтобы обманывать вас? Клянусь вам, что мне не в чем раскаиваться!

Было что-то одновременно и смешное и трагическое в этой жалкой фигуре, стоявшей посреди комнаты с засученной до колена штаниной и выражением ужаса в чертах лица. Взрыв смеха долетел до них из комнаты, где сидели игроки. Несколько мгновений доктор и пациент молча смотрели друг на друга.

- Сядьте! - коротко сказал доктор. - Вашего слова для меня достаточно. - Он наклонился и провел пальцем по ноге молодого человека, ущипнув кожу в одном месте.

- Гм! Папулезный, - пробормотал он, качая головой; - есть еще какие-нибудь симптомы?

- Мое зрение стало немного слабее.

- Покажите ваши зубы! - Доктор стал осматривать его зубы и опять поморщился.

- Теперь глаза! - Он зажег лампу и, взяв в руки маленькую лупу, направил с ее помощью свет на глаз пациента. При этом его открытое, выразительное лицо осветилось такою радостью, таким энтузиазмом, точно он был ботаник, только что нашедший редкий цветок, или астроном, впервые увидевший в поле зрения своего телескопа движение давно отыскиваемой кометы.

- Это очень типично, очень типично, - пробормотал он, поворачиваясь к столу и делая какие-то заметки на листе бумаги. - Любопытная вещь; я напишу монографию как раз на эту тему. Удивительное совпадение обстоятельств.

Увлеченный редким симптомом болезни, он настолько забыл о пациенте, что имел почти торжествующий вид и опомнился только тогда, когда тот стал просить его дать ему подробную характеристику этого состояния.

- Мой дорогой сэр, - сказал доктор, - нам совершенно незачем вдаваться в подробности. Если я, например, скажу вам, что у вас промежуточная стадия кератитиса, то вы от этого выиграете? Есть указания и на предрасположение к золотухе. В общем, по моему мнению, у вас органическое и наследственное заражение.

Молодой баронет откинулся на спинку своего кресла, и голова его тяжело упала на грудь. Доктор бросился к стоявшему рядом столику, налил в стакан немного водки и поднес его к губам больного. Когда тот выпил ее, слабая краска показалась на его щеках.

- Может быть, я поступил несколько неосторожно, сказав вам все сразу, промолвил доктор, - Но вы должны были догадываться, какого рода у вас болезнь, иначе вы не пришли бы ко мне.

- Да, сегодня утром у меня появилось подозрение, когда я увидел на своей ноге эту сыпь. Такая же сыпь была и у моего отца.

- Значит, у вас это по наследству от отца?

- Нет, от деда. Вы, может быть, слышали о сэре Руперте Нортоне, известном кутиле?

Доктор был очень начитанный человек и, кроме того, обладал превосходной памятью. Он сейчас же вспомнил об ужасной репутации, которой пользовался в тридцатых годах этого столетия сэр Руперт Нортон, знаменитый картежник, развратник и дуэлист, до того погрязший в пьянстве и разврате, что в конце концов даже его собутыльники в ужасе отшатнулись от него и оставили его доканчивать свою постыдную жизнь в обществе трактирной служанки, на которой он женился под пьяную руку. Когда доктор взглянул на молодого человека, все еще сидевшего откинувшись на спинку кресла, ему почудилось, что на мгновение за спиной юноши показался неясный образ отвратительного старого денди, увешанного брелками, с дорогим шарфом, намотанным на шею, и смуглым лицом сатира. От него осталась теперь только кучка костей в полусгнившем гробу, но последствия его развратной жизни налицо - в страданиях ни в чем не повинного молодого человека.

- Я вижу, что вы слышали о нем, - сказал молодой баронет. - Он умер ужасной смертью, впрочем, вполне достойной той жизни, которую он вел. Мой отец был его единственным сыном. Это был тип ученого, человека, страстно любившего книги, птиц и природу. Но его праведная жизнь не спасла его.

- Его болезнь проявлялась, вероятно, кожной сыпью?

- Вероятно, потому что он никогда не снимал перчаток, даже в комнате. Затем по временам у него болело горло, иногда же ноги. Он так часто расспрашивал меня о моем здоровье, что мне это надоело, так как я ведь не знал причины его расспросов. Он постоянно смотрел на меня каким-то тревожным, испытующим взглядом. Теперь я понимаю, что это значило.

- Есть у вас братья и сестры?

- Нет, благодарю Бога.

- Так, так... это очень печальный случай и притом самый типичный во всей моей практике. Но утешьтесь, сэр Фрэнсис, тысячи людей страдают подобно вам.

- Но где же справедливость, доктор? - воскликнул молодой человек, вскакивая с своего кресла и взволнованно шагая взад и вперед по кабинету. Если бы я был таким же порочным человеком, как мой дед, тогда это было бы понятно, но я вышел не в него, а в своего отца. Я люблю все прекрасное: музыку, поэзию, искусство. Все грубое и низменное противно мне. Мои друзья могли бы подтвердить вам это. И вдруг эта ужасная, отвратительная болезнь! И за что? В чем была моя вина? Разве в том, что я родился на свете? И вот я уничтожен, втоптан в грязь в тот самый момент, когда жизнь казалась мне такой прекрасной. Мы говорим о грехах отцов. Как же велик тогда грех самого Создателя!

И он бешено потряс в воздухе сжатыми кулаками - этот жалкий беспомощный атом с микроскопическим мозгом, подхваченный вихрем вечности...

Доктор заставил его опять сесть в кресло.

- Успокойтесь, успокойтесь, друг мой, - сказал он. - Вам вредно так волноваться. Ваши нервы не выдержат этого. Мы не в силах своим умом разрешить эти великие вопросы. Да и что такое мы в конце концов? Какие-то полуразвившиеся существа в переходном состоянии; быть может, ближе к медузе, чем к совершенному человеку. Со своим полуразвившимся мозгом мы не в состоянии понять все значение происходящего перед нашими глазами мирового процесса развития. Нет сомнения, что в этих вопросах все - загадка и тайна, но я все-таки думаю, что Поп был прав в своих знаменитых стихах и, с своей стороны, после пятидесятилетнего жизненного опыта, не могу не сказать, что...

Но молодой баронет прервал его негодующим криком:

- Слова, слова и слова! Вы можете рассуждать об этом так спокойно только потому, что вы жили и наслаждались жизнью. Я же еще не жил. В ваших жилах течет здоровая кровь, моя же кровь отравлена. И однако я так же безгрешен, как и вы. Вы заговорили бы совсем другое,

если бы мы поменялись ролями. Эти пустые утешения звучат в моих ушах насмешкой; я не хочу быть грубым, доктор, я хочу только сказать, что понять весь ужас моего положения может только тот, кто сам был в аналогичных обстоятельствах. Но вы должны ответить мне на один вопрос, от которого зависит все мое будущее.

Он стиснул пальцы так, что суставы хрустнули.

- Говорите, мой дорогой сэр. Я вполне сочувствую вам.

- Скажите... скажите мне, не мог ли этот яд уже утратить свою силу? Перейдет ли моя болезнь в наследство моим детям?

- На это может быть только один ответ. "До четвертого колена", гласит старый библейский текст. Вы можете совершенно излечиться от своей болезни, но раньше, чем пройдет несколько лет, вам нечего и думать о женитьбе.

- Моя свадьба назначена во вторник, - чуть слышно произнес пациент.

Теперь доктор Горас Сельби в свою очередь содрогнулся от ужаса. Мало было вещей, которые могли бы так сильно взволновать этого уравновешенного человека, как взволновало его это сообщение больного. Он не мог говорить ни слова, и в комнате воцарилось молчание. Из соседней комнаты до них донеслись голоса игроков: "У нас была бы лишняя взятка, если бы вы пошли с червей". "Но мне нужно было отобрать козырей". Игроки, по-видимому, начинали ссориться.

- Как могли вы? - сурово воскликнул доктор. - Ведь это преступление.

- Вы забыли, что я сам только сегодня узнал об этом. - Он судорожно схватился за виски. - Вы светский человек, доктор Сельби. Посоветуйте, что мне делать. Я вполне положусь на ваше мнение. Это несчастье так неожиданно свалилось на мою голову, что я боюсь, что не перенесу всего этого.

Доктор сдвинул брови и растерянно развел руками.

- Во всяком случае, свадьба не должна состояться.

- Но что же мне делать?

- Чего бы это ни стоило, свадьба не должна состояться.

- Значит, я должен отказаться от нее!

- Я не вижу другого исхода.

Молодой человек, вынув из кармана записную книжку, достал оттуда маленькую фотографическую карточку и протянул ее доктору. Суровое лицо доктора смягчилось, когда он посмотрел на карточку.

- Конечно, для вас это должно быть очень тяжело. Но я не вижу другого исхода. Вы должны отказаться даже от мысли о браке.

- Но это безумие, доктор! Безумие, говорю я вам. Нет, я не буду кричать, - я совсем забыл, где я. Но посудите сами! Свадьба должна быть во вторник, в будущий вторник, вы понимаете? И всем уже известно об этом. Как могу я нанести ей публично такое оскорбление? Это было бы чудовищно.

- Тем не менее, вы должны сделать это, мой дорогой сэр. Другого выхода у вас нет.

- Вы хотите, чтобы в самый последний момент я отказался от брака, не объяснив даже причин своего отказа? Говорю вам, что это невозможно.

- Несколько лет тому назад у меня был пациент, который находился приблизительно в таком же положении, как вы, - задумчиво сказал доктор. - И знаете, что он сделал? Он нарочно совершил уголовный поступок и тем заставил родителей невесты взять назад свое согласие на брак.

Молодой баронет отрицательно покачал головой.

- Моя честь до сих пор еще не запятнана, - сказал он, - а это единственное, что у меня осталось

и чем я не решусь пожертвовать.

- Да, положение ваше затруднительное.

- Не можете ли вы посоветовать мне еще что-нибудь?

- Нет ли у вас земли в Австралии?

- Нет.

- Но деньги у вас есть?

- Есть.

- Тогда купите себе землю, например, завтра утром; положим, тысячу паев в какой-нибудь золотопромышленной компании. Тогда вы можете написать невесте, что неотложные дела заставили вас экстренно уехать в Австралию. Это даст вам отсрочку, по крайней мере, в шесть месяцев.

- Да, это можно было бы сделать. Но подумайте о ее положении: дом полон гостей, гостей, съехавшихся со всех концов Англии. Между тем вы говорите, что нет другого выхода...

Доктор пожал плечами.

- Так я могу написать ей сегодня и завтра же уехать, не правда ли? Может, вы позволите мне написать записку за вашим столом? Благодарю вас. Мне очень совестно, что я вас так долго задерживаю. Но я сию минуту кончу.

Он написал коротенькую записку в несколько строк, но потом разорвал ее и бросил в огонь.

- Нет, я не могу обманывать ее, доктор, - сказал он, подымаясь из-за стола. - Надо придумать что-нибудь другое. Я обдумаю все хорошенько и завтра сообщу вам свое решение. Позвольте мне удвоить вам гонорар, так как я непростительно долго задерживаю вас. Теперь до свидания, и тысячу раз благодарю вас за участие и совет.

- Но вы забыли взять с собой рецепт, - закричал доктор вдогонку уходившему молодому человеку. - Вам придется принимать эту микстуру и по одному из этих порошков, а также делать втирания этой мастью. Вы попали в очень затруднительное положение, но будем надеяться, что все устроится к лучшему. Когда вы дадите о себе знать?

- Завтра утром.

- Чудесно. Какой сильный дождь! Хорошо, что вы захватили с собой плащ. До свидания.

Доктор сам отворил ему дверь. Струя холодного, сырого воздуха ворвалась в переднюю, но доктор долго стоял у двери, глядя вслед медленно удалявшейся одинокой фигуре, то исчезающей во мраке, то появлявшейся снова в пятнах желтоватого света, падавших на мостовую от фонарей. Когда она попадала в полосу света, от нее падала на стену большая тень, и доктору казалось, что какая-то громадная, мрачная фигура идет рядом с юношей и молча ведет его за руку по пустынной улице.

На другой день утром доктор Горас Сельби действительно получил известие от своего пациента. Читая за завтраком газету, он встретил заметку, озаглавленную "Печальный инцидент", в которой сообщалось следующее:

"Вчера около одиннадцати часов вечера на улице короля Вильяма какой-то молодой человек, переходя через дорогу, попал под колеса проезжавшего омнибуса. Повреждения, полученные им, оказались настолько тяжелыми, что по дороге в госпиталь он скончался. По найденным в его кармане записной книжке и визитным карточкам удалось установить, что покойный никто иной, как сэр Фрэнсис Нортон из Дин-Парка, только в прошлом году унаследовавший титул баронета. Случай этот тем прискорбнее, что покойный на этих днях должен был обвенчаться с молодой леди, принадлежащей к одной из самых старинных фамилий южной Англии. С его богатством и талантом он мог рассчитывать на самое блестящее будущее, и его многочисленные друзья без сомнения будут глубоко огорчены известием о его безвременной кончине".

Неудачное начало

- Доктор Орас Уилкинсон дома?

- Это я. Входите, прошу вас.

Посетитель, казалось, был чуть удивлен тем, что дверь ему открыл сам хозяин дома.

- Я хотел бы поговорить с вами.

Доктор, бледный молодой человек с нервным лицом и холеными бакенбардами, в которые упирался высокий белый воротничок, одетый в строгий и длинный черный сюртук, какие носят только врачи, потер руки и улыбнулся.

В плотном, крепко сбитом человеке, стоявшем перед ним, он угадал пациента, первого своего пациента. Скучные его средства таяли, и он уже задумывался над текущими хозяйственными расходами, хотя безопасности ради давно запер в правый ящик стола деньги, предназначенные для арендной платы за первые три месяца. Он поклонился, жестом пригласил посетителя войти, небрежно, словно он случайно оказался в прихожей, запер дверь, проводил незнакомца в скромно обставленную приемную и предложил сесть. Сам доктор Уилкинсон сел за стол и, соединив кончики пальцев, стал внимательно разглядывать посетителя. Интересно, что его беспокоит? Лицо, кажется, слишком красное. Кое-кто из его прежних преподавателей уже поставил бы диагноз и поразил бы пациента описанием симптомов, прежде чем тот успел вымолвить слово. Доктор Орас Уилкинсон мучительно ломал голову, пытаясь угадать недуг своего первого пациента, но природа сотворила его всего-навсего трудолюбивым и усердным человеком, а не блестящим медиком. Мысли его вертелись вокруг цепочки от часов у посетителя, которую он видел перед собой. Она сильно смахивала на медную, и он сделал вывод, что может рассчитывать не более как на полкроны. Что ж, и полкроны на земле не валяются, особенно когда ты только начинаешь.

Пока врач внимательно разглядывал посетителя, тот шарил по карманам своего плотного сюртука. Из-за теплой, не по погоде, одежды и усилий, которые потребовались для этого, лицо его из кирпичного стало свекольным, а лоб покрылся испариной. Именно это и натолкнуло наконец наблюдательного медика на догадку. Не иначе как спиртному посетитель обязан таким цветом лица. Да, беда этого человека в том, что он пьет. Нужен, правда, некоторый такт, чтобы дать понять пациенту, что причина его недуга ясна для врача.

- Фу, жарко! - заметил незнакомец.

- Да, в такую жару так и тянет выпить лишнюю кружку пива, хотя это и вредно, - ответил доктор Уилкинсон, многозначительно глядя на посетителя поверх сомкнутых пальцев.

- Вот чего ни за что бы не посоветовал вам.

- Мне? Я пива не пью.

- Я тоже. Двадцать лет, как бросил.

Гнетущая пауза. Доктор Уилкинсон вспыхнул, лицо у него стало такое же красное, как у собеседника.

- Чем я могу быть полезен? - спросил он, взяв стетоскоп и легонько постукивая им по ногтю большого пальца.

- Да-да, я как раз хотел перейти к делу... Я давно знаю, что вы приехали, но как-то не собрался сразу...

Он неуверенно кашлянул.

- Понимаю, - произнес доктор сочувственно.

- Я должен был зайти к вам еще три недели назад, но знаете, как это бывает, - все откладываете.

Он снова кашлянул, прикрыв рот большой красной ладонью.

- Я думаю, что больше не надо ничего рассказывать, - сказал доктор Уилкинсон, уверенно беря дело в свои руки. - Ваш кашель говорит сам за себя. Затронуты бронхи, если судить на слух. Крохотный очажок, ничего страшного, правда, есть опасность, что он увеличится, так что вы правильно сделали, что пришли. Кое-какие профилактические меры, и вы совсем поправитесь. Снимите, пожалуйста, жилет, рубашку не надо. Вздохните поглубже и низким голосом скажите "девяносто девять".

Краснолицый рассмеялся.

- Да нет, со мной все в порядке, доктор. Кашель оттого, что я жую табак. Дурная привычка. С вас причитается девять шиллингов и девять пенсов по счетчику. Я агент газовой компании.

Доктор Орас Уилкинсон рухнул в кресло.

- Так вы не больной? - пробормотал он.

- Нет, сэр, я ни разу в жизни не был у врача.

- Так вон что... По вашему виду и в самом деле не скажешь, что вы доставляете врачам много хлопот. Ума не приложу, что нам делать, если все будут такие здоровяки, как вы. - Доктор пытался замаскировать разочарование шуткой. - Хорошо, я как-нибудь зайду в контору и внесу эту небольшую сумму.

- Сэр, было бы удобнее, поскольку я уже пришел... И вам не хлопотно...

- Ну что же, пожалуйста!

Эти вечные денежные дела причиняли доктору больше неприятностей, чем скромный образ жизни или скудная еда. Он вытащил кошелек и высыпал содержимое на стол: две монеты по полкроны и несколько пенсов. Правда, в ящике стола припрятаны десять золотых соверенов. Но это плата за помещение. Если притронуться к ним, он погиб. Нет, лучше уж голодать.

- Вот незадача! - сказал он, улыбаясь, словно произошло что-то совершенно неслыханное. - У меня вышла мелочь. Боюсь, что мне все-таки придется зайти в контору.

- Как вам угодно, сэр.

Агент поднялся и, оценив наметанным глазом все, что находилось в комнате - от ковра стоимостью в две гиней до восьмишиллинговых муслиновых занавесок, - откланялся.

После его ухода доктор Уилкинсон прибрал в комнате, что он по обыкновению делал раз десять на дню. С краю на столе положил для вещей убедительности "Медицинскую энциклопедию Куэна", чтобы пациенты видели, какие у него под рукой авторитеты. Потом он вынул инструменты из своей карманной сумки - ножницы, щипчики, хирургические ножи, ланцеты - и аккуратнейшим образом разложил их на виду рядом со стетоскопом. Перед ним были раскрыты журнал, дневник и книга регистрации посетителей. Нигде не было ни единой записи, новенькие глянцевого обложки внушали подозрение, поэтому он потер их друг о друга и даже поставил несколько чернильных клякс. Чтобы пациент не заметил, что его имя первое, он заполнил первую страницу в каждой книге записями о воображаемых визитах, которые он нанес безымянным больным за три последних недели. Прodelав все это, он уронил голову на руки и погрузился в томительное ожидание.

Ожидание клиента всегда томительно для молодого человека, едва начинающего карьеру, но особенно томительно для того, кто знает, что через несколько недель, а то и дней жить будет не на что. Как ни экономить, деньги будут утекать, точно вода, из-за бесчисленных мелких расходов, совершенно непонятных; пока не имеешь собственного дома. И вот сейчас, сидя за столом и задумчиво глядя на горстку серебряных и медных монет, доктор Уилкинсон не стал бы отрицать, что его надежды успешно практиковать в Саттоне быстро улетучиваются.

А ведь это был оживленный, процветающий город, тут было столько денег, что оставалось загадкой, почему знающий человек с умелыми руками должен бежать отсюда из-за невозможности найти работу. Со своего места доктор Орас Уилкинсон видел, как мимо его окна в обе стороны бежал и вихрился бесконечный людской поток. Он поселился в деловом квартале, где воздух всегда наполнен глухим городским шумом, стуком колес и шарканьем бесчисленных шагов. Тысячи и тысячи мужчин, женщин, детей каждый день проходили мимо его двери, но каждый спешил по своим делам и едва ли замечал маленькую медную табличку на ней и давал себе труд подумать о человеке, который ждал внутри. А ведь совершенно очевидно, что многие из них нуждались в его помощи. Мужчины, страдающие дурным пищеварением, и анемичные женщины с прыщеватыми лицами и больной печенью - все они проходили мимо; они нуждались в нем, он нуждался в них, но их разделял неумолимый закон профессиональной этики. Что ему было делать? Не мог же он, выйдя за дверь, схватить за рукав первого встречного и шепнуть ему на ухо: "Прошу прощения, сэр, я только хотел сказать, что ваше лицо усеяно угрями, на вас неприятно смотреть, позвольте рекомендовать вам отличное средство с мышьяком, оно будет стоить не больше, чем один обед или ужин, но, несомненно, поправит ваше здоровье"? Сказать такое - значит унизить высокое и благородное

звание врача, а нет более ревностных хранителей профессиональной чести, чем те, кому эта профессия стала злой мачехой.

Доктор Орас Уилкинсон все так же задумчиво глядел в окно, как вдруг кто-то резко дернул звонок у входной двери. Колокольчик звонил часто, и каждый раз он загорался надеждой, которая тут же гасла и наливалась сердце свинцовым разочарованием, когда он встречал на пороге нищего или коммивояжера. И все-таки наш доктор был молод, обладал отходчивым характером, так что, несмотря на горький опыт, душа его снова радостно отозвалась на призыв. Он вскочил на ноги, окинул взглядом стол, придвинул на более видное место справочники и поспешил к двери. Но, выйдя в прихожую, он чуть не застонал от досады. Сквозь застекленный верх двери он увидел перед домом цыганский фургон, нагруженный плетеными столами и стульями, а у входа мужчину и женщину с ребенком. Он знал, что с этими людьми лучше даже не вступать в разговор.

- Ничего нет! - крикнул он, чуть отпустив цепочку замка. - Уходите! Он захлопнул дверь, но колокольчик зазвонил снова. - Уходите! - крикнул он в сердцах и пошел к себе в приемную. Но едва он успел опуститься на стул, как колокольчик зазвонил в третий раз. Закипая от гнева, он кинулся назад, распахнул дверь.

- Какого...?

- Простите, сэр, нам нужен врач.

В одно мгновение он уже с приятнейшей профессиональной улыбкой потирал руки. Значит, им все-таки нужен врач, а он хотел прогнать их с порога первые посетители, которых он ждал с таким нетерпением. Правда, люди эти из самых низов. Мужчина, высокий цыган с гладкими волосами, отошел к лошади. Перед ним стояла невысокая суровая женщина с большой ссадиной у глаза. Голова у нее была повязана желтым шелковым платком, к груди она прижимала младенца, завернутого в красную шаль.

- Входите, сударыня, - любезно произнес доктор Орас Уилкинсон. Уж тут-то диагноз можно поставить безошибочно, - Присядьте на диван, через минуту вам будет лучше.

Он налил из графина воды в блюдце, наложил компресс из корпии на поврежденное место и сделал перевязку *secundum artem* [по всем правилам искусства(лат.)].

- Спасибо, сэр, - сказала женщина, когда он кончил. - Так хорошо теперь и тепло. Да благослови вас бог, доктор. Но пришла-то я не с глазом.

- Не из-за глаза?

Доктор Орас Уилкинсон начинал сомневаться в преимуществе быстрого диагноза. Поразить пациента - вещь, конечно, превосходная, но до сих пор пациенты поражали его.

- Нет, у ребеночка вот сыпь.

Она отвернула шаль и показала крохотную темноволосую черноглазую девочку. Ее смуглое горячее личико обметала темно-красная сыпь. Ребенок, хрипло посапывая, смотрел на доктора слипающимися со сна глазенками.

- М-да! Верно, сыпь... и порядочно высыпало.

- Я пришла показать ее вам, чтобы вы могли утвердить.

- Что утвердить?

- Ну, если что случится...

- Вот оно что... Подтвердить, значит.

- Ну, а теперь я, пожалуй, пойду. А то Рубен - это мой муж - спешит.

- Неужели вы не возьмете лекарства для девочки?

- Вы видели ее, значит, все в порядке. Если что случится, я скажу вам.

- Вы должны взять лекарство. Ребенок серьезно болен.

Он спустился в маленькую комнатку, которую приспособил под хирургический кабинет, и

приготовил две унции успокаивающей мази в пузырьке. В таких городках, как Саттон, немногие могут позволить себе платить и врачу и фармацевту, и если врач не умеет приготовить лекарство, то ему вряд ли удастся заработать на жизнь.

- Вот лекарство, сударыня. Способ употребления на этикетке. Держите девочку в тепле и не перекармливайте.

- Премного благодарна вам, сэр.

Женщина взяла ребенка в руки и пошла к двери.

- Простите, сударыня, - тревожно сказал доктор, - не кажется ли вам, что неудобно посылать счет на такую небольшую сумму? Лучше, если вы сразу рассчитаетесь со мной.

Цыганка с упреком глянула на него здоровым глазом.

- Вы хотите взять с меня деньги? - спросила она. - Сколько же?

- Ну, скажем, полкроны.

Он назвал сумму небрежно, словно о такой мелочи и говорить всерьез не приходится, но цыганка подняла истошный крик.

- Полкроны? За что?

- Послушайте, дражайшая, почему же вы не обратились к бесплатному врачу, если у вас нет денег?

Неловко согнувшись, чтобы не уронить ребенка, женщина пошарила в карманах.

- Вот семь пенсов, - сказала она наконец, протягивая несколько медяков. - А впридачу дам плетеную скамеечку под ноги.

- Но мне платят полкроны.

Вся его натура, воспитанная на уважении к славной профессии врача, восставала против этой унижительной торговли, но у него не было выхода.

- Да где же я возьму полкроны-то? Хорошо господам, как вы сами: сидите себе в больших домах, едите-пьете, что пожелаете, да еще требуете полкроны. А за что? За то, что скажете "добрый день"? Полкроны на земле не валяются. Денежки-то нам ох как трудно достаются! Семь пенсов, больше у меня нет. Вот вы сказали не перекармливать ее. Куда там перекармливать, кормить не знаю чем.

Пока цыганка причитала, доктор Орас Уилкинсон рассеянно перевел взгляд на крохотную горстку монет на столе - все, что отделяло его от голода, и мрачно усмехнулся про себя, подумав, что в глазах этой бедной женщины он купается в роскоши. Потом он сгреб со стола свои медяки, оставив две монеты в полкроны, и протянул их цыганке.

- Гонорара не надо, - сказал он резко. - Возьмите это. Они вам пригодятся. До свидания!

Он проводил цыганку в прихожую и запер за ней дверь. Все-таки начало положено. У этих бродяг удивительная способность распространять новости. Популярность самых лучших врачей зиждется на таких вот рекомендациях. Повертятся у кухни, расскажут слугам, те несут в гостиную - так оно и идет. Во всяком случае, теперь он может сказать, что у него был больной.

Он пошел в заднюю комнатку и зажег спиртовую горелку, чтобы вскипятить воды для чая; пока вода грелась, он с улыбкой думал об этом визите. Если все будут такие, то нетрудно посчитать, сколько потребуется больных, чтобы разорить его до нитки. Грязь на ковре и убитое время не в счет, но бинта пошло на два пенса и лекарства на четыре, не говоря уже о пузырьке, пробке, этикетке и бумаге. Кроме того, он дал ей пять пенсов, так что первый пациент стоил ему никак не меньше шестой части наличного капитала. Если появятся еще пятеро, он вылетит в трубу. Доктор Уилкинсон присел на чемодан и затрясся от смеха, отмеривая в коричневый керамический чайник полторы чайных ложки чая по шиллингу и восемь пенсов за фунт. Вдруг улыбка сбежала с его губ, он вскочил на ноги и прислушался, вытянув шею и скосив глаза на дверь. Заскрежетали колеса на обочине тротуара, послышались шаги за дверью, и громко задребезжал звонок. С ложкой в руке он выглянул в окно и с удивлением увидел экипаж, запряженный парой, и напудренного лакея у дверей.

Ложка звякнула об пол, он недоуменно застыл. Потом, собравшись с духом, распахнул дверь.

- Молодой человек, - начал лакей, - скажи своему хозяину доктору Уилкинсону, что его просят как можно скорее к леди Миллбэнк, в "Башни". Он должен ехать немедленно. Мы бы подвезли его, но нам нужно заехать еще раз к доктору Мэйсону посмотреть, дома ли он. Поторопитесь-ка передать ему это!

Лакей кивнул и исчез; в ту же минуту возница хлестнул лошадей, и экипаж понесся по улице.

Дела принимали неожиданный оборот! Доктор Орас Уилкинсон стоял у двери, пытаясь собраться с мыслями. Леди Миллбэнк, владелица "Башни". Очевидно, состоятельная и высокопоставленная семья. И случай, видно, серьезный - иначе зачем такая спешка и два врача сразу? Однако каким чудом объяснить, что послали именно за ним?

Он скромный, никому не известный врач. Тут какая-то ошибка. Да, так оно, верно, и есть... А может быть, кто-нибудь решил сыграть с ним злую шутку? Но так или иначе пренебрегать таким приглашением нельзя. Он должен немедленно отправиться и выяснить, в чем дело.

Хотя кое-что он может узнать еще на своей улице. На ближайшем углу есть крохотная лавчонка, где один из старожиллов торгует газетами и сплетнями. Сперва он отправится туда... Доктор надел начищенный цилиндр, рассовал инструменты и перевязочный материал по карманам, не выпив чая, запер свою приемную и пустился навстречу приключению.

Торговец на углу был ходячим справочником обо всех и обо всем в Саттоне, так что очень скоро доктор Уилкинсон получил необходимые сведения. Оказалось, что сэр Джон Миллбэнк - популярнейшая фигура в городе. Крупный оптовик, он занимался экспортом письменных принадлежностей, трижды был мэром и, по слухам, стоил никак не меньше двух миллионов стерлингов.

"Башни" - это богатое поместье сэра Джона Миллбэнка недалеко от города. Супруга его давно хворает, и ей становится все хуже. Все выглядело пока вполне правдоподобно. Они вызвали его благодаря какой-то поразительной случайности.

Но вдруг доктора снова одолели сомнения, и он вернулся в лавку.

- Я доктор Орас Уилкинсон, живу по соседству. Нет ли в городе другого врача с этим именем?

Нет. Торговец был уверен, что второго доктора Уилкинсона в городе нет.

Итак, все ясно, ему выпал неслыханно счастливый случай, и он должен незамедлительно воспользоваться им. Он позвонил кэбу и помчался в "Башни". У него то кружилась голова от радостных надежд и восторга, то замирало сердце от страха и сомнений, что он не сможет быть полезным или что в самый критический момент у него не окажется с собой нужного инструмента или какого-нибудь средства. В памяти всплывали всякие сложные и простые случаи, о которых он слышал или читал, и задолго до того, как добраться до "Башен", он окончательно убедил себя, что его немедленно попросят сделать по меньшей мере трепанацию черепа.

"Башни" оказались большим домом, стоящим посреди парка на другом конце аллеи. Подкатив к дому, доктор выпрыгнул из кэба, отдал кэбману половину своего земного имущества и последовал за величественным лакеем, который, справившись, как доложить, провел доктора через великолепную, обшитую дубом и с цветными стеклами в окнах залу, стены которой были увешаны оленьими головами и старинным оружием, и пригласил в большую гостиную. В кресле у камина с раздраженным видом восседал желчный мужчина, а в дальнем конце комнаты, у окна, стояли две молодые леди в белом.

- Эй-эй, что такое? - воскликнул желчный мужчина. - Вы доктор Уилкинсон, да?

- Да, сэр. Я доктор Уилкинсон.

- Так, так! Вы как будто очень молоды, гораздо моложе, чем я ожидал. Однако вот Мэйсон - старик, а все же, кажется, не очень разбирается что к чему. Наверно, стоит попробовать теперь с другого, так сказать, конца. Вы тот самый Уилкинсон, который писал что-то про легкие?

Теперь все ясно! Два единственные сообщения, которые он послал в "Ланцет" и которые были помещены где-то на последних страницах среди дискуссий о профессиональной этике и вопросов насчет того, во сколько обходится держать в деревне лошадь, - два эти скромные сообщения касались именно легочных заболеваний. Значит, он не напрасно трудился. Значит,

чей-то взгляд остановился на них и имя автора было замечено. Кто после этого осмелится утверждать, что труд может остаться невознагражденным!

- Да, я писал о легких.

- Ага! Ну, хорошо, а где же Мэйсон?

- Не имею чести знать его.

- Вот как! Странно. Он знает вас и ценит ваше мнение. Вы ведь не здешний?

- Да, я приехал совсем недавно.

- Мэйсон так и сказал. Он не дал мне ваш адрес. Сказал, что сам привезет вас. Но когда жене стало хуже, я навел справки и без него послал за вами. Я послал и за Мэйсоном, но его не оказалось дома. Однако, мы не можем так долго ждать, бегите-ка наверх и принимайтесь за дело.

- Гм, вы ставите меня в весьма неловкое положение, - сказал доктор Орас Уилкинсон неуверенно. - Насколько я понимаю, меня пригласили сюда на консилиум с моим коллегой, доктором Мэйсоном. Мне вряд ли удобно осматривать больную в его отсутствие. Я думаю, что лучше подождать.

- Подождать? Да вы что? Неужели вы думаете, что я позволю врачу прохлаждаться в гостиной, в то время как моей жене становится хуже и хуже! Нет, сэр, я человек простой и говорю попросту: либо вы немедленно идете к ней, либо уходите.

Неподобающие обороты речи хозяина покорили доктора. Хотя человеку многое прощается, когда у него больна жена. Поэтому доктор Уилкинсон удовольствовался сухим поклоном.

- Если вы настаиваете, я иду к больной, - сказал он.

- Да, настаиваю! И вот еще что: нечего простукивать ей грудь и прочие штучки. У нее обыкновенный бронхит и астма и больше ничего нет. Можете ее вылечить - милости просим. От всех этих простукиваний да прослушиваний она только силы теряет, а пользы все равно никакой.

Доктор мог стерпеть личное неуважение, но когда неосторожным словом задевали его святыню - профессию врача, он не мог сдержаться.

- Благодарю вас, - сказал он, беря шляпу. - Имею честь пожелать вам всего хорошего. Я не хочу брать на себя ответственность за больную.

- Постойте, в чем дело?

- Не в моих правилах давать советы, не осмотрев пациента. Странно, что вы предлагаете это врачу. Желаю вам всего хорошего.

Сэр Джон Миллбэнк был сугубо коммерческий человек и неукоснительно придерживался коммерческого принципа: чем труднее заполучить что-либо, тем это дороже. Мнение врача определялось для него единственно тем, сколько за него будет заплачено. А этот молодой человек, казалось, не придавал никакого значения ни его состоянию, ни титулу. И потому он сразу же преисполнился уважения к нему.

- Вот как? У Мэйсона кожа потолще, - сказал он. - Ну, ладно, ладно, пусть будет по-вашему. Поступайте, как знаете. Я молчу. Вот только поднимусь наверх и скажу леди Миллбэнк, что вы сейчас придете.

Едва за ним захлопнулась дверь, как две застенчивые юные леди выпорхнули из своего угла и оживленно заговорили с доктором, которого все это до крайности удивляло.

- Так ему и надо! - воскликнула та, что повыше, хлопая в ладоши.

- Не позволяйте ему командовать собой, - сказала другая. - Хорошо, что вы настояли на своем. Вот так он и обращается с бедным доктором Мэйсоном. Он даже не имел возможности как следует осмотреть маму. Он во всем слушается папу. Ш-ш, Мод, он идет!

Они мгновенно утихли и кинулись в свой угол, молчаливые и робкие, как прежде.

Доктор Орас Уилкинсон последовал за сэром Джоном по широкой, устланной ковром лестнице в затемненную комнату, где находилась больная. За пятнадцать минут он тщательнейшим образом осмотрел ее и снова спустился с супругом в гостиную. У камина стояли два господина, один - типичный практикующий врач, аккуратный и гладко выбритый, другой - солидный, высокий мужчина средних лет с голубыми глазами и большой рыжей бородой.

- А, это вы, Мэйсон! Наконец-то!

- Сэр Джон, я не один. Я обещал привезти вам доктора Уилкинсона.

- Кого? Вот доктор Уилкинсон!

Доктор Мэйсон уставился на молодого человека.

- Я не знаю этого господина! - воскликнул он.

- И тем не менее я доктор Орас Уилкинсон с Кэнелвью-стрит, дом 14.

- Боже мой, сэр Джон! - воскликнул доктор Мэйсон. - Неужели вы полагаете, что к такой больной, как леди Миллбэнк, я пригласил бы для консультации начинающего врача? Доктор Адам Уилкинсон читает курс легочных заболеваний в Регентском колледже в Лондоне, является штатным врачом больницы Святого Суизина и автором десятка работ по этой специальности. Доктор Уилкинсон проездом в Саттоне, и я решил воспользоваться его присутствием, чтобы выслушать высококвалифицированное мнение о состоянии леди Миллбэнк.

- Благодарю вас, - сухо отвечал сэр Джон. - Этот молодой господин только что тщательно осмотрел мою жену, и боюсь, что это сильно утомило ее. На сегодня, думаю, хватит, но поскольку вы потрудились приехать, я, разумеется, буду рад получить от вас счет.

Доктор Мэйсон был крайне раздосадован появлением другого Уилкинсона, друга же его, специалиста, напротив, история эта крайне позабавила. Когда они уехали, сэр Джон выслушал мнение молодого врача о состоянии своей жены.

- Ну, а теперь я вам вот что скажу, - решил сэр Джон, когда тот кончил. - Я человек слова, понимаете? Когда мне кто понравится, я просто к нему прилипаю. Хороший друг и опасный враг - вот кто я такой. Я верю вам и не верю Мэйсону. Поэтому с сегодняшнего дня вы будете практиковать меня и мою семью. Заглядывайте к моей жене каждый день. Как у вас с расписанием визитов?

- Я очень благодарен за добрые слова и ваше великодушное предложение, боюсь, однако, что я не смогу, по всей видимости, воспользоваться им.

- В чем же еще дело?

- Я вряд ли смогу взяться за лечение вашей супруги, поскольку доктор Мэйсон уже лечит ее. Это было бы неэтично с моей стороны.

- Ну как хотите! - воскликнул сэр Джон. - Мне еще никто не доставлял столько хлопот. Вам сделано хорошее предложение, вы отказались, значит, и говорить не о чем!

Миллионер, топая ногами, раздраженно выскочил из комнаты, а доктор Орас Уилкинсон, унося в кармане первую заработанную гинею, отправился домой, к своей спиртовой горелке и чаю по шиллингу и восемь пенсов, преисполненный гордого сознания, что он следовал лучшим традициям врачебной профессии.

И все-таки это неудачное начало было вместе с тем и добрым началом, ибо доктор Мэйсон, конечно, узнал, что младший коллега, имея возможность лечить самого выгодного в округе пациента, отказался от предложения. К чести медиков надо сказать, что это скорее правило, чем исключение, хотя в данном случае, когда врач так молод, а пациент так состоятелен, искушение было, бесспорно, велико. Поэтому вскорости последовало благодарное письмо, затем визит. Завязалась дружба. И теперь почти все больные Саттона лечатся у известной медицинской фирмы "Мэйсон и Уилкинсон".

Проклятие Евы

Роберт Джонсон был человек самый заурядный, совершенно лишенный всякой оригинальности. Ему было тридцать лет от роду, он был женат, отличался умеренными взглядами, а его бледное лицо и наружность были совершенно бесцветны.

Он держал галантерейный магазин в Нью-Норт-Роде, и вечная борьба с другими торговцами на почве конкуренции совершенно обессилила его. Постоянно занятый только одной мыслью - приобрести как можно больше покупателей, - он сделался лстивым и низкопоклонным и, в конце концов, стал походить скорее на какую-то бездушную машину, чем на живого человека. Никакие великие вопросы никогда не волновали его. Поглощенный всецело интересами своего маленького замкнутого мира, он, казалось, был совершенно недоступен ни одной из человеческих страстей. Но такие события, как рождение, смерть или болезнь неизбежны в жизни всякого, и когда человеку в тот или другой момент его жизненной карьеры приходится сталкиваться с одним из этих явлений суровой действительности, маска цивилизации моментально падает с его лица, и перед нами предстает его истинный, более грубый и естественный облик.

Жена Джонсона была тихая, кроткая, маленькая брюнетка. Его любовь к ней была единственной положительной чертой его характера. Каждый понедельник они вместе раскладывали товары в оконной витрине; вниз клались чистые сорочки в зеленых папках, наверху рядами развешивались галстуки, по бокам размещались белые карточки с дешевыми запонками, а на заднем плане красовались ряды мягких суконных шляп и масса ящиков, в которых более ценные шляпы находили защиту от солнечного света. Жена Джонсона сама вела книги и рассылала счета покупателям. Никто кроме нее не знал радостей и печалей его незаметного существования. Она разделяла его восторг, когда однажды какой-то джентльмен, отправлявшийся в Индию, купил в их магазине десять дюжин сорочек и невероятное количество галстуков, и была в не меньшем отчаянии, чем он сам, когда счет, посланный в гостиницу, где остановился этот джентльмен, был возвращен с пометкою, что такое лицо в ней не проживает. Так они трудились в течение пяти лет, занятые хлопотами по своему магазину и поглощенные любовью друг к другу, тем более исключительною, что у них не было детей. Но вот появились признаки, указывавшие на близость перемены в их жизни. Она уже не могла спускаться вниз и ее мать, миссис Пейтон, приехала из Кэмбервелла ухаживать за ней и нянчиться с ожидаемым ребенком.

Легкая тревога прокралась в душу Джонсона, когда приблизилось время родов его жены. Но ведь, в конце концов, это была неизбежная и естественная вещь. Жены других людей проходят это без вреда для своего здоровья, почему же с его женой должно быть иначе? Он сам происходил из семьи, в которой было четырнадцать человек детей, и однако его мать была жива и здорова. Вообще уклонение от нормального хода вещей возможно только как исключение. Но все-таки, несмотря на все эти рассуждения, он никак не мог отделаться от навязчивой, тревожной мысли об опасности, угрожавшей его жене.

Еще за пять месяцев до срока Джонсон пригласил к своей жене лучшего местного акушера - доктора Майльса из Бридпорт-Плэса. По мере того, как шло время, в магазине стали появляться между крупными принадлежностями мужского туалета какие-то до смешного маленькие белые платица, обшитые кружевами и украшенные лентами. И вот, однажды вечером, когда Джонсон занимался в магазине прикреплением к галстукам ярлычков с обозначением цены, он услышал наверху какой-то шум, и вслед за тем по лестнице сбежала вниз миссис Пейтон, заявившая, что Люси сделалось плохо и что по ее мнению следует немедленно послать за доктором.

Роберт Джонсон был вообще медлителен по натуре. Он был человек положительный и степенный и любил делать все методически. От угла Нью-Норт-Рода, где находилась его лавка, до дома доктора в Бридпорт-Плэс было с четверть мили. Когда он вышел из дома, на улице не было ни одного кэба, так что он пошел пешком, оставив мальчика присмотреть за лавкой. В Бридпорт-Плэсе ему сказали, что доктора только что позвали к одному больному в Харман-Стрит, Джонсон отправился в Харман-Стрит, уже утратив часть своей степенности, так как им уже начало овладевать беспокойство. По дороге ему попались два кэба с седоками, но ни одного порожнего. В Харман-Стрите он узнал, что доктор уехал к больному корью, случайно оставив его адрес, Дунстан-Род, 69, на другой стороне канала Регента. Степенность Джонсона окончательно исчезла, когда он подумал о женщинах, ждущих доктора, и он теперь уже не шел, а бежал изо всех сил по Кингсланд-Роду. По дороге он вскочил в кэб и поехал в Дунстан-Род. Доктор только что уехал оттуда, и Роберт Джонсон чуть не заплакал от досады. К счастью он не отпустил извозчика и потому скоро опять был в Бридпорт-Плэсе. Доктор Майльс еще не вернулся домой, но его ждали с минуты на минуту. Джонсон остался ждать в высокой, плохо освещенной комнате, в воздухе которой был слышен чуть заметный, нездоровый запах эфира. Комната была уставлена массивной мебелью, книги на полках имели мрачный вид, большие черные часы уныло тикали над камином. Взглянув в них, он увидел, что было уже половина восьмого и что, следовательно, с тех пор, как он вышел из дома, прошел уже час с четвертью. Что-то думать теперь о нем жена и мать? Каждый раз, как на лестнице хлопала дверь, он с дрожью нетерпения вскакивал с своего места и ему казалось, что он уже слышит глубокий, грудной голос доктора. Наконец, точно гора свалилась у него с плеч, когда он услышал на

лестнице чьи-то быстрые шаги и затем щелканье поворачиваемого в замке ключа. В тот же момент, прежде чем доктор успел переставить ногу через порог, Джонсон выскочил в переднюю.

- Ради Бога, доктор, поедemте со мной! - воскликнул он. - В шесть часов моя жена почувствовала себя дурно.

Он сам хорошенько не знал, чего он ждет от доктора, - во всяком случае какого-то необыкновенного энергичного поступка. Может быть, ему смутно представлялось, что доктор схватит кое-какие лекарства и порывисто устремится вместе с ним по освещенным газом улицам. Вместо этого доктор Майльс спокойно поставил в угол свой зонтик, несколько нетерпеливо сбросил с себя шляпу и заставил Джонсона опять войти в комнату.

- Сейчас, сейчас! Вы приглашали меня, так ли? - спросил он не особенно любезно.

- О, да, доктор, еще в прошлом ноябре. Я - Джонсон, хозяин галантерейного магазина в Нью-Норт-Роде, может быть, вы помните?

- Да, да. Роды немного запоздалые, - сказал доктор, пробегая список имен в своей записной книжке с блестящим переплетом. - Ну, как она чувствует себя?

- Я не...

- Да, конечно, вы ничего не можете сказать, так как это в первый раз. Но скоро вы будете больше понимать в этом.

- Миссис Пейтон сказала, что пора уже звать доктора.

- Мой друг, когда роды происходят в первый раз, вовсе нет необходимости особенно спешить. Нам хватит работы на целую ночь, вы увидите сами. С другой стороны, мистер Джонсон, чтобы машина могла действовать, ей нужен известный запас угля и воды, а я еще ничего не ел с утра, если не считать легкого завтрака.

- Мы что-нибудь приготовили бы для вас, доктор, что-нибудь горячее и чашку чая.

- Благодарю вас, но я думаю, что мой обед уже готов. Все равно первое время я ничем не могу быть полезен. Ступайте-ка лучше домой и скажите, что я приеду, а вслед за тем немедленно явлюсь и я.

Роберт Джонсон почти с ужасом смотрел на этого человека, который в такой момент мог думать об обеде. У него не хватало воображения, чтобы понять, что то, что казалось ему таким страшно важным и значительным, для доктора было простым и обыденным явлением, банальным случаем в его обширной практике, и что он не прожил бы и года, если бы среди своей кипучей деятельности не находил времени для удовлетворения законных потребностей своего тела. Джонсону он казался почти чудовищем. Мысли, полные горечи, роились в его голове в то время, как он поспешно возвращался в свою лавку.

- Однако вы не спешили! - крикнула ему теща с площадки лестницы в то время, как он поднимался вверх.

- Я ничего не мог поделать, - запыхавшись, произнес он. - Кончилось это?

- Кончилось! Ей еще долго придется страдать, бедняжка! Где доктор Майльс?

- Он придет после того, как пообедает.

Старушка хотела что-то ответить, но в это время из-за полуоткрытой двери послышался громкий страдальческий голос больной, звавшей ее к себе. Она побежала к ней и заперла за собой дверь, а Джонсон уныло направился в свою лавку. Отослав мальчика домой, он с каким-то бешенством принялся запирать ставни и убирать коробки с товаром. Когда все было заперто, он уселся в гостиной, находившейся позади лавки. Но он не мог усидеть на месте и постоянно вскакивал и принимался ходить по комнате, а затем опять бросался в свое кресло. Как вдруг он услышал звон посуды и увидел девушку, проходившую через комнату с подносом, на котором стояли чашка чая и дымящийся чайник.

- Для кого это, Джен? - спросил он.

- Для барыни, мистер Джонсон. Она сказала, что с удовольствием выпьет чашку чая.

Для него то обстоятельство, что его жене захотелось чая, было громадным утешением. В конце концов дело, очевидно, было не так уж плохо, если его жена могла думать о таких вещах. Он был так доволен, что спросил себе также чашку чая. Только что он кончил пить чай, как явился доктор с черной кожаной сумкой в руках.

- Ну, как она чувствует себя? - весело спросил он.

- О, ей гораздо лучше, - с энтузиазмом ответил Джонсон.

- Ай, ай, это скверно! - сказал доктор. - Может быть, лучше мне заглянуть к вам завтра утром?

- Нет, нет, - воскликнул Джонсон, схватив доктора за рукав его толстого фризowego пальто. - Мы так рады, что вы приехали к нам. И пожалуйста, доктор, сойдите как можно скорее вниз и сообщите мне, как вы ее нашли.

Доктор поднялся наверх, и его твердая тяжелая поступь была слышна во всей квартире. Джонсону был слышен скрип его сапог, когда он ходил по комнате больной, находившейся как раз над ним, и этот звук был для него великим утешением. Решительная, неровная походка доктора свидетельствовала о том, что у этого человека бездна самоуверенности. В скором времени Джонсон, употребивший все усилия, чтобы слышать то, что происходит наверху, услышал сверху шум передвигаемого по полу кресла, а спустя мгновение наверху распахнулась дверь и кто-то стремглав бросился бежать вниз по лестнице. Джонсон вскочил с своего места, и волосы у него на голове встали дыбом при мысли, что случилось что-то ужасное, но оказалось, что это была его взволнованная теща, растерянно принявшаяся искать ножницы и кусок какой-нибудь тесемки. Затем она исчезла, а Джен стала подниматься наверх с целой охапкой только что проветренного белья в руках. Затем после нескольких минут зловещей тишины послышалась тяжелая, шумная поступь доктора, спустившегося в гостиную.

- Лучше, - сказал он, остановившись в дверях. - Вы что-то побледнели, мистер Джонсон.

- О, нет, сэр, нисколько, - ответил тот умоляющим голосом, вытирая лоб носовым платком.

- Пока еще нет основания бить тревогу, хотя дело идет не совсем так, как было бы желательно, - сказал доктор Майльс, - Тем не менее, будем надеяться на благоприятный исход.

- Разве есть опасность, сэр? - чуть слышно проговорил Джонсон.

- Опасность есть всегда. Кроме того, роды вашей жены идут не совсем благоприятно, хотя могло бы быть гораздо хуже. Я дал ей лекарство. Когда я проезжал, я заметил, что напротив вас выстроили небольшой домик. Вообще этот квартал отстраивается, и цена на землю растет. Вы что, тоже арендуете этот маленький клочок земли?

- Да, сэр, да! - воскликнул Джонсон, жадно ловивший каждый звук, доносившийся сверху и тем не менее находивший немалое утешение в том, что доктор мог в такую минуту непринужденно болтать о пустяках, - То есть я говорю не то, сэр, я не арендатор, я годовой жилец.

- На вашем месте я взял бы землю в аренду. Знаете, на вашей улице есть часовщик Маршал; я два раза был акушером у его жены и лечил его от тифа, когда они жили в Принс-Стрите. Поверите ли, его домохозяин повысил квартирную плату чуть не на сорок процентов в год, так что в конце концов ему пришлось выехать.

- А благополучно кончились роды его жены, доктор?

- О, да, вполне благополучно. Однако, что там такое?

Доктор с минуту прислушивался к шуму, раздававшемуся наверху, и затем быстро выбежал из комнаты.

Дело было в марте месяце, и вечера были холодные, так что Джен затопила камин, но вследствие сильного ветра дым то и дело валил из камина в комнату. Джонсона трясла лихорадка, хотя не столько от холода, сколько от терзавшего его беспокойства. Он скорчился в кресле перед камином, протянув к огню свои тонкие белые руки. В десять часов вечера Джен принесла кусок холодного мяса и накрыла ему на стол, но он не мог заставить себя прикоснуться к пище. Однако он выпил стакан пива, и ему стало лучше. Нервное состояние, в котором он находился, сделало его слух необыкновенно восприимчивым, так что ему был слышен малейший шорох в комнате больной. Под влиянием выпитого пива он так расхрабрился, что тихонько поднялся по лестнице наверх, чтобы посмотреть, что там происходит. Дверь в спальню была чуть-чуть приоткрыта, и через образовавшуюся щель перед

ним на мгновение мелькнуло гладко выбритое лицо доктора, принявшее теперь утомленный и озабоченный вид. Затем он побежал как сумасшедший вниз по лестнице и, встав у дверей, стал смотреть на улицу, думая таким образом немного развлечься. Лавки все были заперты, и на улице не было видно никого, кроме нескольких запоздавших гуляк, возвращавшихся из питейного дома, оглашая улицу пьяными возгласами. Он стоял у дверей, пока веселая компания не скрылась из вида, и затем опять вернулся к своему креслу перед камином. В его голове зашевелились вопросы, никогда раньше не волновавшие его. Где же справедливость, думал он, и почему его кроткая, тихая жена обречена на такие страдания? Почему природа так жестока? Его собственные мысли путали его, и в то же время он удивлялся тому, что раньше такие мысли никогда не приходили в его голову.

Под утро Джонсон, совершенно разбитый, в накинутах на плечи пальто, сидел, дрожа всеми членами, перед камином, уставившись глазами в кучку остывшего пепла и тщетно ожидая какого-нибудь известия сверху, которое облегчило бы его страдания. Его лицо побледнело и осунулось, а нервное возбуждение, в котором он находился так долго, перешло в состояние полной апатии. Но когда наверху хлопнула дверь и на лестнице послышались шаги доктора, прежнее возбуждение опять охватило его. В повседневной жизни Роберт Джонсон был спокойным, сдержанным человеком, но теперь он бросился, как сумасшедший, навстречу доктору, чтобы узнать, не кончилось ли уже все.

Одного взгляда на строгое, серьезное лицо доктора было для него достаточно, чтобы понять, что принесенные им известия не особенно утешительны. За эти несколько часов в наружности доктора произошла не меньшая перемена, чем в наружности самого Джонсона. Его волосы были растрепаны, лицо покраснело, а на лбу блестела испарина. У него был боевой вид человека, только что в течение долгих часов боровшегося с самым беспощадным из врагов за самое драгоценное из сокровищ. Но, в то же время, в выражении его лица была какая-то подавленность, свидетельствовавшая о сознании, что из этой схватки едва ли он выйдет победителем. Он сел в кресло и опустил голову на руки с видом человека, выбившегося из сил.

- Я считаю своим долгом предупредить вас, мистер Джонсон, что положение вашей жены очень серьезно. Ее сердце слабо и у нее появились симптомы, которые мне не нравятся. По моему мнению не мешало бы пригласить еще одного врача. Имеете ли вы кого-нибудь в виду?

Джонсон, измученный бессонною ночью и ошеломленный дурными известиями, принесенными доктором, не сразу понял смысл его слов; последний же, видя, что он колеблется, подумал, что его пугают расходы.

- Смит или Голей возьмут две гинеи, - сказал он, - но по-моему Притчард из Сити-Рода лучше.

- Разумеется, нужно пригласить того, который лучше, - сказал Джонсон.

- Притчард возьмет три гинеи, но зато он крупная величина.

- Я готов отдать все, что имею, лишь бы спасти ее. Я сейчас же пойду за ним.

- Да, идите сейчас же. Но сперва зайдите ко мне и спросите зеленый байковый мешок. Мой ассистент даст вам его. Скажите ему, чтобы он прислал с вами микстуру А. С. Е. Сердце вашей жены слишком слабо для хлороформа. А оттуда ступайте к Притчарду и приведите его с собой.

Джонсон был очень доволен тем, что теперь у него есть дело и он может быть полезен своей жене. Он быстро побежал по направлению к Бридпорт-Плэсу, и его шаги звонко раздавались среди безмолвия пустынных улиц, а полисмены, когда он проходил мимо них, наводили на него свои фонарики. На его звонок к нему вышел сонный полуодетый ассистент, вручивший ему плотно закупоренную склянку и кожаный мешок, в котором находились, по-видимому, какие-то инструменты. Джонсон сунул склянку в карман, схватил зеленый мешок и, плотно надвинув на лоб шляпу, бросился бежать изо всей мочи в Сити-Род. Увидев наконец на одном из домов имя Притчарда, вырезанное золотыми буквами на красной дощечке, он в восторге одним прыжком перескочил несколько ступенек, отделявших его от заветной двери. Но увы! Драгоценная склянка вывалилась из его кармана и, упав на мостовую, разбилась на тысячи кусков.

В первый момент у него было такое ощущение, точно сзади него на мостовой лежали не осколки разбитой склянки, а истерзанное тело его собственной жены. Но быстрая ходьба подействовала освежающим образом на его мозг, и он скоро сообразил, что это несчастье легко поправимо.

Протянув руку, он сильно дернул за ручку звонка.

- Ну, кто там такой? - раздался над самым его ухом чей-то грубый голос. Джонсон отшатнулся и посмотрел на окна, но там не было никаких признаков жизни. Он опять протянул руку к звонку, намереваясь позвонить, но его опять остановил тот же голос, перешедший теперь уже в настоящий рев.

- Я не намерен дожидаться вас здесь целую ночь, Говорите, кто вы такой, и что вам угодно, или я закрою трубку.

Тут только Джонсон заметил конец разговорной трубки, свешивавшийся со стены как раз над самым колокольчиком.

- Прошу вас сейчас же ехать со мною к больной на консультацию с доктором Майльсом.

- Далеко это? - прозвучал сердитый голос.

- Нью-Норд-Род, Хокстон.

- Я беру за консультацию три гиней; плата немедленно.

- Я согласен, - прокричал в трубку Джонсон. - Захватите, пожалуйста, с собой склянку с микстурой А. С. Е.

- Хорошо! Подождите немного.

Через пять минут отворилась дверь, и на лестницу вышел пожилой господин с резкими чертами лица и седеющими волосами. Вслед ему откуда-то из темноты прозвучал голос:

- Вы не забыли надеть шарф, Джон?

Доктор что-то недовольно проворчал в ответ на это. Доктор Притчард был человек очерстневший от жизни, полной каторжного труда; нужды его собственного все увеличивающегося семейства заставляли его, как и многих других, выдвигать коммерческую сторону своей профессии на первый план. Однако, несмотря на это, он был в сущности добрый человек.

В течение пяти минут он прилагал все усилия, чтобы не отставать от Джонсона, но наконец остановился и, задыхаясь, проговорил:

- Я не могу идти так скоро. Ведь мы не скаковые лошади, не правда ли, мой друг? Я вполне понимаю ваше беспокойство, но положительно не в силах так бежать.

Итак, Джонсону, сгоравшему от нетерпения, пришлось умерить свой шаг. Когда они пришли наконец к его магазину, он забежал вперед и распахнул перед доктором дверь. Он слышал, как на лестнице доктора поздоровались, и ему удалось уловить несколько сказанных доктором Майльсом слов: "очень извиняюсь, что побеспокоил вас... положение больной очень серьезно... славные люди..." Дальше он ничего не мог разобрать, а затем они вошли в спальню, затворив за собой дверь.

Джонсон опять уселся в своем кресле, чутко прислушиваясь к происходящему наверху, понимая, что с минуты на минуту может разразиться кризис. Он слышал шаги обоих докторов и мог даже отличить тяжелую поступь Притчарда от неровной походки Майльса. В течение нескольких минут сверху не доносилось ни одного звука, а затем вдруг раздалось чьи-то продолжительные, раздражающие душу стоны, которые, по мнению Джонсона, никак не могли принадлежать его жене. В то же время он почувствовал проникший в его комнату, сладковатый, едкий запах эфира, которого, будь его нервы в нормальном состоянии, он вероятно и не заметил бы. Стоны больной становились все тише и тише и наконец прекратились совсем. Джонсон с облегчением вздохнул. Он понял, что лекарство сделало свое дело, и теперь, что бы ни случилось, больная по крайней мере не будет больше страдать.

Но скоро наступившая тишина сделалась для него еще невыносимее, чем были крики. У него не было теперь ключа к тому, что происходило наверху, и самые страшные предположения приходили в голову. Он встал и, выйдя опять на площадку лестницы, стал прислушиваться. До него донесся звук, который раздается, когда два металлических инструмента стукнутся друг о друга, и сдержанный шепот докторов. Затем миссис Пейтон что-то сказала не то испуганным, не то жалобным голосом, и доктора опять о чем-то зашептались. Минут двадцать стоял он, прислонившись к стене, прислушиваясь к раздававшимся время от времени голосам докторов, но не будучи в состоянии разобрать ни одного слова. Затем слабый, писклявый голос ребенка нарушил царившую тишину, миссис Пейтон восторженно взвизгнула, а Джонсон опрометью вбежал и, бросившись на софу, принялся в энтузиазме барабанить по ней ногами.

Но судьба часто играет с нами, как кошка с мышью. Проходила минута за минутой, а сверху не доносилось ни одного звука, кроме жалобных, пискливых криков ребенка. Безумная радость Джонсона сразу исчезла, и он, сдерживая дыхание, опять стал прислушиваться. Он слышал медленные движения докторов и их сдержанные голоса. Однако время шло, а голоса жены до сих пор не было слышно. В эту полную тревоги ночь его нервы притупились, и он в каком-то оцепенении сидел на софе и ждал. Когда доктора вошли в комнату, он все еще сидел там, представляя собой довольно-таки жалкую фигуру с запачканным лицом и растрепанными волосами. Увидев их, он встал и оперся рукой о каминную доску.

- Умерла? - спросил он.

- Все кончилось, как нельзя лучше, - ответил доктор.

При этих словах этот бесцветный, весь ушедший в рутину человек, до этой ночи даже не подозревавший в себе способности так волноваться и страдать, почувствовал такую безумную радость, какой никогда еще не испытывал раньше. Он готов был броситься на колени, чтобы возблагодарить Творца, и только присутствие докторов удерживало его от этого.

- Можно мне пойти наверх?

- Подождите еще несколько минут.

- Уверяю вас, доктор, я очень... очень... - несвязно бормотал он. - Вот ваши три гинеи, доктор Притчард, хотел бы, чтобы это были не три, а триста гиней.

- И я не меньше вашего желал бы этого, - сказал доктор Притчард, и они оба засмеялись, пожимая друг другу руки.

Джонсон выпустил их на улицу и, стоя за дверью, с минуту прислушивался к разговору, который они вели, стоя у подъезда.

- А ведь одно время дело приняло скверный оборот.

- Да, хорошо еще, что вы не отказались помочь мне.

- О, я всегда к вашим услугам. Не зайдете ли ко мне выпить чашку кофе?

- Нет, благодарю вас. Мне предстоит ехать еще в одно место.

И они разошлись в разные стороны. Джонсон отошел от двери, все еще полный безумной радости. Ему казалось, что для него начинается новая жизнь, что он стал более серьезным и сильным человеком. Может быть, эти страдания, перенесенные им, не останутся бесплодными и окажутся истинным благословением и для него и для его жены. Уже сама эта мысль не могла прийти ему в голову двенадцать часов тому назад. Он чувствовал себя как бы возродившимся.

- Можно мне подняться наверх? - крикнул он, и затем, не дожидаясь ответа, бросился бежать вверх по лестнице, шагая через три ступеньки.

Миссис Пейтон стояла перед ванной с каким-то свертком в руках. Из-под складок коричневой шали выглядывало смешное маленькое, свернутое в комок, красное личико с влажными раскрытыми губами и веками, дрожавшими, как ноздри у кролика. Голова не держалась на слабой шее маленького создания и беспомощно лежала на плече.

- Поцелуйте его, Роберт! - сказала бабушка. - Поцелуйте своего сына!

Но он почти с ненавистью взглянул на это маленькое красное создание с безостановочно мигающими ресницами. Он не мог еще забыть того, что благодаря ему они пережили эту ужасную ночь. Затем глаза его встретились с глазами жены, лежавшей на кровати, и он бросился к ней, охваченный таким сильным порывом жалости и любви, для выражения которого у него не хватало слов.

- Слава Богу, наконец это кончилось! Люси, дорогая, это было ужасно! сказал он.

- Но я так счастлива теперь. Никогда в жизни я не была так счастлива, ответила она, и ее взгляд упал на коричневый сверток.

- Вам нельзя разговаривать, - сказала миссис Пейтон.

- Хорошо, но не оставляйте меня одну, Роберт, - прошептала больная.

Джонсон молча сидел у кровати своей жены, держа ее руку в своих руках. Свет лампы стал тусклым, и сквозь опущенные шторы в комнату уже начал прокрадываться бледный свет рождающегося дня. Ночь была длинна и темна, и тем ярче и радостнее казался этот первый утренний свет. Лондон пробуждался, и уличная жизнь вступала в свои права. На смену покинувшему этот мир явились новые жизни, а громадная машина продолжала по-прежнему выполнять свою мрачную и трагическую работу.

Любящее сердце

Врачу с частной практикой, который утром и вечером принимает больных дома, а день тратит на визиты, трудно выкроить время, чтобы подышать свежим воздухом. Для этого он должен встать пораньше и выйти на улицу в тот час, когда магазины еще закрыты, воздух чист и свеж и все предметы резко очерчены, как бывает в мороз.

Этот час сам по себе очаровывает: улицы пусты, не встретишь никого, кроме почтальона и разносчика молока, и даже самая заурядная вещь обретает первозданную привлекательность, как будто и мостовая, и фонарь, и вывеска все заново родилось для наступающего дня. В такой час даже удаленный от моря город выглядит прекрасным, а его пропитанный дымом воздух - и тот, кажется, несет в себе чистоту.

Но я жил у моря, правда, в городишке довольно дрянном; с ним примирял меня только его великий сосед. Но я забывал его изъяны, когда приходил посидеть на скамейке над морем, - у ног моих расстился огромный голубой залив, обрамленный желтым полумесяцем прибрежного песка. Я люблю, когда его гладь усеяна рыбацкими лодками; люблю, когда на горизонте проходят большие суда: самого корабля не видно, а только маленькое облачко надутых ветром парусов сдержанно и величественно проплывает вдаль. Но больше всего я люблю, когда его озаряют косые лучи солнца, вдруг прорвавшиеся из-за гонимых ветром туч, и вокруг на много миль нет и следа человека, оскорбляющего своим присутствием величие Природы. Я видел, как тонкие серые нити дождя под медленно плывущими облаками скрывали в дымке противоположный берег, а вокруг меня все было залито золотым светом, солнце искрилось на бурунах, проникая в зеленую толщу волн и освещая на дне островки фиолетовых водорослей. В такое утро, когда ветерок играет в волосах, воздух наполнен криками кружащихся чаек, а на губах капельки брызг, со свежими силами возвращаешься в душные комнаты больных к унылой, скучной и утомительной работе практикующего врача.

В один из таких дней я и встретил моего старика. Я уже собирался уходить, когда он подошел к скамье. Я бы заметил его даже в толпе. Это был человек крупного сложения, с благородной осанкой, с аристократической головой и красиво очерченными губами. Он с трудом подымался по извилистой тропинке, тяжело опираясь на палку, как будто огромные плечи сделались непосильной ношей для его слабеющих ног. Когда он приблизился, я заметил синеватый оттенок его губ и носа, предостерегающий знак Природы, говорящий о натруженном сердце.

- Трудный подъем, сэр. Как врач, я бы посоветовал вам отдохнуть, а потом идти дальше, - обратился я к нему.

Он с достоинством, по-старомодному поклонился и опустился на скамейку. Я почувствовал, что он не хочет разговаривать, и тоже молчал, но не мог не наблюдать за ним краешком глаза. Это был удивительно как дошедший до нас представитель поколения первой половины этого века: в шляпе с низкой тульей и загнутыми краями, в черном атласном галстуке и с большим мясистым чисто выбритым лицом, покрытым сетью морщинок. Эти глаза, прежде чем потускнеть, смотрели из почтовых карет на землекопов, строивших полотно железной дороги, эти губы улыбались первым выпускам "Пиквика" и обсуждали их автора многообещающего молодого человека. Это лицо было своего рода летописью прошедших семидесяти лет, где как общественные, так и личные невзгоды оставили свой след; каждая морщинка была свидетельством чего-то: вот эта на лбу, быть может, оставлена восстанием сипаев, эта - Крымской кампанией, а эти - мне почему-то хотелось думать - появились, когда умер Гордон. Пока я фантазировал таким нелепым образом, старый джентльмен с лакированной тростью как бы исчез из моего зрения, и передо мной воочию предстала жизнь нации за последние семьдесят лет.

Но он вскоре возвратил меня на землю. Отдышавшись, он достал из кармана письмо, надел очки в роговой оправе и очень внимательно прочитал его. Не имея ни малейшего намерения подсматривать, я все же заметил, что письмо было написано женской рукой. Он прочитал его дважды и так и остался сидеть с опущенными уголками губ, глядя поверх залива невидящим

взором. Я никогда не видел более одинокого и заброшенного старика. Все доброе, что было во мне, пробудилось при виде этого печального лица. Но я знал, что он не был расположен разговаривать, и поэтому и еще потому, что меня ждал мой завтрак и мои пациенты, я отправился домой, оставив его сидеть на скамейке.

Я ни разу и не вспомнил о нем до следующего утра, когда в то же самое время он появился на мысу и сел рядом со мной на скамейку, которую я уже привык считать своей. Он опять поклонился перед тем как сесть, но, как и вчера, не был склонен поддерживать беседу. Он изменился за последние сутки, и изменился к худшему. Лицо его как-то отяжелело, морщин стало больше, он с трудом дышал, и зловещий синеватый оттенок стал заметнее. Отросшая за день щетина портила правильную линию его щек и подбородка, и он уже не держал свою большую прекрасную голову с той величавостью, которая так поразила меня в первый раз. В руках у него было письмо, не знаю то же или другое, но опять написанное женским почерком. Он по-стариковски бормотал над ним, хмурил брови и поджимал губы, как капризный ребенок. Я оставил его со смутным желанием узнать, кто же он и как случилось, что единственный весенний день мог до такой степени изменить его.

Он так заинтересовал меня, что на следующее утро я с нетерпением ждал его появления. Я опять увидел его в тот же час: он медленно поднимался, сгорбившись, с низко опущенной головой. Когда он подошел, я был поражен переменой, происшедшей в нем.

- Боюсь, что наш воздух не очень, вам полезен, сэр, - осмелился я заметить.

Но ему, по-видимому, было трудно разговаривать. Он попытался что-то ответить мне, но это вылилось лишь в бормотание, и он замолк. Каким сломленным, жалким и старым показался он мне, по крайней мере лет на десять старше, чем в тот раз, когда я впервые увидел его! Мне было больно смотреть, как этот старик - великолепный образец человеческой породы - таял у меня на глазах. Трясущимися пальцами он разворачивал свое неизменное письмо. Кто была эта женщина, чьи слова так действовали на него? Может быть, дочь или внучка, ставшая единственной отрадой его существования и заменившая ему... Я улыбнулся, обнаружив, как быстро я сочинил целую историю небритого старика и его писем и даже успел взгрустнуть над ней. И тем не менее он опять весь день не выходил у меня из головы, и передо мной то и дело возникали его трясущиеся, узловатые, с синими прожилками руки, разворачивающие письмо.

Я не надеялся больше увидеть его. Еще один такой день, думал я, и ему придется слезь в постель или по крайней мере остаться дома. Каково же было мое удивление, когда на следующее утро я опять увидел его на скамье. Но, подойдя ближе, я стал вдруг сомневаться, он ли это. Та же шляпа с загнутыми полями, та же лакированная трость и те же роговые очки, но куда делась сутулость и заросшее серой щетиной несчастное лицо? Щеки его были чисто выбриты, губы твердо сжаты, глаза блестели, и его голова, величественно, словно орел на скале, покоилась на могучих плечах. Прямо, с выправкой гренадера сидел он на скамье и, не зная, на что направить бьющую через край энергию, отбрасывал тростью камешки. В петлице его черного, хорошо вычищенного сюртука красовался золотистый цветок, а из кармана изящно выглядывал краешек красного шелкового платка. Его можно было принять за старшего сына того старика, который сидел здесь прошлое утро.

- Доброе утро, сэр, доброе утро! - прокричал старик весело, размахивая тростью в знак приветствия.

- Доброе утро, - ответил я. - Какое чудесное сегодня море!

- Да, сэр, но вы бы видели его перед восходом!

- Вы пришли сюда так рано?

- Едва стало видно тропинку, я был уже здесь.

- Вы очень рано встаете.

- Не всегда, сэр, не всегда. - Он хитро посмотрел на меня, как будто стараясь угадать, достоин ли я его доверия. - Дело в том, сэр, что сегодня возвращается моя жена.

Вероятно, на моем лице было написано, что я не совсем понимаю всей важности сказанного, но в то же время, уловив сочувствие в моих глазах, он пододвинулся ко мне ближе и заговорил тихим голосом, как будто то, что он хотел сообщить мне по секрету, было настолько важным, что даже чайкам нельзя было это доверить.

- Вы женаты, сэр?

- Нет.

- О, тогда вы вряд ли поймете! Мы женаты уже пятьдесят лет и никогда раньше не расставались, никогда.

- Надолго уезжала ваша жена? - спросил я.

- Да, сэр. На четыре дня. Видите ли, ей надо было поехать в Шотландию, по делам. Я хотел ехать с ней, но врачи мне запретили. Я бы, конечно, не стал их слушать, если бы не жена. Теперь, слава богу, все кончено, сегодня она приезжает и каждую минуту может быть здесь.

- Здесь?

- Да, сэр. Этот мыс и эта скамейка - наши старые друзья вот уже тридцать лет. Видите ли, люди, с которыми мы живем, нас не понимают, и среди них мы не чувствуем себя вдвоем. Поэтому мы встречаемся здесь. Я точно не знаю, каким поездом она приезжает, но даже если бы она приехала самым ранним, она бы уже застала меня здесь.

- В таком случае... - сказал я, поднимаясь.

- Нет, нет, сэр, не уходите. Прошу вас, оставайтесь, если только я не наскучил вам своими разговорами.

- Напротив, мне очень интересно, - сказал я.

- Я столько пережил за эти четыре дня! Какой это был кошмар! Вам, наверное, покажется странным, что старый человек может так любить?

- Это прекрасно.

- Дело не во мне, сэр! Любой на моем месте чувствовал бы то же, если бы ему посчастливилось иметь такую жену. Наверное, глядя на меня и после моих рассказов о нашей долгой совместной жизни, вы думаете, что она тоже старуха?

Эта мысль показалась ему такой забавной, что он от души рассмеялся.

- Знаете, такие, как она, всегда молоды сердцем, поэтому они и не стареют. По-моему, она ничуть не изменилась, с тех пор, как впервые взяла мою руку в свои; это было в сорок пятом году. Сейчас она, может быть, полновата, но это даже хорошо, потому что девушкой она была слишком уж тонка. Я не принадлежал к ее кругу: я служил клерком в конторе ее отца. О, это была романтическая история! Я завоевал ее. И никогда не перестану радоваться своему счастью. Подумать только, что такая прелестная, такая необыкновенная девушка согласилась пройти об руку со мной жизнь и что я мог...

Вдруг он замолчал. Я удивленно взглянул на него. Он весь дрожал, всем своим большим телом, руки вцепились в скамейку, а ноги беспомощно скользили по гравии. Я понял: он пытался встать, но не мог, потому что был слишком взволнован. Я уже было протянул ему руку, но другое, более высокое соображение вежливости сдержало меня, я отвернулся и стал смотреть на море. Через минуту он был уже на ногах и торопливо спускался вниз по тропинке.

Навстречу ему шла женщина. Она была уже совсем близко, самое большее в тридцати ярдах. Не знаю, была ли она когда-нибудь такой, какой он мне описал ее, или это был только идеал, который создало его воображение. Я увидел женщину и в самом деле высокую, но толстую и бесформенную, ее загорелое лицо было покрыто здоровым румянцем, юбка комично обтягивала ее, корсет был тесен и неуклюж, а зеленая лента на шляпе так просто раздражала. И это было то прелестное, вечно юное создание! У меня сжалось сердце, когда я подумал, как мало такая женщина может оценить его и что она, быть может, даже недостойна такой любви. Уверенной походкой поднималась она по тропинке, в то время как он ковылял ей навстречу. Стараясь быть незамеченным, я украдкой наблюдал за ними. Я видел, как они подошли друг к другу, как он протянул к ней руки, но она, не желая, видимо, чтобы хоть кто-то был свидетелем их ласки, взяла одну его руку и пожала. Я видел ее лицо в эти минуты и успокоился за моего старика. Дай Бог, чтобы в старости, когда руки мои будут трястись, а спина согнется, на меня так же смотрели глаза женщины.

Жена физиолога

Профессор Энсли Грэй не пришел в обычное время к завтраку. Куранты, стоящие на каминной доске столовой между терракотовыми бюстами Клода Бернара и Джона Хентера, пробили полчаса, затем три четверти. Теперь их золотая стрелка приближалась к девяти, а хозяин

дома все еще не появлялся.

Это был случай, не имевший прецедента. В течение тех двенадцати лет, что младшая сестра профессора заведовала его хозяйством, она ни разу не видела, чтобы он опоздал хоть на секунду. Теперь она сидела перед высоким серебряным кофейником, не зная, что ей делать, - велеть ли позвонить еще раз в гонг или ждать молча. И та и другая мера могла оказаться ошибочной, а ее брат был человеком, не допускавшим ошибок.

Мисс Энсли Грэй была тонкая, несколько выше среднего роста, женщина, с пронизывающими, окруженными целою сетью морщин глазами и несколько согнутыми плечами, что, как известно, служит признаком женщины, вечно сидящей над книгами. Ее лицо было продолговато и худощаво, с пятнами румянца на щеках, с умеренным задумчивым лбом и с оттенком страшного упрямства в очертаниях тонких губ и выдававшегося вперед подбородка. Белые как снег рукавички и воротничок, и гладкое темное платье, сшитое почти с квакерской простотой, свидетельствовали об изысканности ее вкуса. На ее плоской груди висел черный эбеновый крест. Она сидела очень прямо, напряженно прислушиваясь, приподняв брови и вращая зрачками глаз нервным характерным для нее движением.

Вдруг она с видимым чувством удовлетворения тряхнула головой и начала наливать кофе. Из соседней комнаты слышались чьи-то шаги. Дверь отворилась, и быстрыми, нервными шагами профессор вошел в комнату. Кивнув головой сестре, он сел за стол напротив нее и начал вскрывать письма, пачка которых лежала на столе рядом с его тарелкой.

Профессору Энсли Грэй было в это время сорок три года - он был почти двенадцатью годами старше своей сестры. Он сделал блестящую ученую карьеру. Начало его громкой известности положили его работы по физиологии и зоологии в университетах Эдинбурга, Кембриджа и Вены.

Его монография "Об экситомоторных нервных отростках" доставила ему звание члена Королевского Общества, а его изыскания "О природе батибия" были переведены на крайней мере на три европейских языка. О нем говорили, как об одном из величайших современных авторитетов, как о представителе и воплощении всего, что было лучшего в науке. Поэтому ничего удивительного не было в том, что когда городское управление Берчспуля решило открыть медицинскую школу, то ему была предложена кафедра физиологии в этой школе. Его согласие имело для представителей города тем большую ценность, что они понимали, что эта кафедра могла быть только одним из этапов в его ученой карьере, и что первая освободившаяся вакансия доставит ему более почетную кафедру.

Наружностью он походил на свою сестру. Те же самые глаза, те же самые черты лица, тот же самый отмеченный печатью мысли лоб. Но очертания его губ были тверже, а его длинный тонкий подбородок был очерчен еще резче, чем у его сестры. Просматривая письма, он время от времени проводил пальцами по подбородку.

- Эти девушки очень беспокойный народ, - заметил он, когда в отдалении слышались чьи-то голоса.

- Это Сара! - сказала сестра. - Я скажу ей об этом. Она передала ему через стол чашку кофе и принялась маленькими глотками пить кофе из своей чашки, поглядывая украдкой на суровое лицо брата.

- Первым большим успехом человеческой расы, - сказал профессор, - было приобретение способности речи. Второй шаг на этом пути был сделан, когда люди научились управлять этой новой способностью. Но женщины до сих пор еще не сделали этого второго шага.

Когда он говорил, его глаза обыкновенно были полузакрыты, а его подбородок резко выступал вперед; кончив же свою речь, он имел обыкновение раскрывать глаза и сурово смотреть на своего собеседника.

- Я, кажется, не болтлива, Джон, - сказала сестра.

- Нет, Ада, во многих отношениях вы приближаетесь к высшему, то есть мужскому типу.

Профессор нагнулся над своей тарелкой с видом человека, только что разрешившегося самым изысканным комплиментом, но его сестра вовсе не казалась польщенной и только нетерпеливо пожала плечами.

- Вы опоздали сегодня к завтраку, Джон, - заметила она после паузы.

- Да, Ада, я плохо спал. Маленький прилив крови к мозгу, вероятно, как следствие перевозбуждения мозговых центров. Моя голова была немного не в порядке.

Сестра с удивлением взглянула на него. До сих пор мозговые процессы профессора были так же правильны, как его привычки. Двенадцать лет постоянного общения с ним приучили ее к мысли, что он жил в ясной и спокойной атмосфере, которая окружает человека, всецело отдающего себя служению науке, и что поэтому он неизмеримо выше мелких страстей и эмоций, волнующих большинство людей.

- Вы удивлены, Ада, - сказал он, - и я вполне понимаю вас. Я сам удивился бы, если бы мне сказали, что я стану так чувствителен к сосудистым расстройствам. Потому что, в конце концов, все расстройства носят сосудистый характер, если поглубже взглянуть на этот предмет. Дело в том, что я думаю жениться.

- Не на миссис О'Джеймс? - воскликнула Ада.

- Моя милая, у вас в высокой степени развита наблюдательность, свойственная женщинам. Именно миссис О'Джеймс я и имел в виду.

- Но вы так мало знаете ее. Сами Эсдэль знают ее так мало. Ведь они очень недавно познакомились с ней, хотя она и живет в Линденсе. Не лучше ли было бы, если бы вы сперва поговорили с миссис Эсдэль, Джон?

- Я не думаю, Ада, чтобы миссис Эсдэль была вообще способна сказать что-нибудь, что могло бы серьезно повлиять на мой образ действий. Я обдумал дело с должным вниманием. Ум, привыкший к научным исследованиям, не торопится делать выводы, но раз они уже сделаны, не склонен изменять их. Брак есть естественное состояние человека. Я был, как вы знаете, так завален академической и другой работой, что у меня совсем не было времени для личной жизни. Теперь дело изменилось, и я не вижу достаточно серьезной причины к тому, чтобы отказываться от этого благоприятного случая приобрести подходящую подругу жизни.

- И вы уже дали слово?

- Почти, Ада. Я попробовал вчера намекнуть леди О'Джеймс, что я готов подчиниться общей участи человеческого рода. Я пойду к ней после своей утренней лекции и узнаю, как она взглянет на мое предложение. Но вы хмуритесь, Ада!

Его сестра вздрогнула и сделала над собой усилие, чтобы скрыть выражение досады, появившееся на ее лице. Она даже пробормотала несколько слов поздравления, но глаза ее брата рассеянно блуждали по комнате, и он, видимо, не слушал ее.

- Само собою разумеется, Джон, - сказала она, - что я от души желаю вам того счастья, которого вы заслуживаете. А если я вообще и выразила сомнение, так это потому, что я знаю, как много ставится этим шагом на кон, и потому еще, что это было так неожиданно, так внезапно. - Своею тонкою рукою она дотронулась до креста, висевшего на ее груди. - В такие минуты мы нуждаемся в руководстве, Джон. Если бы я могла убедить вас вернуться к религии...

Профессор умоляющим жестом руки остановил ее.

- Я нахожу бесполезным возвращаться опять к этому вопросу, - сказал он. - Мы не можем спорить об этом, так как вы принимаете на веру больше, чем я могу допустить. Мне приходится оспаривать ваши послылки. Мы мыслим не в одной плоскости.

Его сестра вздохнула.

- В вас нет веры.

- Я верю в великие эволюционные силы, которые ведут человека к какой-то неведомой, но высокой цели.

- Вы не верите ни во что.

- Напротив, моя дорогая Ада, я верю в дифференциацию протоплазмы.

Она печально покачала головой. Это был единственный предмет, относительно которого она позволяла себе усомниться в его непогрешимости.

- Ну, мы несколько уклонились в сторону, - заметил профессор, складывая свою салфетку. -

Если я не ошибаюсь, есть некоторая вероятность и другого матримониального события в нашей семье. Что вы скажете на это, Ада?

Его маленькие глаза лукаво смеялись, когда он взглянул на сестру. Она же с смущенным видом чертила по скатерти щипчиками для сахара.

- Доктор Джемс Мак-Мердо О'Бриен... - громко сказал профессор.

- Перестаньте, Джон, перестаньте! - воскликнула мисс Ада Грэй.

- Доктор Джемс Мак-Мердо О'Бриен, - продолжал ее брат неумолимо, человек, имеющий уже большие заслуги и в области современного знания. Он первый и самый выдающийся мой ученик. Уверяю, вас, что его "Заметки о пигментах желчи", вероятно, сделаются классическим произведением. Можно смело сказать, что благодаря ему в наших взглядах на уробин произошел настоящий переворот.

Он замолчал, а его сестра сидела молча, с опущенной головой и покрасневшими щеками. Маленький эбеновый крест подымался и опускался на ее груди в такт ее порывистому дыханию.

- Доктор Джемс Мак-Мердо О'Бриен, как вы знаете, получил предложение занять кафедру физиологии в Мельбурне. Он прожил в Австралии пять лет, и перед ним блестящее будущее. Сегодня он покидает нас, чтобы ехать в Эдинбург, а через два месяца едет в Австралию, чтобы приступить к исполнению своих новых обязанностей. Вы знаете его чувства по отношению к вам. От вас зависит, поедет ли он в Австралию один. Что касается моего мнения на этот счет, то я не могу себе представить для образованной женщины более высокой миссии, чем та, которая выпадает на долю женщины, которая решится соединить свою судьбу с судьбою человека, способного к таким глубоким исследованиям, как то, которое доктор Джемс Мак-Мердо О'Бриен привел к успешному концу.

- Он ничего не говорил мне, - пробормотала Ада.

- Ах, есть вещи, которые угадываются без слов, - сказал ее брат, качая головой. - Но вы побледнели. Ваша сосудодвигательная система возбуждена. Прошу вас, успокойтесь. Мне кажется, что к вашему дому подъехала карета. У вас, по-видимому, сегодня будут гости, Ада. Пока; до свидания.

Бросив быстрый взгляд на часы, он вышел из комнаты, а несколько минут спустя уже ехал в своем спокойном, удобном экипаже по улицам Берчспуля.

Прочитав лекцию, профессор Энсли Грэй заглянул в свою лабораторию, где выверил несколько инструментов, сделал заметку о развитии трех различных разводов бактерий, проделал с полдюжины сечений микротомом и разрешил недоумения семи студентов по семи разным вопросам. Выполнив таким образом добросовестно и методически рутинную сторону своих обязанностей, он сел в карету и приказал кучеру ехать, в Лиденс. Его лицо было холодно и бесстрастно, но время от времени он резким, судорожным движением проводил пальцами по своему подбородку.

Лиденс был старинный, обвитый плющом дом, который некогда находился за городом, но теперь был захвачен длинными, из красного кирпича, щупальцами растущего города. Он все еще стоял в стороне от дороги, в уединении своих собственных владений. Извилистая тропинка, окаймленная кустами дикого лавра, вела ко входу в виде арки с портиком. Направо от входа была видна лужайка, в конце которой в тени боярышника в садовом кресле сидела дама с книгой в руках. Услышав скрип калитки, она вздрогнула, а профессор, увидев ее, пошел прямо по направлению к ней.

- Как, разве вы не зайдете к миссис Эсдэль? - спросила она, выходя к нему навстречу.

Миссис О'Джеймс была небольшого роста. Все в ней, начиная от роскошных локонов ее светлых волос до изящных туфель, выглядывавших из-под юбки ее светло-кофейного цвета платья, было в высшей степени женственно. Одну свою тонкую затянутую в перчатку руку она протянула профессору, тогда как другой придерживала толстую книгу в зеленом переплете. Ее уверенные и спокойные манеры изобличали в ней зрелую светскую женщину, но в ее больших смелых серых глазах и чувственном своенравном рте сохранилось еще девичье и даже детское выражение невинности. Миссис О'Джеймс была вдова и ей было тридцать два года; но ни того, ни другого нельзя было предположить, судя по ее наружности.

- Вы, конечно, зайдете к миссис Эсдэль? - повторила она, и в ее устремленных на него глазах

было смешанное выражение вызова и ласки.

- Я пришел не к миссис Эсдэль, - ответил он все с тем же холодным и серьезным видом, - я пришел к вам.

- Конечно, мне очень лестно слышать это, - сказала она. - Но что будут делать студенты без своего профессора?

- Я уже покончил с своими академическими обязанностями. Возьмите мою руку и пройдемтесь по солнышку. Не удивительно, что восточные народы боготворили солнце. Это великая благотворительная сила природы - союзник человека в его борьбе с холодом, бесплодием и всем тем, что враждебно ему, Что вы читали?

- Хэля, "Материя и жизнь".

Профессор приподнял свои широкие брови.

- Хэля! - сказал он и затем повторил еще раз почти шепотом: - Хэля!

- Вы не согласны с его взглядами?

- Дело не в том, что я не согласен с его взглядами, Я слишком ничтожная величина. Но все направление современной научной мысли враждебно его взглядам. Он превосходный наблюдатель, но плохой мыслитель. Я не советовал бы вам в своих выводах основываться на взглядах Хэля.

- Не правда ли, я должна читать "Хронику природы", чтобы парализовать его пагубное влияние? - сказала миссис О'Джеймс с нежным, воркующим смехом.

"Хроника природы" была одной из тех многочисленных книг, в которых профессор Энсли Грэй развивал отрицательные доктрины научного агностицизма.

- Это неудачный труд, - ответил он, - и я не могу рекомендовать вам его. Я охотнее отослал бы вас к классическим сочинениям некоторых из моих старших и более красноречивых коллег.

Наступила пауза. Они продолжали ходить по зеленой, словно бархатной, лужайке, залитой ярким солнечным светом.

- Думали ли вы, - спросил он, наконец, - о том предмете, о котором я говорил с вами вчера вечером?

Она ничего не сказала и продолжала молча идти рядом с ним, слегка отвернувшись в сторону.

- Я не буду торопить вас, - продолжал он. - Я знаю, что такой серьезный вопрос нельзя решить сразу. Что касается меня, то мне пришлось-таки поломать голову, прежде чем я решился намекнуть вам о своих намерениях. У меня не эмоциональный темперамент, тем не менее в вашем присутствии я сознаю существование великого эволюционного инстинкта, делающего один пол дополнением другого.

- Следовательно, вы верите в любовь? - спросила она, окинув его сверкающим взглядом.

- Я вынужден верить.

- И несмотря на это, вы все-таки отрицаете существование души?

- Насколько эти вопросы относятся к области психологии и насколько к области физиологии - это еще вопрос, - сказал профессор снисходительно. Можно доказать, что протоплазма - физиологический базис любви, так же, как и жизни.

- Как вы неумолимы! - воскликнула она. - Вы низводите любовь до уровня простого физического явления.

- Или возвышаю область физических явлений до уровня любви.

- Ну, это гораздо лучше, - воскликнула она со своим симпатичным смехом. - Это, действительно, очень красиво, и с этой точки зрения наука является в своем новом освещении.

Ее глаза сверкали, и она тряхнула головой красивым своенравным жестом женщины, чувствующей себя хозяйкой положения.

- У меня есть основание думать, - сказал профессор, что кафедра, которую я занимаю здесь, только этап на пути к гораздо более широкой арене научной деятельности. Однако даже эта кафедра дает мне около полутора тысяч фунтов в год; к этому нужно прибавить несколько сот фунтов дохода с моих книг. Поэтому я имею возможность обставить вас всем тем комфортом, к которому вы привыкли. Этим, я полагаю, исчерпывается материальная сторона дела. Что же касается состояния моего здоровья, то оно всегда было превосходно. В течение всей своей жизни я ни разу не был болен, если не считать приступов головных болей вследствие слишком продолжительного возбуждения мозговых центров. У моих родителей также не было никаких признаков предрасположения к каким-нибудь болезням, но я не скрою от вас, что мой дедушка страдал подагрой.

Миссис О'Джеймс имела испуганный вид.

- В чем заключается эта болезнь?

- В ломоте в членах.

- Только-то! А я подумала Бог знает что!

- Это серьезный прецедент, но я надеюсь, что не сделаюсь жертвой атавизма. Я привел все эти факты потому, что считаю их факторами, которые вам не мешает принять в расчет, когда вы будете решать вопрос, как отнестись к моему предложению. Могу я теперь спросить вас, находите ли вы возможным принять его?

Он остановился и посмотрел на нее серьезным, вопрошающим взглядом.

В ней очевидно происходила сильная душевная борьба. Ее глаза были опущены вниз, своей маленькой ногой она нетерпеливо ударяла по земле, а ее пальцы нервно теребили цепочку. Вдруг быстрым, резким движением, в котором было что-то беспомощное, она протянула руку своему собеседнику.

- Я согласна, - сказала она.

Они стояли под тенью боярышника. Он нагнулся и поцеловал ее затянутую в перчатку руку.

- Я хотел бы, чтобы вам никогда не пришлось жалеть о своем решении, сказал он.

- А я хотела бы, чтобы вам никогда не пришлось жалеть об этом, воскликнула она.

В ее глазах стояли слезы, а ее губы подергивались от сильного волнения.

- Пойдемте опять на солнце, - сказал он. - Оно в высокой степени обладает способностью восстанавливать силы. Ваши нервы расстроены. Вероятно, маленький прилив крови к мозжечку и Вароллиеву мосту. Это весьма поучительное занятие - сводить психологические и эмоциональные состояния к их физическим эквивалентам. Вы чувствуете под собой твердую почву точно установленного факта.

- Но это страшно неромантично, - сказала миссис О'Джеймс со сверкающими глазами.

- Романтизм - порождение фантазии и невежества. Там, куда наука бросает свой спокойный, ясный свет, к счастью, нет места для романтизма.

- Но разве любовь - не роман? - спросила она.

- Отнюдь нет. Любовь перестала быть исключительным достоянием фантазии поэтов и стала одним из объектов точного знания. Можно доказать, что любовь - одна из великих первоначальных космических сил. Когда атом водорода притягивает к себе атом хлора, чтобы образовать более совершенную молекулу хлороводородной кислоты, сила, которая действует при этом, вероятно, вполне аналогична той, которая влечет меня к вам. По-видимому, притяжение и отталкивание - две первоначальные космические силы. Любовь - притяжение.

- А вот и отталкивание, - сказала миссис О'Джеймс, увидев полную цветущую даму, направляющуюся к ним. - Как хорошо, что вы пришли, миссис Эсдэль! Здесь профессор Грэй.

- Как поживаете, профессор? - сказала дама с легким оттенком какой-то напыщенности в голосе. - Вы поступили очень разумно, оставшись на воздухе в такую чудную погоду. Не правда ли, какой божественный день?

- Да, сегодня очень хорошая погода, - ответил профессор.

- Прислушайтесь, как ветер вздыхает в листве деревьев! - воскликнула миссис Эсдэль, приподнимая указательный палец. - Не представляется ли вам, профессор Грэй, что это не вздохи ветра, а шепот ангелов.

- Подобная мысль не приходила мне в голову, сударыня.

- Ах, профессор, у вас один ужасный недостаток, и этот недостаток заключается в вашей неспособности чувствовать природу. Я сказала бы даже, что это недостаток воображения. Скажите, вы не чувствуете волнения, слушая пение этого дрозда?

- Признаюсь, ничего подобного я не чувствую, миссис Эсдэль.

- Или глядя на нежный колорит этих листьев. Посмотрите, какая богатая зелень!

- Хлорофилл, - пробормотал профессор.

- Наука так безнадежно прозаична. Она все рассекает, приклеив к каждому предмету ярлычок и теряет из виду великое в своем преувеличенном внимании к мелочам. У вас плохое мнение об интеллекте женщины, профессор Грэй. Мне кажется, что я слышала, как вы говорили это.

- Это вопрос веса, - сказал профессор, закрывая глаза и пожимая плечами. - Мозг женщины в среднем на две унции легче мозга мужчины. Разумеется, есть исключения. Природа эластична.

- Но самая тяжелая вещь не всегда самая лучшая, - со смехом сказала миссис О'Джеймс. - Разве в науке нет закона компенсации? Разве нельзя допустить, что природа вознаградила нас качественно за недостаток в количестве?

- Я не думаю этого, - серьезно заметил профессор. - Но звуки гонга призывают вас к завтраку. Нет, благодарю вас, миссис Эсдэль, я не могу остаться. Меня ждет экипаж. До свидания! До свидания, миссис О'Джеймс.

Он приподнял шляпу и медленно направился к выходу по аллее, окаймленной кустами дикого лавра.

- Он совершенно лишен способности понимать и чувствовать красоту, сказала миссис Эсдэль.

- Напротив, - ответила миссис О'Джеймс. - Он только что предложил мне быть его женой.

Когда профессор Грэй взбирался по лестнице, направляясь к себе домой, дверь его квартиры отворилась, и из нее вышел какой-то подвижный джентльмен. У него был несколько бледный цвет лица, темные, выпуклые глаза и короткая черная борода. Мысль и работа оставили следы на его лице, но по быстроте его движений было видно, что он еще не окончательно распростился с юностью.

- Вот удача! - воскликнул он. - Я ведь непременно хотел повидать вас.

- В таком случае пойдемте в библиотеку, - сказал профессор, - вы останетесь и позавтракаете с нами.

Они вошли в переднюю, и профессор повел своего гостя в свое святая святых. Там он усадил его в кресло.

- Надеюсь, что вы имели успех, О'Бриен, - сказал он. - Я ни за что не стал бы оказывать давления на свою сестру Аду; я дал ей только понять, что я никого так не желал бы видеть своим зятем, как своего лучшего ученика, автора "Заметок о пигментах желчи".

- Вы очень добры, профессор Грэй, вы всегда были очень добры. Я говорил с мисс Грэй по этому поводу и она не сказала "нет".

- Значит, она сказала "да"?

- Она предложила оставить вопрос открытым до моего возвращения из Эдинбурга. Я еду сегодня, как вы знаете, и надеюсь завтра же начать свое исследование...

- "О сравнительной анатомии червеобразного отростка, монография Джемса Мак-Мердо О'Бриена", - громко отчеканил профессор. - Это великолепная тема тема, затрагивающая

самые основания эволюционного учения.

- Ах, она чудная девушка! - воскликнул О'Бриен во внезапном порыве свойственного кельтской расе энтузиазма. - Правдивая и благородная душа!

- Червеобразный отросток... - начал профессор.

- Она настоящий ангел... - прервал О'Бриен. - Боюсь, что ее отталкивает от меня моя защита свободного научного исследования в области религиозной мысли.

- Вы не должны уступать в этом пункте. Вы должны сохранить верность своим убеждениям и не идти на компромисс.

- Мой рассудок верен агностицизму, и однако я чувствую, что мне чего-то не хватает. Слушая звуки органа в старой деревенской церкви, я испытывал ощущения, каких мне никогда не приходилось испытывать во время занятий в лаборатории.

- Чувство, не более чем чувство, - сказал профессор, потирая подбородок. - Смутные наследственные инстинкты, вызванные к жизни возбуждением обонятельных и слуховых нервов.

- Может быть, может быть, - задумчиво ответил О'Бриен. - Но я, собственно, хотел поговорить с вами совсем о другом. Так как я собираюсь вступить в вашу семью, то ваша сестра и вы имеете право знать все, что касается моей карьеры. О своих надеждах на будущее я уже говорил с вами. Только одного пункта я не коснулся: я вдовец.

Профессор удивленно приподнял брови.

- Это действительно новость для меня, - сказал он.

- Я женился вскоре по прибытии в Австралию. Ее звали мисс Терстон. Я встретился с нею в обществе. Это был самый несчастный брак.

Какое-то тяжелое мучительное воспоминание, по-видимому, овладело им. Его выразительные черты исказились, его белые руки крепко сжали ручку кресла. Профессор отвернулся к окну.

- Вам лучше, конечно, судить об этом, - заметил он, - но по-моему вам нет надобности входить в детали.

- Вы имеете право знать все, вы и мисс Грэй. Это такой предмет, о котором мне было бы слишком тяжело говорить с ней. Бедная Дженни была прекрасная женщина, но была доступна лести и легко поддавала под влияние хитрых людей. Она была неверна мне, Грэй. Это тяжело говорить о покойной, но она была неверна мне. Она бежала в Аукленд с человеком, с которым была знакома до своего замужества. Корабль, на котором они ехали, пошел ко дну, и все пассажиры погибли.

- Это очень грустная история, О'Бриен, - сказал профессор, - но я все-таки не понимаю, какую связь она имеет с вашими видами на мою сестру.

- Я успокоил свою совесть, - сказал О'Бриен, вставая. - Я рассказал вам. Я не хотел, чтобы вы узнали об этой истории от кого-нибудь другого.

- Вы правы, О'Бриен. Вы поступили в высшей степени благородно и рассудительно. Но во всей истории вас не в чем упрекнуть, разве только в том, что вы поступили слишком опрометчиво, женившись на девушке, которую так мало знали.

О'Бриен схватился руками за голову.

- Бедная девушка! - воскликнул он. - Помогите мне, Боже! Я все еще люблю ее... Но я должен идти.

- Разве вы не позавтракаете с нами?

- Нет, профессор, я должен еще уложиться. Я уже простился с мисс Грэй. Через два месяца мы увидимся.

- Вы, вероятно, найдете меня уже женатым человеком.

- Женатым?

- Да, я думаю жениться.

- Мой дорогой профессор, поздравляю вас от всего моего сердца. Я совершенно не подозревал об этом. Но кто эта леди?

- Ее имя миссис О'Джеймс; она вдова, одной с вами национальности. Но вернемся к делу. Я бы очень хотел видеть корректуру вашей статьи о червеобразном отростке. Я мог бы сделать к ней несколько примечаний.

- Ваша помощь для меня в высшей степени ценна, - с энтузиазмом сказал О'Бриен, и собеседники прошли в переднюю. Оттуда профессор прошел в столовую, где за столом, сервированным для завтрака, уже сидела его сестра.

- Я вступаю в брак без церковного обряда, - сказал он, - очень советую и вам сделать то же.

Профессор Энсли Грэй был человек верный своему слову. Двухнедельная вакация в школе была благоприятным обстоятельством, которым грешно было бы не воспользоваться. Миссис О'Джеймс была сирота, у нее не было родственников и почти не было друзей. Не было никаких препятствий к немедленному заключению брака. Поэтому они обвенчались самым скромным образом и уехали в Кембридж, где профессор и его очаровательная жена присутствовали при разных академических обрядах и совершали нашествие на биологическую лабораторию и медицинскую библиотеку.

Многочисленные ученые друзья рассыпались перед ним в поздравлениях не только по поводу красоты миссис Грэй, но еще более по поводу ее необычайной осведомленности в вопросах физиологии. Профессор сам удивлялся обстоятельности ее познаний.

- У вас удивительные познания для женщины, Анна, - говорил он. Он даже готов был допустить, что ее мозг обладал нормальным весом.

В одно пасмурное дождливое утро они вернулись в Берчспуль, так как на другой день должны были начаться занятия, а профессор Энсли Грэй гордился тем, что ни разу в жизни не опоздал на свою лекцию. Мисс Грэй встретила их с принужденным радушием и передала ключи новой хозяйке. Миссис Грэй горячо упрашивала ее остаться, но она объяснила ей, что уже получила от одной своей подруги приглашение приехать к ней. В тот же вечер она уехала на юг Англии.

Через два дня, когда завтрак только что кончился, в библиотеку, где сидел профессор, просматривая свою утреннюю лекцию, вошла горничная и подала ему карточку доктора Джемса Мак-Мердо О'Бриена. О'Бриен при встрече с профессором обнаружил шумную радость, а его прежний учитель был холоден и сдержан.

- Как видите, у нас произошли некоторые перемены, - сказал профессор.

- Да, я слышал. Мне писала об этом мисс Грэй; кроме того я прочел сообщение об этом в Британском журнале. Итак, вы действительно женились. Как тихо и незаметно прошла ваша свадьба!

- У меня органическое отвращение ко всему, носящему характер церемоний. Моя жена умная женщина; я готов даже сказать, что для женщины она необыкновенно умна. Она вполне одобрила мой образ действий.

- А ваши исследования о валиснерии?

- Этот матримониальный инцидент прервал их, но я возобновил свои лекции и скоро снова начну работать всю.

- Я должен видеть мисс Грэй, прежде чем покинуть Англию. Я переписывался с ней и думаю, что дело придет к благоприятному концу. Она должна ехать со мной. Я думаю, что я был бы не в состоянии уехать без нее.

Профессор покачал головой.

- Ваша натура вовсе не так слаба, как вы думаете, - сказал он. - В конце концов вопросы этого порядка должны ступать перед великими обязанностями, налагаемыми на нас жизнью.

О'Бриен улыбнулся.

- Вы хотели бы, чтобы я вынул из своего тела душу кельта и вложил вместо нее душу человека саксонской расы, - сказал он. - На самом деле, что-нибудь одно: или мой мозг слишком мал

или мое сердце слишком велико. Но когда я могу засвидетельствовать свое почтение миссис Грэй? Будет она дома после обеда?

- Она и сейчас дома. Пойдемте в гостиную. Она будет рада познакомиться с вами.

Они прошли по устланному линолеумом полу передней; профессор отворил дверь в гостиную и вошел туда, сопровождаемый своим другом. У окна, в плетеном кресле, напоминая в своем просторном розовом утреннем платье какую-то сказочную фею, сидела миссис Грэй. Увидев гостя, она встала и пошла навстречу вошедшим. Профессор услышал позади себя глухой стон и, оглянувшись, увидел, что О'Бриен, схватившись рукою за бок, бросился в кресло.

- Дженни! - прерывистым шепотом произнес он, - Дженни!

Миссис Грэй остановилась и смотрела на него с выражением крайнего изумления и страха. Затем, очевидно почувствовав себя дурно, сама пошатнулась и упала бы, если бы профессор не поддержал ее своими длинными нервными руками.

- Лягте, - сказал он, подводя ее к софе.

Она лежала среди подушек с тем же мертвенно-бледным, неподвижным лицом. Профессор стоял спиною к холодному камину и переводил взгляд с одного на другую.

- Итак, О'Бриен, - сказал он наконец, - вы уже знакомы с моей женой!

- С вашей женой! - хрипло прокричал тот. - Она вовсе не ваша жена! Она моя жена!

Профессор неподвижно стоял на коврике перед камином, судорожно стиснув пальцы и слегка опустив голову на грудь. Те двое, по-видимому, не замечали его присутствия.

- Дженни! - сказал О'Бриен.

- Джемс!

- Как могли вы бросить меня, Дженни? Как хватило у вас жестокости сделать это? Я думал, что вы умерли. Я оплакивал вашу смерть, теперь вы заставили меня жалеть о том, что вы остались в живых. Вы разбили мою жизнь.

Она ничего не отвечала и неподвижно лежала на софе, все еще не спуская с него глаз.

- Почему вы молчите?

- Потому что вы правы, Джемс. Я поступила с вами жестоко, бессовестно. Но мой поступок в конце концов не так дурен, как вы думаете.

- Вы бежали с Де Хортом.

- Нет, я не сделала этого. В последнюю минуту я опомнилась. Он уехал один. Но у меня не хватило духу вернуться к вам после того, что я вам написала. Я уехала в Англию под другим именем и с тех пор жила здесь. Мне казалось, что я начинаю новую жизнь. Я знала, что вы считаете меня мертвой. Кто мог думать, что судьба опять сведет нас! Когда профессор просил меня...

Она опять стала задыхаться.

- Вам дурно, - сказал профессор. - Держите голову ниже, это помогает правильной циркуляции крови в мозгу. - Он поправил подушку. - Мне очень жаль, что я должен покинуть вас, О'Бриен, но мне предстоит сейчас читать лекцию. Может быть, я еще застану вас здесь.

С мрачным, неподвижным лицом он вышел из комнаты. Ни один из трехсот студентов, слушавших лекцию, не заметил никакой перемены ни в его голосе, ни в его наружности и ни одному из них не пришла в голову догадка, что строгий профессор, сидевший перед ними на кафедре, понял, наконец, как трудно подавлять свою человеческую природу. Когда лекция кончилась, профессор прошел в лабораторию, а оттуда поехал домой. Выйдя из экипажа, он прошел через сад, намереваясь войти в дом через створчатую стеклянную дверь, выходящую в сад из гостиной. Подойдя к дому, он услышал голоса своей жены и О'Бриена, которые вели громкий и оживленный разговор. На мгновение он остановился в нерешимости, не зная, что ему делать, - войти ли и тем прервать их разговор, или не мешать им и уйти.

Ничто не было так противно натуре профессора, как роль шпиона; но пока он стоял и

колебался, до его слуха долетели слова, заставившие его превратиться в статую.

- Вы все-таки моя жена, Дженни, - сказал О'Бриен, - и я прощаю вас от всего моего сердца. Я люблю вас и никогда не переставал любить вас, хотя вы и забыли меня.

- Нет, Джемс, сердцем я всегда была в Мельбурне. Я всегда была вашей. Я думала только, что для вас будет лучше, если вы будете считать меня умершей.

- Теперь выбирайте между нами, Дженни. Если вы решите остаться здесь, я буду нем, как могила. Если же вы решите ехать со мной, то мне безразлично, что будут говорить обо мне. Может быть я столько же виновен, как и вы. Я слишком много времени посвящал своей работе и слишком мало своей жене.

Профессор услышал воркующий, нежный смех, который был так хорошо знаком ему.

- Я пойду с вами, Джемс, - сказала она.

- А профессор?..

- Бедный профессор! Но он не будет особенно тужить, Джемс, - у него нет сердца.

- Мы должны сообщить ему наше решение.

- В этом нет надобности, - сказал профессор Энсли Грэй, входя через открытую дверь в комнату. - Я слышал последнюю часть вашего разговора. Я не решился помешать вам в тот момент, когда вы готовы были прийти к окончательному решению.

О'Бриен взял жену за руку, и они стояли рядом, освещенные солнечным светом. Профессор же, заложив руки за спину, стоял у двери, и его длинная черная тень упала между ними.

- Ваше решение вполне разумно, - сказал он. - Отправляйтесь вместе в Австралию, и пусть то, что произошло между нами, навсегда будет вычеркнуто из нашей памяти.

- Но вы... вы... - пробормотал О'Бриен.

- Не заботьтесь обо мне, - сказал профессор.

Женщина разразилась рыданиями.

- Что я могу сказать в свое оправдание? - говорила она. - Как я могла предвидеть это? Я думала, что моя старая жизнь кончилась. Но она вернулась опять со всеми ее надеждами и желаниями. Что я могу сказать вам, Энсли? Я навлекла позор и несчастье на голову достойного человека. Я испортила вашу жизнь. Как вы должны ненавидеть и презирать меня! Зачем только я родилась на свет!

- Я не питаю к вам ни ненависти, ни презрения, - спокойно сказал профессор. - Вы неправы, жалея о том, что родились на свет, так как вам предстоит быть подругой человека, который выказал такие дарования в одной из высших отраслей науки. По справедливости, я не могу винить вас в том, что произошло, потому что наука не сказала своего последнего слова относительно того, насколько отдельный индивидуум должен считаться ответственным за наследственные, глубоко вложенные в него инстинкты.

Он стоял, жестикулируя и слегка наклонившись вперед, как человек, разбирающий трудный и не имеющий лично к нему никакого отношения вопрос. О'Бриен шагнул было к нему, чтобы сказать что-то, но слова замерли на его устах, когда он встретился с его бесстрастным взглядом. Всякое выражение сострадания или симпатии было бы дерзостью по отношению к этому человеку, личные страдания которого так легко растворялись в глубоких вопросах отвлеченной философии.

- Я думаю, что мы можем считать вопрос исчерпанным, - продолжал профессор тем же бесстрастным тоном. - Мой экипаж стоит у дверей. Прошу вас пользоваться им, как своим собственным. Лучше всего будет, если вы оставите город немедленно. Ваши вещи, Анна, я пошлю вам вслед.

Рука, которую О'Бриен протянул профессору, повисла в воздухе.

- Я почти не смею предложить вам свою руку, - сказал он.

- Напротив. Я думаю, что из нас троих вы в самом выгодном положении. Вам нечего

стыдиться.

- Ваша сестра...

- Я позабочусь о том, чтобы у нее было правильное представление о происшедшем. До свидания! Пришлите мне оттиск вашей последней работы. До свидания, Анна!

- До свидания!

Они пожали друг другу руки, и на одно мгновение их взгляды встретились. Во время этого короткого обмена взглядами ей в первый и последний раз удалось заглянуть в тайники души этого сильного человека. Она вздохнула, и ее тонкая белая рука в течение нескольких мгновений продолжала покоиться на его плече.

- Джемс, Джемс! - вдруг вскрикнула она. - Разве вы не видите, что он поражен в самое сердце?

Профессор спокойно отстранил ее от себя.

- Я не обладаю эмоциональным темпераментом, - сказал он. - У меня есть дело, могущее дать мне удовлетворение - мои исследования о валиснерии. Экипаж ждет вас. Ваша мантилья в передней. Скажите Джону, куда ему везти вас. Теперь ступайте.

Эти последние слова были так неожиданны, и в тоне, которым он произнес их, было что-то вулканическое, стоявшее в таком резком контрасте с его бесстрастным тоном и неподвижным лицом, что О'Бриен и его жена тотчас же удалились. Он запер за ними дверь и некоторое время медленно ходил взад и вперед по комнате. Затем он прошел в библиотеку и выглянул из окна. Коляска удалялась. Он бросил последний взгляд на женщину, которая была его женой. Он увидел ее изящную, склоненную набок голову и прекрасные очертания ее шеи.

Под влиянием какого-то нелепого, бесцветного импульса профессор сделал несколько шагов по направлению к двери, но тотчас повернул назад и, усевшись за письменный стол, погрузился в работу.

Необычайное происшествие в семье профессора почти не произвело впечатления скандала. У профессора было мало личных друзей, и он редко бывал в обществе. Его брак с миссис О'Джеймс был заключен при такой скромной обстановке, что большинство его коллег продолжало считать его холостяком. Миссис Эсдэль и еще несколько человек, правда, занимались обсуждением инцидента, но поле для сплетен было у них весьма ограниченное, так как они могли только смутно догадываться о причине внезапного отъезда жены профессора.

А профессор по-прежнему аккуратно являлся на лекции и так же ревностно руководил лабораторными занятиями студентов. Его собственная работа подвигалась вперед с лихорадочной быстротой. Нередко случалось, что его слуги, возвращаясь утром домой, слышали скрип его неутомимого пера или встречались с ним на лестнице, когда он бледный и угрюмый поднимался в свою комнату. Напрасно его друзья говорили ему, что такая жизнь убьет его. Он не слушал их предостережения и почти не давал себе отдыха.

Мало-помалу под влиянием такого образа жизни и в его наружности произошла перемена. Черты его лица стали еще резче, около висков и поперек бровей обозначились глубокие морщины; его щеки впали, лицо стало бескровным. Во время ходьбы его колени стали подгибаться, а раз, выходя из аудитории, он упал и не мог без посторонней помощи дойти до экипажа.

Это случилось как раз перед окончанием занятий, а вскоре после того, как начались праздники, профессора, еще не уехавшие из Берчспуля, были поражены известием, что их товарищ по кафедре физиологии так плох, что нет никаких надежд на его выздоровление. Два известных врача, тщательно исследовавших его состояние, не могли определить его болезни. Постепенный, все прогрессирующий упадок сил был единственным ее симптомом, причем его умственные способности сохранили всю свою свежесть. Он очень интересовался своей болезнью и делал заметки о своих субъективных ощущениях, чтобы помочь врачам в ее распознании. О своем приближающемся конце он говорил в своем обычном спокойном и несколько педантическом тоне.

- Это утверждение, - говорил он, - свободы индивидуальной клетки, противопоставленное закону ассоциации клеток. Это распадение кооперативного товарищества - процесс, представляющий большой интерес

И вот, в один хмурый, ненастный день его "кооперативное товарищество" распалось. Спокойно и без страданий он заснул вечным сном. Лечившие его два доктора чувствовали себя несколько смущенными, когда им пришлось приступить к составлению свидетельства о его смерти.

- Трудно подыскать этому название, - сказал один из них.

- Да, очень трудно, - поддержал его другой.

- Если бы он не был таким удивительно уравновешенным человеком, то я сказал бы, что он умер от какого-то внезапного нервного потрясения, что он умер "с горя", как говорит простонародье.

- Не думаю, чтобы бедный Грэй был способен на такую вещь.

- Как бы то ни было, назовем это болезнью сердца, - сказал старший врач.

Месть лорда Сэннокса

О романе Дугласа Стоуна и небезызвестной леди Сэннокс было широко известно как в светских кругах, где она блистала, так и среди членов научных обществ, считавших его одним из знаменитейших своих коллег. Поэтому, когда в один прекрасный день было объявлено, что леди Сэннокс окончательно и бесповоротно постриглась в монахини и навсегда заточила себя в монастырь, новость эта вызвала повышенный интерес. Когда же сразу вслед за этим пришло известие, что прославленный хирург, человек с железными нервами, был обнаружен утром своим слугой в самом плачевном состоянии - он сидел на кровати, бессмысленно улыбаясь, с обеими ногами, просунутыми в одну штанину, и могучим мозгом, не более ценным теперь, чем шляпа, наполненная кашей, вся эта история получила сильный резонанс и взволновала людей, уже и не надеявшихся на то, что их притупившиеся, пресыщенные нервы окажутся способны к волнению.

Дуглас Стоун в расцвете своих способностей был одним из самых выдающихся людей в Англии. Впрочем, вряд ли его способности успели достигнуть полного расцвета: ведь к моменту этого маленького происшествия ему было всего тридцать девять лет. Те, кто хорошо его знал, считали, что, хотя он стал знаменит как хирург, он смог бы еще быстрее прославиться, избери он любую из десятка других карьер. Он завоевал бы славу как воин, обрел бы ее как путешественник-первопроходец, стяжал бы ее как юрист в залах суда или создал бы ее как инженер - из камня и стали. Он был рожден, чтобы стать великим, ибо умел замышлять то, чего не осмеливаются совершать другие, и совершать то, о чем другие не смеют помыслить. В хирургии никто не мог повторить его виртуозные операции. Его самообладание, проницательность и интуиция творили чудеса. Снова и снова его скальпель вырезал смерть, но касался при этом самих истоков жизни, заставляя ассистентов бледнеть. Его энергия, его смелость, его здоровая уверенность в себе - разве не вспоминают о них по сей день к югу от Мэрилебоун-роуд и к северу от Оксфорд-стрит?

Его недостатки были не менее велики, чем его достоинства, но куда как более колоритны. Зарабатывая большие деньги - по величине дохода он уступал лишь двум лицам свободных профессий во всем Лондоне, - Стоун жил в роскоши, несоизмеримой с его заработком. В глубине его сложной натуры коренилась жажда чувственных удовольствий, удовлетворению которой и служили все блага его жизни. Зрение, слух, осязание, вкус властвовали над ним. Букет старых марочных вин, запах редкостных экзотических цветов, линии и оттенки изысканнейших гончарных изделий Европы - на все это он не жалел золота, которое лилось из его карманов широким потоком. А потом его внезапно охватила безумная страсть к леди Сэннокс. При первой же их встрече два смелых, с вызовом, взгляда и слово, сказанное шепотом, воспламенили его. Она была самой восхитительной женщиной в Лондоне и единственной женщиной для него. Он был одним из самых привлекательных мужчин в Лондоне, но не единственным мужчиной для нее. Она любила новизну переживаний и бывала благосклонна к большинству мужчин, ухаживавших за ней. Может быть, по этой причине лорд Сэннокс выглядел в свои тридцать шесть лет на все пятьдесят (если только последнее не явилось причиной такого ее поведения).

Это был уравновешенный, молчаливый, ничем не примечательный человек с тонкими губами и густыми бровями. Он слыл страстным садоводом, этот лорд, и отличался простыми привычками домоседа. Одно время он увлекался театром, сам играл на сцене и даже арендовал в Лондоне театр. На его подмостках он впервые увидел мисс Мэрион Доусон, которой предложил руку, титул и треть графства. После женитьбы прежнее увлечение сценой опостылело ему. Его больше не удавалось уговорить сыграть хотя бы в домашнем театре и вновь блеснуть талантом, который он так часто демонстрировал в прошлом. Он чувствовал

себя теперь счастливей с мотыгой и лейкой среди своих орхидей и хризантем.

Всех занимала проблема, чем объясняется его бездействие: полной утратой наблюдательности или прискорбной бесхарактерностью? Знает он о шалостях своей жены и смотрит на них сквозь пальцы, или же он просто-напросто слепой, недогадливый олух? Эта тема оживленно обсуждалась за чашкой чая в уютных маленьких гостиных и за сигарой в эркерах курительных комнат клубов. Мужчины отзывались о его поведении в резких и откровенных выражениях. Только один человек в курительной, самый молчаливый из всех, сказал о нем доброе слово. В университетские годы он видел, как лорд Сэннокс объезжает лошадь, и это произвело на него неизгладимое впечатление.

Но когда фаворитом леди Сэннокс стал Дуглас Стоун, всякие сомнения насчет того, знает ли об этом лорд Сэннокс или нет, окончательно рассеялись. Стоун не желал хитрить и прятаться. Своевольный и импульсивный, он отбросил все соображения осторожности и благоразумия. Скандал приобрел печальную известность. Ученое общество, намекая на это, сообщило ему, что его имя вычеркнуто из списка вице-председателей. Двое друзей умоляли его подумать о своей профессиональной репутации. Он послал их всех к черту и, купив за сорок гиней браслет, отправился с ним на свидание с леди. Каждый вечер он бывал у нее дома, а днем ее видели в его экипаже. Ни он, ни она даже не пытались скрывать свои отношения, пока, наконец, одно маленькое происшествие не положило им конец.

Был гнетущий зимний вечер, промозгло-холодный и ненастный. Ветер завывал в трубах и сотрясал оконные рамы. При каждом его новом порыве дождь барабанил в стекло, заглушая на время глухой шум капель, падающих с карниза. Дуглас Стоун, отобедав, сидел у зажженного камина в своем кабинете; рядом на малахитовом столике стоял бокал с превосходным портвейном. Прежде чем сделать глоток, он подносил бокал к лампе и глазами знатока любовался темно-рубиновым вином с крохотными частицами благородного налета в его глубинах. Пламя в камине, вспыхивая, бросало яркие отблески на его четко очерченное лицо с широко открытыми серыми глазами, толстыми и вместе с тем твердыми губами и крепкой квадратной челюстью, своей животной силой, напоминавшей челюсть какого-нибудь римлянина. Уютно устроившись в своем роскошном кресле, он время от времени чему-то улыбался. У него и впрямь имелись все основания быть довольным собой, так как, вопреки совету шестерых коллег, он сделал в тот день операцию, которая до него производилась лишь дважды в истории медицины, притом сделал блистательно: результат превзошел все ожидания. Ни одному хирургу в Лондоне не хватило бы смелости задумать и искусства осуществить подобное. Он чувствовал себя героем.

Но ведь он обещал леди Сэннокс приехать к ней сегодня вечером, а уже половина девятого. В тот миг, когда он тянулся к звонку, чтобы распорядиться подавать карету, раздался глухой стук дверного молотка. Вскоре в прихожей зашаркали шаги и хлопнула входная дверь.

- К вам пациент, сэр, дожидается в приемной, - объявил дворецкий.

- Он хочет, чтобы я его осмотрел?

- Нет, сэр, по-моему, он хочет, чтобы вы поехали с ним.

- Слишком поздно, - воскликнул Дуглас Стоун с раздражением. - Я не поеду.

- Вот его визитная карточка, сэр.

Дворецкий подал карточку на золотом подносе, подаренном его хозяину женой премьер-министра.

- Гамиль Али, Смирна. Гм! Турок, наверное.

- Да, сэр. Похоже, он приезжий, сэр. И ужасно обеспокоен.

- Фу ты! У меня же назначена на сегодня встреча. Мне придется уехать. Но я его приму. Пригласите его сюда, Пим.

Через несколько мгновений дворецкий распахнул дверь и ввел в кабинет невысокого мужчину, сгорбленного годами и недугами: то, как он вытягивал вперед шею, моргал и щурился, говорило о сильнейшей близорукости. Лицо у него было смугло, а борода и волосы черны как смоль. В одной руке он держал белый муслиновый тюрбан в красную полоску, в другой - небольшую замшевую сумку.

- Добрый вечер, - сказал Дуглас Стоун, когда за дворецким закрылась дверь. - Я полагаю, вы

говорите по-английски?

- Да, господин. Я из Малой Азии, но говорю по-английски, если говорить медленно.

- Насколько я понял, вы хотите, чтобы я поехал с вами?

- Да, сэр. Я очень хочу, чтобы вы помогли моей жене.

- Я мог бы приехать завтра утром, а сейчас меня ждет неотложная встреча, и сегодня я ничем не смогу помочь вашей жене.

Ответ турка был своеобразен. Он потянул за шнурок своей замшевой сумки, открывая ее, и высыпал на стол грудой золотых.

- Здесь сто фунтов, - сказал он, - и я обещаю вам, что дело не займет у вас и часа. Кэб ждет у ваших дверей.

Дуглас Стоун взглянул на часы. Через час будет еще не поздно приехать к леди Сэннокс. Он бывал у нее и в более позднее время. А гонорар необычайно велик. В последнее время его донимали кредиторы, и он не может позволить себе упустить такой шанс. Придется ехать.

- А что у вас за случай? - спросил он.

- О, очень прискорбный! Очень прискорбный! Наверное, вы не слыхали об альмохадесских кинжалах?

- Никогда.

- О, это такие восточные кинжалы, старинной работы и необычайной формы, с эфесом в виде скобы. Понимаете, сам я торговец древностями и приехал из Смирны в Англию с товаром, но на следующей неделе возвращаюсь домой. Много редкостей я привез с собой и продал, но некоторые остались у меня, и среди них, мне на горе, один из этих кинжалов.

- Не забывайте, сударь, что у меня назначена встреча, - напомнил хирург, начиная раздражаться. - Прошу вас, сообщите только необходимые подробности.

- Это необходимая подробность, вы увидите. Сегодня моя жена упала в обморок в комнате, где я держу товары, и порезала себе нижнюю губу этим проклятым альмохадесским кинжалом.

- Понятно, - сказал Дуглас Стоун, вставая. - И вы хотите, чтобы я перевязал рану?

- Нет, нет, дело хуже.

- Что же тогда?

- Эти кинжалы отравлены.

- Отравлены?!

- Да, и ни один человек, будь то на Востоке или на Западе, не может теперь сказать, какой это яд и есть ли противоядие. Но все, что известно об этих кинжалах, известно и мне, потому что мой отец был тоже торговцем древностями, и нам приходилось иметь много дел с этим отравленным оружием.

- Каковы симптомы отравления?

- Глубокий сон и смерть через тридцать часов.

- Вы сказали, что противоядия нет. За что же платите вы мне этот большой гонорар?

- Лекарства ее не спасут, но может спасти нож.

- Как?

- Яд всасывается медленно. Он несколько часов остается в ране.

- Значит, ее можно промыть и очистить от яда?

- Нет, как и при укусе змеи. Яд слишком коварен и смертоносен.

- Тогда - иссечение раны?

- Да, только это. Если рана на пальце, отрежь палец, так всегда говорил мой отец. Но у нее-то рана на губе, вы подумайте только, и ведь это моя жена. Ужасно!

Но близкое знакомство с подобными жестокими фактами может притупить у человека остроту сочувствия. Для Дугласа Стоуна это уже был просто интересный хирургический случай, и он решительно отметал как несущественные слабые возражения мужа.

- Или это, или ничего, - резко сказал он. - Лучше потерять губу, чем жизнь.

- Да, вы, конечно, правы. Ну что ж, это судьба, и с ней надо смириться. Я взял кэб, и вы поедете вместе со мной и сделаете, что надо.

Дуглас Стоун достал из ящика стола футляр с хирургическими ножами и сунул его в карман вместе с бинтом и корпией для повязки. Если он хочет повидаться с леди Сэннокс, нужно действовать без промедления.

- Я готов, - сказал он, надевая пальто. - Не хотите выпить бокал вина, прежде чем выйти на холод?

Посетитель отпрянул, протестующе подняв руку.

- Вы забыли, что я мусульманин и правоверный последователь пророка! воскликнул он. - Но скажите, что в том зеленом флаконе, который вы положили к себе в карман?

- Хлороформ.

- Ах, это нам тоже запрещено. Ведь это спирт, и мы подобными вещами не пользуемся.

- Как?! Вы готовы допустить, чтобы ваша жена перенесла операцию без обезболивающих средств?

- Ах, она, бедняжка, ничего не почувствует. Она уже заснула глубоким сном, это первый признак того, что яд начал действовать. И к тому же я дал ей нашего смирнского опиума. Пойдемте, сэр, а то уже целый час прошел.

Когда они шагнули в темноту улицы, струи дождя хлестнули им в лицо и, пыхнув, погасла лампа в прихожей, свисавшая с руки мраморной кариатиды. Пим, дворецкий, с трудом придерживал плечом тяжелую дверь, норовившую захлопнуться под напором ветра, пока двое мужчин ощупью брели к пятну желтого света, где ждал кэб. Через минуту колеса кэба загромыхали по мостовой.

- Далеко ехать? - спросил Дуглас Стоун.

- О, нет. Мы остановились в очень тихом местечке за Юстон-стрит.

Хирург нажал на пружину часов с репетиром и прислушался к тихому звону: пробило четверть десятого. Он прикинул в уме расстояние, подсчитал, за сколько минут управится он со столь несложной операцией. К десяти часам он должен поспеть к леди Сэннокс. Через мутные, запотелые окна он видел проплывавшие мимо туманные огни газовых фонарей и редкие освещенные витрины магазинов. Дождь лупил и барабанил о кожаный верх экипажа, колеса расплескивали воду и грязь. Напротив слабо белел в темноте головной убор его спутника. Хирург нащупал в карманах и приготовил иглы, лигатуры и зажимы, чтобы не тратить времени по прибытии. От нетерпения он нервничал и постукивал ногой по полу.

Но вот, наконец, кэб замедлил движение и остановился. В то же мгновение Дуглас Стоун соскочил на землю, и купец из Смирны не мешкая вышел следом.

- Подождите здесь, - сказал он извозчику.

Перед ним был убогого вида дом на узкой и грязной улочке. Хирург, неплохо знавший Лондон, бросил быстрый взгляд по сторонам, но не нашел среди темных силуэтов характерных примет: ни лавки, ни движущихся экипажей, ничего, кроме двойного ряда унылых домов с плоскими фасадами, двойной полосы мокрых каменных плит, отражающих свет фонарей да двойного потока воды в сточных канавах, которая, журча и кружась в водоворотах, устремлялась к канализационным решеткам. Входная дверь, выцветшая и покрытая пятнами, имела над собой оконце, в котором мерцал слабый свет, еле пробивавшийся сквозь пыль и копоть на стекле. Наверху тускло желтело одно из окон второго этажа. Купец громко постучал. Когда он

повернул свое смуглое лицо к свету, Дуглас Стоун заметил, как омрачено оно тревогой. Раздался звук отодвигаемого засова, и дверь открылась. За ней стояла пожилая женщина с тонкой свечой, прикрывавшая слабое мигающее пламя рукой с узловатыми пальцами.

- Ничего не случилось? - задыхаясь от волнения, спросил купец.

- Она в таком же состоянии, в каком вы ее оставили, господин.

- Она не говорила?

- Нет, она крепко спит.

Купец закрыл дверь, и Дуглас Стоун двинулся вперед по узкому коридору, не без удивления оглядываясь вокруг. Здесь не было ни клеенки под ногами, ни половика, ни вешалки. Глаз всюду наткался на толстый слой серой пыли да густую паутину. Поднимаясь вслед за старухой по винтовой лестнице, он слышал, как резко звучат его твердые шаги, отдаваясь эхом в безмолвном доме. Ковра под ногами не было.

Спальня находилась на втором этаже. Дуглас Стоун вошел туда за старой сиделкой, за ним последовал купец. Здесь, по крайней мере, были какие-то вещи, и даже в избытке. Куда ни ступи, на полу и в углах комнаты в беспорядке громоздились турецкие ларцы, инкрустированные столики, кольчуги, диковинные трубки и фантастического вида оружие. Единственная маленькая лампа стояла на полочке, прикрепленной к стене. Дуглас Стоун снял ее и, осторожно шагая среди наставленного и наваленного всюду старья, подошел к кушетке в углу комнаты, на которой лежала женщина, одетая по турецкому обычаю, с лицом, закрытым чадрой. Нижняя часть лица была приоткрыта, и хирург увидел неровный зигзагообразный порез, шедший вдоль края нижней губы.

- Вы должны простить меня: лицо у нее останется укрытым чадрой, проговорил турок. - Вы же знаете, как мы, на Востоке, относимся к женщинам.

Но хирург и не думал о чадре. Лежавшая больше не была для него женщиной. Это был хирургический случай. Он наклонился и тщательно осмотрел рану.

- Никаких признаков раздражения, - сказал он. - Мы могли бы отложить операцию до появления местных симптомов.

Муж, который больше не мог сдерживать волнение, вскричал, ломая себе руки:

- О! Господин, господин, не теряйте времени. Вы не знаете. Это смертельно. Я-то знаю, и уж поверьте мне: операция совершенно необходима. Только нож может ее спасти.

- И все же я считаю, что нужно подождать, - заметил Дуглас Стоун.

- Довольно! - воскликнул турок рассерженно. - Каждая минута дорога, и я не могу стоять здесь и безучастно смотреть, как мою жену обрекают на гибель. Мне ничего не остается, кроме как поблагодарить вас за визит и обратиться к другому хирургу, пока еще не поздно.

Дуглас Стоун заколебался. Отдавать сотню фунтов крайне неприятно. Но если он откажется оперировать, деньги придется вернуть. А если турок прав и женщина умрет, ему трудно будет оправдываться перед коронером на дознании в случае скорострительной смерти.

- Вы лично знакомы с действием этого яда? - спросил он.

- Да.

- И вы ручаетесь мне, что операция необходима?

- Клянусь всем, что есть для меня святого.

- Рот будет ужасно изуродован.

- Я понимаю, что это больше не будет хорошенький ротик, который так приятно целовать.

Дуглас Стоун круто повернулся к турку, готовый сурово отчитать его за жестокие слова. Но, видимо, такая, уж у турка манера говорить и мыслить, а времени для препирательства нет. Дуглас Стоун достал из футляра хирургический нож, открыл его и указательным пальцем попробовал на ощупь остроту прямого лезвия. Затем он поднес лампу ближе к изголовью. Два черных глаза смотрели на него через прорезь на чадре. Зрачков почти не было видно.

сплошная радужная оболочка.

- Вы дали ей очень большую дозу опиума.

- Да, она получила хорошую дозу.

Он снова взгляделся в черные глаза, уставленные прямо на него. Они были тусклы и безжизненны, но как раз тогда, когда он рассматривал их, в их глубине вспыхнула искорка сознания. Губы у женщины дрогнули.

- Она не полностью в бессознательном состоянии.

- Так не лучше ли пустить в ход нож, пока это будет безболезненно?

Такая же мысль пришла в голову и хирургу. Оттянув пораженную губу щипцами, он двумя быстрыми движениями ножа отрезал широкий треугольный кусок. Женщина со страшным булькающим криком вскочила на кушетке. Чадра свалилась с ее лица. Это лицо он знал. Он узнал его, несмотря на эту безобразно выступающую верхнюю губу, несмотря на это месиво из слюны и крови. Она, продолжая кричать, все пыталась закрыть рукой зияющий вырез. Дуглас Стоун с ножом в одной руке и щипцами в другой сел в ногах кушетки. Комната закружилась у него перед глазами, и он почувствовал, как что-то сдвинулось у него в голове, словно распоролся какой-то шов за ухом. Окажись напротив кушетки посторонний наблюдатель, он сказал бы, что из двух этих ужасных, искаженных лиц его лицо выглядит ужасней. Как будто в дурном сне или в пьесе, разыгрываемой на сцене, он увидел, что шевелюра и борода турка валяются на столе, а у стены, прислонясь к ней, стоит лорд Сэннокс и беззвучно смеется. Крики теперь прекратились, и обезображенная голова снова упала на подушку, но Дуглас Стоун продолжал сидеть неподвижно, а лорд Сэннокс все так же стоял, сотрясаясь от внутреннего смеха.

- Право же, эта операция была совершенно необходима Мэрион, - заговорил наконец он. - Не в физическом смысле, а в нравственном, я бы сказал, в нравственном.

Дуглас Стоун нагнулся и принялся перебирать бахрому покрывала. Его нож со звоном упал на пол, но он по-прежнему сжимал в руке щипцы с тем, что в них было зажато.

- Я давно собирался проучить ее в назидание другим, - любезным тоном пояснил лорд Сэннокс, - Ваша записка, посланная в среду, не дошла по адресу - она здесь, у меня в бумажнике. И уж я не пожалел труда, чтобы выполнить свой план. Кстати, губа у нее была поранена вполне безобидным оружием - моим кольцом с печаткой.

Он бросил на своего молчащего собеседника острый взгляд и взвел курок небольшого револьвера, который лежал у него в кармане пальто. Но Дуглас Стоун все перебирал и перебирал бахрому покрывала.

- Как видите, вы все-таки успели на свидание, - сказал лорд Сэннокс.

И при этих словах Дуглас Стоун рассмеялся. Он смеялся долго и громко. Но теперь уже лорду Сэнноксу было не до смеха. Теперь его лицо, напрягшееся и отвердевшее, выражало что-то, похожее на страх. Он вышел из комнаты, притом вышел на цыпочках. Старуха ждала снаружи.

- Позаботьтесь о вашей госпоже, когда она проснется, - распорядился лорд Сэннокс.

Затем он спустился по лестнице и вышел на улицу. Кэб стоял у дверей, и извозчик поднес руку к шляпе.

- Первым делом, Джон, - сказал лорд Сэннокс, - отвезешь доктора домой. Наверное, придется помочь ему спуститься. Скажешь дворецкому, что его хозяин заболел во время посещения больного.

- Слушаюсь, сэр.

- Потом можешь отвезти домой леди Сэннокс.

- А как же вы, сэр?

- О, ближайшие несколько месяцев я проживу в Венеции, в гостинице "Отель ди Рома". Проследи, чтобы письма пересылали мне по этому адресу. И скажи Стивенсону, чтобы он показал на выставке в будущий понедельник все пурпурные хризантемы и телеграфировал мне о результате.

Успехи дипломатии

Министра иностранных дел свалила подагра. Целую неделю он провел дома и не присутствовал на двух совещаниях кабинета, причем как раз тогда, когда по его ведомству возникла масса неотложных дел. Правда, у него был отличный заместитель и великолеппный аппарат, но никто не обладал таким широким опытом и такой мудрой проницательностью, и дела в его отсутствие застопорились. Когда его твердая рука сжимала руль, огромный государственный корабль спокойно плыл по бурным водам политики, но стоило ему отнять руку, началась болтанка, корабль сбился с пути, и редакторы двенадцати британских газет, выказывая всеведение, предложили двенадцать различных курсов, каждый из которых объявлялся единственно верным и безопасным. Одновременно возвысила голос оппозиция, так что растерявшийся премьер-министр молился во здравие своего отсутствующего коллеги.

Министр находился в своей комнате в просторном особняке на Кавендиш-сквер. Был май, газон перед его окном уже зазеленел, но, несмотря на теплое солнце, здесь, в комнате больного, весело потрескивал огонь в камине. Государственный муж сидел в глубоком кресле темно-красного плюша, откинув голову на шелковую подушку и положив вытянутую ногу на мягкую скамеечку. Его точеное, с глубокими складками лицо было обращено к лепному, расписанному потолку, и застывшие глаза глядели с тем характерным непроницаемым выражением, которое привело в отчаяние восхищенных коллег с континента на памятном международном конгрессе, когда он впервые появился на арене европейской дипломатии. И все-таки сейчас способность скрывать свои чувства изменила ему: и по линиям прямого волевого рта и по морщинам на широком выпуклом лбу видно было, что он не в духе и чем-то сильно озабочен.

Было от чего прийти в дурное расположение: министру предстояло многое обдумать, а он не мог собраться с мыслями. Взять хотя бы вопрос о Добрудже и навигации в устье Дуная - пора улаживать это дело. Русский посол прислал мастерски составленный меморандум, и министр мечтал ответить достойнейшим образом. Или блокада Крита. Британский флот стоит на рейде у мыса Матапан, ожидая распоряжений, которые могли бы повернуть ход европейской истории. Потом эти трое несчастных туристов, которые забрались в Македонию, знакомые с ужасом ожидали, что почта принесет их отрезанные уши или пальцы, поскольку похитители потребовали баснословный выкуп. Нужно срочно вызволять их из рук горцев хоть силой, хоть дипломатической хитростью, иначе гнев возмущенного общественного мнения выплеснется на Даунинг-стрит. Все эти вещи требовали безотлагательного решения, а министр иностранных дел Великобритании не мог подняться с кресла, и его мысли целиком сосредоточились на больном пальце правой ноги! В этом было что-то крайне унижительное! Весь его разум восставал против такой нелепости. Министр был волевым человеком и гордился этим, но чего стоит человеческий механизм, если он может выйти из строя из-за воспаленного сустава? Он застонал и заерзал среди подушек.

Неужели он все-таки не может съездить в парламент? Доктор, наверное, преувеличивает. А сегодня как раз заседание кабинета. Он посмотрел на часы. Сейчас оно, должно быть, уже кончается. По крайней мере он мог съездить хотя бы в Вестминстер. Он отодвинул круглый столик, уставленный рядами пузырьков, поднялся, опираясь руками на подлокотники кресла, и, взяв толстую дубовую палку, неловко заковылял по комнате.

Когда он двигался, физические и духовные силы, казалось, возвращались к нему. Британский флот должен покинуть Матапан. На этих турков надо немного нажать. Надо показать грекам, что... Ох! В одно мгновение Средиземноморье заволокло туманом, и не оставалось ничего, кроме пронзительной, нестерпимой боли в воспаленном пальце. Он кое-как добрался до окна и, держась за подоконник левой рукой, правой тяжело оперся на палку. Снаружи раскинулся залитый солнцем и свежестью сквер, прошло несколько хорошо одетых прохожих, катилась щегольская одноконная карета, только что отъехавшая от его дома. Он успел увидеть герб на дверце и на секунду стиснул зубы, а густые брови сердито сошлись, образовав складку на переносице. Он заковылял к своему креслу и позвонил в колокольчик, который стоял на столике.

- Попросите госпожу прийти сюда, - сказал он вошедшему слуге.

Ясно, что о поездке в парламент нечего было и думать. Стреляющая боль в ноге сигнализировала, что доктор не преувеличивает. Но сейчас его беспокоило нечто совсем другое, и на время он забыл о недомогании. Он нетерпеливо постукивал палкой по полу, но вот наконец дверь распахнулась, и в комнату вошла высокая, элегантная, но уже пожилая дама. Волосы ее были тронуты сединой, но спокойное милое лицо сохранило молодую свежесть, а зеленое бархатное платье с отливом, отделанное на груди и плечах золотым бисером, выгодно подчеркивало ее стройную фигуру.

- Ты меня звал, Чарльз?

- Чья это карета только что отъехала от нашего дома?

- Ты вставал? - воскликнула она, погрозив пальцем. - Ну что поделаешь с этим негодником! Разве можно быть таким неосмотрительным? Что я скажу, когда придет сэр Уильям? Ты же знаешь, что он отказывается лечить, если больной не следует его предписаниям.

- На этот раз сам больной готов отказаться от него, - раздраженно возразил министр. - Но я жду, Клара, что ты ответишь на мой вопрос.

- Карета? Должно быть, лорда Артура Сибторна.

- Я видел герб на дверце, - проворчал больной.

Его супруга выпрямилась и посмотрела на него широко раскрытыми голубыми глазами.

- Зачем тогда спрашивать, Чарльз? Можно подумать, что ты ставишь мне ловушку. Неужели ты думаешь, что я стала бы обманывать тебя? Ты не принял свои порошки!

- Ради Бога, оставь порошки в покое! Я удивлен визитом сэра Артура, потому и спросил. Мне казалось, Клара, что я достаточно ясно выразил свое к этому отношение. Кто его принимал?

- Я. То есть мы с Идой.

- Я не хочу, чтобы он встречался с Идой. Мне это не нравится. Дело и так зашло далеко.

Леди Чарльз присела на скамеечку с бархатным верхом, изящно нагнувшись, взяла руку мужа и ласково похлопала по ней.

- Ну, раз уж ты заговорил об этом, Чарльз... - начала она. - Да, дело зашло далеко, так далеко, что назад не воротить, хотя я - даю слово - ни о чем не подозревала. Наверное, тут виновата я, да, конечно, прежде всего виновата я... Но все произошло так внезапно. Самый конец сезона да еще неделя в гостях у семьи лорда Доннитор-на - вот и все! Право же, Чарльз, она так любит его! Подумай, она ведь наша единственная дочь - не надо мешать ее счастью!

- Ну-ну! - нетерпеливо прервал министр, стукнув по ручке кресла. - Это уж слишком! Честное слово, Клара. Ида доставляет мне больше хлопот, чем все мои служебные обязанности, чем все дела нашей великой империи.

- Но она у нас единственная.

- Тем более незачем мезальянс.

- Мезальянс? Что ты говоришь, Чарльз? Лорд Артур Сибторн - сын герцога Тавистокского, его предки правили в Союзе семи. А Дебрет ведет его родословную от самого Моркара, графа Нортумберлендского.

Министр пожал плечами.

- Лорд Артур - четвертый сын самого что ни на есть захудалого герцога в Англии. У него нет ни профессии, ни перспектив.

- Ты мог бы обеспечить ему и то, и другое.

- Мне он не нравится. Кроме того, я не признаю связей.

- Но подумай об Иде. Ты же знаешь, какое слабенькое у нее здоровье. Она всей душой привязалась к нему. Ты не настолько жесток, чтобы разлучить их, Чарльз, правда ведь?

В дверь постучали, Леди Чарльз встала и распахнула дверь.

- Что случилось, Томас?

- Прошу прощения, госпожа, приехал премьер-министр.

- Попроси его подняться сюда, Томас... Чарльз, не вздумай волноваться из-за служебных дел. Держи себя спокойно и рассудительно, будь умницей. Я вполне полагаюсь на тебя.

Она накинула на плечи больному легкую шаль и выскользнула в спальню как раз в тот

момент, когда в дверях, сопровождаемый слугой, показался премьер-министр.

- Дорогой Чарльз, я надеюсь, вам уже лучше, - произнес он сердечным тоном, входя в комнату с той юношеской порывистостью, какой он славился: Почти готов снова в упряжку, а? Вас очень не хватает и в парламенте, и в кабинете. Знаете, из-за этого греческого вопроса разыгралась целая буря. Видели, "Таймс" сегодня разразилась?

- Да, я прочитал, - сказал министр, улыбаясь своему патрону. - Что ж, пора сказать, что страна пока еще не целиком управляется с Принтинг-Хаус-сквер. Мы должны твердо держаться твоего курса.

- Конечно, Чарльз, именно так, - подтвердил премьер-министр, не вынимая рук из карманов.

- Хорошо, что вы зашли. Мне не терпится узнать, что делается в кабинете.

- Ничего особенного, рутина. Между прочим, наконец вызволили туристов, которые застряли в Македонии.

- Слава Богу!

- Мы отложили прочие дела до вашего прихода на следующей неделе. Правда, пора уже думать о роспуске парламента. Отчеты с мест спокойные.

Министр иностранных дел нетерпеливо заерзал и тяжело вздохнул.

- Нам давно пора навести порядок в области наших внешнеполитических дел, - сказал он. - Нужно вот ответить Новикову на его ноту. Умно составлена, но есть шаткие аргументы. Затем я хочу определить, наконец, границу с Афганистаном. Эта болезнь действует мне на нервы. Столько нужно делать, а голова как в тумане. Не знаю, то ли от подагры, то ли от этого снадобья из безвременника.

- А что говорит наш медицинский самодержец? - улыбнулся премьер-министр. - У вас, Чарльз, нет к нему должного почтения. Впрочем, даже с епископом легче разговаривать. Он хоть выслушает тебя. Врач же со своими стетоскопами и термометрами - существо особенное. Твои познания для него не существуют. Он выше всех и спокоен, как олимпиец. Кроме того, у него всегда перед тобой преимущество. Он здоров, а ты болен. Так что тягаться с ним невозможно... Между прочим, вы прочитали Ханеманна? Что вы о нем думаете?

Больной слишком хорошо знал своего высокопоставленного коллегу и потому не хотел следовать за ним по окольным тропкам тех областей знаний, где тот любил побродить время от времени. Его острый и практический ум не мог примириться с тем, сколько энергии тратится на бесплодные споры о раннем христианстве или о двадцати семи принципах месмеризма. Поэтому, едва тот затевал разговор на эти темы, он старался, ускорив шаг и отвернув лицо, прошмыгнуть мимо.

- Я успел только мельком посмотреть, - ответил он. - А в министерстве какие новости?

- Ах, да, чуть было не забыл! Я собственно, и за этим тоже решил зайти. Сэр Олджернон Джоунз в Танжере подал в отставку. Открылась вакансия.

- Нужно сразу же кого-нибудь назначить. Чем дольше откладывать, тем больше желающих.

- Ох уж эти покровители и протеже! - вздохнул премьер-министр. - В каждом таком случае приобретаешь одного сомнительного друга и дюжину рьяных врагов. Никто так не помнит зла, как претендент, которому отказали в должности. Но вы правы, Чарльз, надо срочно кого-нибудь назначить, особенно в связи с осложнениями в Марокко. Насколько я понимаю, герцог Тавистокский хотел бы определить на это место своего четвертого сына, лорда Артура Сибторна. Мы кое-чем обязаны герцогу.

Министр иностранных дел выпрямился в кресле.

- Дорогой друг, я хотел предложить то же самое. Лорду Артуру сейчас в Танжере будет лучше, чем...

- Чем на Кавендиш-сквер? - не без лукавства спросил шеф, чуть приподняв брови.

- Чем в Лондоне, скажем так. У него достаточно такта, он умеет себя вести. Он был в Константинополе у Нортон.

- Значит, он говорит по-арабски?
- Кое-как, зато по-французски отлично.
- Кстати, раз уж заговорили об арабах. Вы читали Аверроэса?
- Нет, не читал. Я думаю, что лорд Артур - отличная кандидатура во всех отношениях. Пожалуйста, распорядитесь насчет этого без меня.
- Конечно, Чарльз, о чем речь. Еще что-нибудь сделать?
- Да нет, как будто все. Я в понедельник буду.
- Надеюсь. За что ни возьмись, вы необходимы. "Таймс" опять поднимет шум из-за истории с Грецией. Эти авторы передовых статей - вполне безответственные люди. Пишут чудовищные вещи, и нет никаких возможностей опровергнуть их. До свидания, Чарльз! Почитайте Порсона!

Он пожал больному руку, щегольски помахал широкополой шляпой и вышел из комнаты тем же упругим, энергичным шагом, каким и вошел.

Лакей уже распахнул огромную двустворчатую дверь, чтобы проводить высокого посетителя до экипажа, когда из гостиной вышла леди Чарльз и дотронулась до его рукава. Из-за полузадернутой бархатной портьеры выглядывало бледное личико, встревоженное и любопытное.

- Можно вас на два слова?
- Конечно, леди Чарльз!
- Надеюсь, я не буду слишком навязчивой. Я ни в коем случае не переступила бы рамки...
- Ну что вы, дорогая леди Чарльз! - прервал ее премьер-министр, галантно поклонившись.
- Вы можете не отвечать, если это секрет. Я знаю, что лорд Артур Сибторн подал прошение на должность в Танжере. Могу ли узнать: есть у него какая-нибудь надежда?
- Должность уже занята.
- Вот как?!

Оба женских личика - и то, что было перед премьером, и то, что скрывалось за портьерой, - выразили крайнее огорчение.

- Занята лордом Артуром.

Премьер-министр засмеялся собственной шутке и продолжал:

- Мы только что решили это. Лорд Артур едет через неделю. Я рад, что вы, леди Чарльз, одобряете это назначение. Танжер - интересное место. На память сразу приходят Екатерина из Брагансы и полковник Кирк. Бэртон неплохо писал о Северной Африке. Надеюсь, вы извините меня за то, что покидаю вас так скоро: я сегодня обедаю в Виндзоре. Думаю, что у лорда Чарльза дело идет на поправку. Иначе и быть не могло с такой сиделкой.

Он поклонился, сделал прощальный жест и спустился по ступенькам к своему экипажу. Леди Чарльз заметила, как, едва отъехав от подъезда, он погрузился в какой-то роман в бумажном переплете.

Она раздвинула бархатные портьеры и вернулась в гостиную. Дочь стояла у окна, залитая солнечным светом, высокая, хрупкая, прелестная; черты ее лица и фигура чем-то напоминали материнские, но были тоньше и легче. Золотой луч освещал ее нежное аристократическое лицо, играл на льняных локонах, а желто-коричневое, плотно облегающее платье с кокетливыми бежевыми рюшами отливало розовым. Узкая шифоновая оборка обвивалась вокруг белой точеной шеи, на которой, как лилия на стебле, покоилась красивая голова. Леди Ида сжала тонкие руки и с мольбой устремила свои голубые глаза на мать.

- Ну что ты, глупышка! - проговорила почтенная дама, отвечая на молящий взгляд дочери. Она обняла ее хрупкие покатые плечики и привлекла к себе. Совсем неплохое место, если ненадолго. Это первый шаг в его дипломатической карьере.

- Но это ужасно, мама, через неделю! Бедный Артур!
- Нет, он счастливый.
- Счастливый? Но мы ведь с ним расстаемся.
- Не расстаетесь. Ты тоже едешь.
- Правда, мамочка?!
- Да, правда, раз я сказала.
- Через неделю?
- Да. За неделю можно многое сделать. Я уже распорядилась насчет trousseau [приданое(франц.)].
- Мамочка, дорогая, ты ангел! А папа что скажет? Я так боюсь его.
- Твой отец - дипломат.
- Ну и что?
- А то, что его жена не менее дипломат, но это между нами. Он успешно справляется с делами Британской империи, а я успешно справляюсь с ним. Вы давно помолвлены, Ида?
- Десять недель, мама.

- Ну вот видишь, пора венчаться. Лорд Артур не может уехать из Англии один. Ты поедешь в Танжер как жена посланника. Посиди-ка здесь на козетке, дай мне подумать... Смотри, экипаж сэра Уильяма. А у меня и к нему есть ключ. Джеймс, попроси доктора зайти к нам!

Тяжелый парный экипаж подкатил к подъезду, уверенно звякнул колокольчик. Мгновенье спустя двери распахнулись, и лакей впустил в гостиную знаменитого доктора. Это был невысокий, гладко выбритый человек в старомодном черном сюртуке, с белым галстуком под стоячим воротничком. Ходил он, подав плечи вперед, в правой руке держал золотое пенсне, которым на ходу размахивал, вся его фигура, острый прищуренный взгляд невольно заставляли подумать о том, сколько же всевозможных недугов исцелил он на своем веку.

- А, моя юная пациентка! - сказал сэр Уильям, входя. - Рад случаю осмотреть вас.
- Да, мне хотелось бы посоветоваться с вами относительно дочери, сэр Уильям. Садитесь, прошу вас, в это кресло.
- Благодарю вас, я лучше сяду здесь, - ответил он, опускаясь на козетку рядом с леди Идой. - Вид у нас сегодня гораздо лучше, не такой анемичный, и пульс полнее. На лице румянец, но не от лихорадки.
- Я себя лучше чувствую, сэр Уильям.
- Но в боку у нее еще побаливает.
- В боку? Гм... - Он постучал пальцем под ключицей, поднес к уху трубку стетоскопа и, наклонившись к девушке, пробормотал: - Да, пока еще вяловато дыхание... и легкие хрипы.
- Вы говорили, что хорошо бы переменить обстановку, доктор.
- Конечно, конечно, разумная перемена может быть полезной.
- Вы говорили, что желателен сухой климат. Я хочу в точности исполнить ваши предписания.
- Вы всегда были образцовыми пациентами.
- Мы стараемся ими быть, доктор. Так вы говорили о сухом климате.
- Правда? Я видимо, запомнил подробности нашего разговора. Однако сухой климат вполне показан.
- И куда именно поехать?

- Видите ли, я лично считаю, что больному должна быть предоставлена известная свобода. Я обычно не настаиваю на очень строгом режиме. Всегда есть возможность выбрать: Энгадин, Центральная Европа, Египет, Алжир - куда угодно.

- Я слышала, что и Танжер рекомендуют.

- Конечно, климат там очень сухой.

- Ида, ты слышишь? Сэр Уильям считает, что ты должна ехать в Танжер.

- Или в любое другое...

- Нет, нет, сэр Уильям! Мы чувствуем себя спокойно, только когда подчиняемся вашим предписаниям. Вы сказали Танжер? Ну, что же, попробуем Танжер.

- Право же, леди Чарльз, ваше безграничное доверие мне весьма льстит. Не знаю, кто бы еще с такой готовностью пожертвовал своими желаниями и планами.

- Сэр Уильям, вы опытный врач. Это нам хорошо известно. Ида поедет в Танжер. Я уверена, это принесет ей пользу.

- Не сомневаюсь.

- Но вы знаете лорда Чарльза. Он подчас берется судить о болезнях с такой же легкостью, как если бы речь шла о решении государственного дела. Я рассчитываю на то, что вы проявите с ним твердость.

- Пока лорд Чарльз оказывает мне честь и считается с моими советами, я убежден, он не поставит меня в ложное положение, отвергнув это предписание.

Баронет поиграл цепочкой от пенсне и сделал рукой протестующий жест.

- Нет, нет, но вам следует быть особенно настойчивым в отношении Танжера.

- Если я пришел к убеждению, что для моей молодой пациентки наилучшее место - Танжер, я, разумеется, не намерен его менять.

- Конечно.

- Я поговорю с лордом Чарльзом сейчас же, как только поднимусь наверх.

- Умоляю вас.

- А пока пусть она продолжает назначенный курс лечения. Я уверен, что жаркий воздух Африки через несколько месяцев полностью восстановит ее энергию и здоровье.

С этими словами он отвесил учтивый, несколько старомодный поклон, который играл немаловажную роль в его усилиях сколачивать десятитысячный годовой доход, и мягкой походкой человека, привыкшего проводить большую часть времени у постели больных, пошел за лакеем наверх.

Как только над дверью задернулись красные бархатные портьеры, леди Ида обвила руками шею матери и нежно прильнула головой к ее груди.

- Ах, мамочка, ты настоящий дипломат!

Но выражение лица леди Чарльз напоминало выражение лица генерала, только что заведшего первый дымок пушечной пальбы, а не человека, одержавшего победу.

- Все образуется, дорогая, - сказала она, с нежностью глядя на пышные желтые пряди волос и маленькое ушко дочери. - Впереди еще много хлопот, но я думаю, что уже можно рискнуть заказать trousseau.

- Ты у меня такая бесстрашная!

- Свадьба, конечно, будет тихой и скромной. Артур должен сейчас же получить разрешение на брак. Вообще-то я не одобряю поспешные браки, но, когда джентльмен отправляется на выполнение дипломатической миссии, это объяснимо. Мы можем пригласить леди Хильду Иджоум и Треверсов, а также супругов Гревилл. Я убеждена, что премьер-министр не откажется быть шафером.

- А папа?

- Ну, конечно, он тоже будет, если почувствует себя лучше. Дождемся, пока уедет сэр Уильям. А пока я напишу записку лорду Артуру.

Через полчаса, когда стол был уже усеян письмами, написанными мелким смелым почерком леди Чарльз, хлопнула входная дверь, и с улицы донесся скрип колес отъезжающего экипажа доктора. Леди Чарльз отложила в сторону перо, поцеловала дочь и направилась в комнату больного. Министр иностранных дел лежал, откинувшись на спинку кресла, лоб его был повязан красным шелковым шарфом, а ступня, похожая на огромную луковицу - она была обмотана ватой и забинтована, - покоилась на подставке.

- Мне кажется, пора растереть ногу, - сказала леди Чарльз, взбалтывая содержимое синего флакона замысловатой формы. - Положить немного мази?

- Несносный палец! - простонал больной. - Сэр Уильям и слышать не желает о том, чтобы разрешить мне встать. Упрямый осел! Он явно ошибся в выборе профессии, я мог бы предложить ему отличный пост в Константинополе. Там как раз ослов не хватает.

- Бедный сэр Уильям! - рассмеялась леди Чарльз. - Чем это он умудрился так рассердить тебя?

- Такое упорство, такая категоричность!

- По поводу чего?

- Представь, он категорически утверждает, что Ида должна ехать в Танжер. Декрет подписан и обсуждению не подлежит.

- Да, он говорил что-то в этом роде перед тем, как подняться к тебе.

- Вот как?

Он медленно окинул жену любопытным взглядом. Лицо леди Чарльз выражало полнейшую невинность, восхитительное простодушие, какое появляется у женщины всякий раз, когда она пускается на обман.

- Он послушал ее, Чарльз. Ничего не сказал, но лицо его стало мрачно.

- Совсем как у совы, - вставил министр.

- Ах, Чарльз, тут уж не до смеха. Он сказал, что нашей дочери необходима перемена. И я убеждена, что сказал он далеко не все, что думает. Он толковал еще что-то о вялости тонов, о хрипах, о пользе африканского воздуха. Потом мы заговорили о курортах, где преобладает сухой климат, и он сказал, что лучше Танжера ничего нет. По его мнению, несколько месяцев, проведенных там, принесут Иде большую пользу.

- И это все?

- Все.

Лорд Чарльз пожал плечами с видом человека, которого еще не вполне убедили.

- Но, конечно, - кротко продолжала леди Чарльз, - если ты считаешь, что Иде незачем туда ехать, она не поедет. Я только одного боюсь, если ей станет хуже, трудно будет сразу что-нибудь предпринять. В такого рода заболеваниях перемены происходят мгновенно. Очевидно, сэр Уильям считает, что именно сейчас наступил критический момент. Но слепо подчиняться сэру Уильяму все-таки нет резона. Правда, таким образом, ты берешь всю ответственность на себя. Я умоваю руки. Так что потом...

- Моя дорогая Клара, зачем пророчить дурное?

- Ах, Чарльз, я не пророчу. Но вспомни, что случилось с единственной дочерью лорда Беллами. Ей было столько же лет, сколько Иде. Как раз тот случай, когда пренебрегли советом сэра Уильяма.

- Я и не думаю пренебрегать.

- Нет, нет, конечно, нет, я слишком хорошо знаю твой здравый смысл и твое доброе сердце. Ты очень мудро взвесил все "за" и "против". Мы, бедные женщины, лишены этой способности. У

нас чувства преобладают над разумом. Я это не раз слышала от тебя. Нас увлекает то одно, то другое, но и вы, мужчины, упрямы и потому всегда берете над нами верх. Я так рада, что ты согласился на Танжер.

- Согласился?

- Но ты же сказал, что не думаешь пренебрегать советом сэра Уильяма.

- Допустим, Клара, что Ида должна ехать в Танжер, но, надеюсь, ты понимаешь, что я-то не в состоянии ее сопровождать.

- Решительно не в состоянии.

- А ты?

- Пока ты болен, мое место подле тебя.

- Тогда, может быть, твоя сестра?

- Она едет во Флориду.

- Что ты думаешь о леди Дамбарт?

- Она ухаживает за своим отцом. О ней не может быть и речи.

- В таком случае кто поедет с Идой? Ведь сейчас начинается летний сезон. Вот видишь, сама судьба против сэра Уильяма.

Его жена облокотилась о спинку большого красного кресла и, нагнувшись так, что губы ее почти касались уха государственного мужа, погладила пальцами его седеющие локоны.

- Остается лорд Артур Сибторн, - вкрадчиво произнесла она.

Лорд Чарльз подскочил в кресле. С губ его сорвались слова, которые нередко были в обиходе министров кабинета лорда Мелбурна. В наше время их уже не услышишь.

- Клара, ты сошла с ума! Кто мог тебя надоумить?

- Премьер-министр!

- Премьер-министр?

- Именно, дорогой. Ну-ну, будь умницей. Может быть, мне лучше не продолжать?

- Нет уж, говори. Ты зашла слишком далеко, чтобы отступить.

- Премьер-министр сказал мне, что лорд Артур едет в Танжер.

- Да, это так. Я как-то упустил это из виду.

- А потом пришел сэр Уильям и стал Иде советовать Танжер. Ах, Чарльз, это нечто большее, чем простое совпадение!

- Не сомневаюсь, что это нечто большее, чем простое совпадение, произнес лорд Чарльз, окинув ее подозрительным взглядом. - Ты очень умная женщина, Клара. Прирожденный организатор и дипломат.

Леди Чарльз пропустила комплимент мимо ушей.

- Подумай о нашей молодости, Чарли, - прошептала она, продолжая играть прядями его волос.

- Чем ты был сам в те времена? Ты и послом в Танжере не был. И состояния никакого. Но я любила тебя и верила в тебя, и разве я об этом пожалела? Ида любит лорда Артура и верит в него, возможно, и она об этом никогда не пожалеет.

Лорд Чарльз молчал. Взгляд его был устремлен за окно, где качались зеленые ветви деревьев. Но мысли его унеслись на тридцать лет назад. Он видел загородный домик в графстве Девоншир: вот он шагает мимо старых изгородей из тиса рядом с тоненькой девушкой и с волнением рассказывает ей о своих надеждах, опасениях, о своих честолобивых планах. Он взял белую, изящную руку жены и прижал ее к губам.

- Ты всегда была прекрасной женой, Клара, - сказал он.

Она не ответила. Не сделала никакой попытки еще более укрепить свои позиции. Менее опытный генерал, возможно, попытался бы и, разумеется, все бы погубил. Она стояла молчаливая и покорная, следя за игрой мысли, которая отражалась в его глазах и на губах. Когда он взглянул на нее, в глазах его сверкнул огонек, а губы тронула усмешка.

- Клара, - сказал он, - можешь не признаваться, но я убежден, что ты уже заказала trousseau.

Она ущипнула его за ухо.

- Оно ждет твоего одобрения.

- И написала письмо архиепископу.

- Еще не отправила.

- Послала записку лорду Артуру.

- Как ты догадался?

- Он уже внизу.

- Нет еще, но мне кажется, это его карета подъезжает к дому.

Лорд Чарльз откинулся в кресле и бросил на нее взгляд, выражающий комическое отчаяние.

- Кто может бороться с такой женщиной? Ах, если бы я только мог послать тебя к Новикову! Ни один из моих сотрудников не годится для этого. Но, Клара, я не в состоянии их принять.

- Даже для благословения?

- Нет, нет.

- А они так были бы счастливы!

- Я не люблю семейных сцен.

- Тогда я передам им твое благословение.

- И умоляю, не говори со мной обо всем этом по крайней мере сегодня. Эта история выбила меня из колеи.

- Ах, Чарли, ты такой сильный!

- Ты обошла меня с флангов, Клара. Великолепно сделано. Поздравляю тебя.

- Ты ведь знаешь, - прошептала она, целуя его, - вот уже тридцать лет я учусь у такого умного дипломата.

Перед камином

Доктора в массе слишком занятой народ, чтобы заниматься собиранием материала по части всевозможных исключительных положений и необыкновенных трагических происшествий, с которыми, вследствие исключительного характера их профессиональной деятельности, им так часто приходится иметь дело. Именно этим объясняется тот странный факт, что человек, лучше всего использовавший этот материал в нашей литературе, был юристом по профессии. Действительно, бессонные ночи, проводимые у изголовья умирающих или рожениц, в такой же мере ослабляют способность человека правильно оценивать явления и факты повседневной деятельности, как постоянное употребление крепких напитков притупляет чувство вкуса. Постоянно подвергаемые испытанию нервы не так уж полно реагируют на явления внешнего мира. Попросите любого доктора рассказать вам самые интересные случаи из его практики, и он или ответит вам, что в его практике почти не было сколько-нибудь интересных больных, или ударится в технические подробности. Но если вам удастся как-нибудь вечером застать того же самого доктора в непринужденной беседе перед пылающим камином со своими товарищами врачами, и если ловким намеком или вопросом вам удастся заставить его разговориться, тогда почти наверняка вы узнаете много интересных вещей, много новых фактов, только что сорванных с древа жизни.

Только что кончился очередной обед одного из отделений Британского Медицинского

Общества. Густое облако дыма, вздымавшееся к высокому, покрытому позолотой потолку, и целые шеренги пустых стаканов и чашек на обеденном столе ясно свидетельствовали о том, что собрание было оживленным. Но большинство гостей уже разошлись по домам, и вешалка в коридоре отеля опустела. Только трое докторов остались еще в зале, сгруппировавшись у камина и продолжая, очевидно, начатый ранее разговор; четвертым был молодой человек, в первый раз участвовавший в подобном сборище и не бывший врачом по профессии. Он сидел за столом спиной к разговаривающим и, прикрываясь переплетом открытого журнала, что-то быстро записывал; время от времени, когда разговор грозил оборваться, он самым невинным голосом задавал какой-нибудь вопрос, и разговор возобновлялся с новым оживлением.

Все три доктора были люди того солидного среднего возраста, который так рано начинается и так долго длится у людей их профессии. Ни один из них не был знаменит, но все пользовались хорошей репутацией и были типичными представителями своей специальности. Тучный господин с величественными манерами и белым пятном от ожога купоросом на щеке был Чарли Мэнсон, директор Уормлейского дома умалишенных и автор знаменитой монографии "О нервных заболеваниях холостых мужчин". С тех пор, как один больной чуть не перервал ему горло осколком стекла, он стал носить невероятно высокие воротнички. Второй - с красноватым лицом и веселыми темными глазами, был известный специалист по внутренним болезням, практиковавший в самом бедном квартале города и со своими тремя ассистентами и пятью лошадьми зарабатывавший две с половиной тысячи фунтов в год, взимая по полкроны за посещение на дому и по шиллингу за совет. Он работал чуть не по двадцать четыре часа в сутки, и если две трети больных ничего не платили ему, то зато его никогда не покидала надежда, что в один прекрасный день судьба пошлет ему вознаграждение в лице какого-нибудь миллионера, страдающего хронической болезнью. Третий, сидевший справа, положив ноги на решетку камина, был Хоргрэв, начинающий приобретать известность хирург. Его лицу не было свойственно гуманное выражение лица Теодора Фостера, но зато оно дышало решимостью и энергией, а это всегда импонирует больным, положение которых настолько серьезно, что все надежды им приходилось возлагать на хирурга. Несмотря на свою молодость и скромность, они обладали достаточно смелостью, чтобы браться за самые серьезные операции, и достаточным искусством, чтобы успешно совершать их.

- Всегда, всегда, - пробормотал Теодор Фостер в ответ на какое-то замечание молодого человека. - Уверяю вас, Мэнсон, что мне в моей практике постоянно приходится встречаться со всевозможными случаями временного помешательства.

- И конечно, чаще всего во время родов! - проронил тот, сбрасывая пепел с сигары. - Но вы, вероятно, Фостер, имели в виду какой-нибудь определенный случай?

- Да, всего на прошлой неделе мне пришлось быть свидетелем совсем необыкновенного случая. Я был заблаговременно приглашен к одним супругам по фамилии Сильво. Когда настало время родов, я поехал к ним сам, так как они не хотели и слышать об ассистенте. Муж, полисмен по профессии, сидел на кровати рядом с изголовьем жены. "Это не годится", - сказал я. "Нет, доктор, я не уйду", - сказал он. "Но я не могу допустить этого, - сказал я, обращаясь к больной, - он должен уйти". - "Я не хочу, чтобы он уходил", ответила она. Кончилось тем, что он дал слово сидеть смирно, и я позволил ему остаться. И вот, он просидел на кровати целых восемь часов подряд. Она очень хорошо переносила боли, но по временам он глухо стонал; я заметил, что его правая рука все время была под простыней, причем, по всей вероятности он держал ее левую руку в своей руке. Когда все кончилось, я взглянул на него: его лицо было такого цвета, как пепел этой сигары, а голова его упала на подушку. Я, разумеется, подумал, что ему сделалось дурно вследствие перенесенных волнений, и в душе обругал себя дураком за то, что позволил ему остаться. Но, взглянув на простыню, я увидел, что в том месте, где лежала его рука, она была вся в крови. Я отдернул простыню и увидел, что кисть его руки почти перерезана пополам. Оказалось, что его правая рука была скована ручными кандалами с левой рукой его жены, которая, когда у нее начинались боли, изо всей силы дергала его за руку, так что железо врезалось в кость его руки. "Да, доктор, - сказала она, заметив, что я поражен этим фактом, он захотел разделить мои страдания".

- Не находите ли вы, что акушерство - самая неприятная отрасль нашей профессии? - спросил Фостер после паузы.

- Мой дорогой друг, именно нежелание быть акушером и заставило меня сделаться психиатром.

- Да, многие поступают подобно вам. Когда я был студентом, я был очень застенчивым юношей и знаю, что это значит.

- Действительно, застенчивость - серьезное препятствие для начинающего врача, - сказал

психиатр.

- Совершенно верно; а между тем многие не понимают этого. Возьмите какого-нибудь бедного, неопытного молодого врача, который только что начинает практиковать в незнакомом городе. Может быть, до сих пор ему не приходилось говорить с женщинами ни о чем, кроме лаун-тенниса и церковной службы. Когда молодой человек застенчив, он застенчивее всякой девушки. И вот к нему является какая-нибудь встревоженная маменька и начинает советоваться о самых интимных семейных делах... - "Никогда больше не пойду к этому доктору, - думает она, возвращаясь домой. - Это такой черствый и несимпатичный молодой человек!" Несимпатичный! Бедный малый просто был сконфужен до того, что почти потерял способность речи. Я знал молодых врачей, до того застенчивых, что на улице они не решались спросить дорогу у незнакомого. Представьте себе, что должен испытать чувствительный человек, прежде чем он свыкнется со своей профессией. Кроме того, застенчивость так легко передается другим, что если доктор не будет носить маску бесстрастия на своем лице, то все большие разбегутся от него. Поэтому-то доктора стараются усвоить себе холодное бесстрастное выражение лица, которое попутно, может быть, создает им репутацию холодных, бесчувственных людей. Я думаю, что вряд ли что может подействовать на ваши нервы, Мэнсон.

- Знаете, когда человеку долгие годы приходится иметь дело с сумасшедшими, среди которых есть немалое количество убийц, его нервы или становятся крепкими, как веревки, или окончательно расшатываются. Мои нервы пока в превосходном состоянии.

- Один раз я серьезно испугался, - сказал хирург. - Однажды ночью меня пригласили к одним очень бедным людям; из немногих слов я понял, что у них болен ребенок. Когда я вошел к ним в комнату, я увидел в углу маленькую люльку. Взяв в руки лампу, я подошел к люльке и, откинув занавески, посмотрел на ребенка. Уверю вас, что это было сущее счастье, что я не уронил лампу и не спалил весь дом. Когда лампа осветила люльку, голова ребенка, лежавшая на подушке, повернулась ко мне и я увидел лицо, на котором было выражение такой злобы и ненависти, что даже в кошмаре мне никогда не снилось подобного. На его щеках были красные пятна, а в мутных глазах страшная ненависть ко мне и ко всему существующему. Я никогда не забуду, как я вздрогнул, когда вместо полненького личика ребенка я увидел в люльке эту страшную физиономию. Я увел мать в соседнюю комнату и спросил у нее, кто это. "Шестнадцатилетняя девушка, - сказала она и затем, ломая руки, прибавила: - О, если бы Бог прибрал ее!" У этой несчастной, несмотря на то, что она провела в этой маленькой люльке всю свою жизнь, были длинные тонкие члены, которые она поджимала под себя. Я потерял ее из вида и не знаю, что сделалось с нею, но я никогда не забуду ее взгляда.

- Да, такие случаи бывают, - сказал доктор Фостер. - Нечто подобное произошло раз и со мной. Вскоре после того, как я прибил дощечку со своей фамилией у подъезда, ко мне явилась маленькая горбатая женщина, которая просила меня приехать к ее больной сестре. Когда я подъехал к их дому, имевшему весьма жалкий вид, меня встретили в гостиной две другие горбатые женщины, совершенно похожие на первую. Ни одна из них не сказала ни слова, а та, которая привезла меня, взяла лампу и пошла вверх; за нею шли ее сестры, а позади всех я. Я как сейчас вижу три страшные тени, которые отбрасывали на стену колеблющийся свет лампы в то время, как мы подымались вверх. В комнате, в которую мы вошли, лежала на кровати четвертая сестра, девушка замечательной красоты, очевидно, нуждавшаяся в помощи акушера. На ее руке не было никаких признаков обручального кольца. Ее сестры уселись по стенам комнаты и просидели всю ночь, точно каменные изваяния, не проронив ни одного слова. Я ничего не прибавляю, Харгрэв, дело происходило именно так, как я рассказываю. Рано утром разразилась страшная гроза. Маленькая комнатка то и дело озарялась блеском молний, а гром гремел с такою силою, точно каждый удар его разражался над самой крышей. Мне почти не приходилось пользоваться светом лампы и, признаюсь, мне становилось жутко, когда вспышка молнии освещала эти три неподвижные фигуры, молчаливо сидевшие по стенам, или когда стоны моей пациентки заглушались страшными раскатами грома. Ей-богу, минутами я был готов бросить все и бежать без оглядки. В конце концов роды кончились благополучно, но мне так и не пришлось узнать историю несчастной красавицы и ее трех горбатых сестер.

- Самое скверное в этих медицинских рассказах это то, что у них никогда не бывает конца, - со вздохом сказал молодой человек.

- Знаете, когда человек буквально завален работой, тогда у него нет времени для удовлетворения своего любопытства. Все эти мимолетные встречи так скоро забываются. Но мне всегда казалось, Мэнсон, что вам, как психиатру, приходится видеть также немало ужасов?

- О, еще больше, - со вздохом сказал психиатр. - Болезнь тела довольно скверная вещь, но еще хуже болезнь духа. Подумайте только о том, что самое ничтожное изменение в строении мозга, положим, давление какой-нибудь частички внутренней поверхности черепа на поверхность мозга, может превратить самого благородного, самого чистого человека в презренную, грязную тварь с самыми низменными инстинктами. Мне кажется, что одна мысль о возможности такого превращения может бросить мыслящего человека в объятия грубого материализма. Какой жестокой сатирой на бедное, самодовольное человечество являются сумасшедшие дома!

- Верьте и надейтесь, - пробормотал Фостер.

- У меня нет веры, еще меньше надежды, но я считаю священным долгом врача бороться со страданиями человечества, - сказал хирург. - Когда теология будет считаться с данными, добытыми наукой, тогда я возьмусь за ее изучение.

- Но вы, кажется, хотели рассказать нам какой-то интересный случай из своей практики, - сказал молодой человек, наполняя чернилами стенографическое перо.

- Возьмем, например, общий паралич, весьма распространенную болезнь, уносящую ежегодно тысячи жертв, - начал психиатр. - Она развивается скачками, абсолютно неизлечима и грозит сделаться настоящим бичом для населения. В прошлый понедельник мне пришлось иметь дело с типичным случаем этой болезни. Один молодой фермер, великолепный парень, с некоторых пор стал удивлять своих друзей необыкновенно розовым взглядом на вещи, в то самое время, когда отовсюду слышались жалобы на неурожай. Он решил перестать сеять пшеницу, так как это давало слишком небольшой доход, засадить две тысячи акров земли рододендронами и выхлопотать монополию на поставку их в Ковент-Гарден. Словом, не было конца его проектам; все они были довольно остроумны и лишь немного поражали своим чрезмерным оптимизмом. Мне пришлось побывать на его ферме не в качестве врача, а совсем по другому делу. Что-то в его манерах и разговоре поразило меня, и я стал внимательнее присматриваться к нему. По временам его губы дрожали, а речь его путалась; то же было с ним, когда ему пришлось подписать какое-то маленькое условие. Более внимательное наблюдение привело меня к открытию, что один зрачок у него был шире другого. Когда я уходил, его жена проводила меня до дверей. "Не правда ли, доктор, - сказала она, - что Джеб очень хорошо выглядит? Он такой живой и энергичный, что ни одной минуты не может посидеть спокойно".

У меня не хватило духа сказать ей правду, тем не менее я знал, что парню так же трудно избежать смерти, как преступнику, сидящему в Ньюгетской тюрьме. Это был типичный случай начинающегося общего паралича.

- Господи, помилуй! - воскликнул молодой человек. - У меня также часто трясутся губы, и я также иногда путаю слова. Неужели и мне грозит паралич?

Все три доктора расхохотались.

- Такая мнительность - обыкновенный результат поверхностного знакомства с медициной.

- Один знаменитый врач сказал, что каждый студент медик в течение первого учебного года умирает от четырех болезней, - заметил хирург. Первая из них, конечно, болезнь сердца, вторая - рак околоушной железы. Я забыл две другие.

- Куда открывается околоушная железа?

- Она открывается в рот у последнего зуба мудрости.

- Что же, в конце концов, должно было сделаться с этим молодым фермером? - спросил молодой человек.

- Паралич всех мускулов, спячка и смерть. Болезнь эта обыкновенно длится несколько месяцев, иногда же год или два. Так как он был крепкий, здоровый юноша, то должен был долго мучиться. Кстати, - сказал психиатр, - я никогда не рассказывал вам о том, как я выдал в первый раз свидетельство и как чуть не влип через это в прескверную историю?

- Нет, не рассказывали.

- В то время я еще занимался частной практикой. Однажды утром ко мне пришла некая миссис Купер и заявила мне, что ее муж с некоторых пор начал обнаруживать признаки помешательства. Оно заключалось в том, что он стал воображать себя военным, стяжавшим на

войне большую славу. На самом же деле он был адвокатом и никогда не покидал пределов Англии. Миссис Купер была того мнения, что если я приеду к ним на дом, то это может встревожить его, почему мы и условились, что она под каким-нибудь предлогом пришлет его вечером ко мне, что даст мне случай поговорить с ним и убедиться в его ненормальности. Другой доктор уже дал свою подпись, так что нужно было только мое содействие, чтобы упрятать его в сумасшедший дом. Действительно, в тот же вечер, на полчаса раньше назначенного времени, мистер Купер явился ко мне и стал советоваться со мною относительно некоторых болезненных симптомов, которые его беспокоили. По его словам, он только что вернулся из Абиссинской экспедиции и был одним из первых, вступивших в Магдалу. Никаких других признаков безумия я у него не заметил, но упорство, с которым он, будучи юристом по профессии, говорил о своих военных подвигах, было для меня настолько явным доказательством его ненормальности, что я, не задумываясь, написал свидетельство. Когда после этого пришла ко мне его жена, я задал ей несколько вопросов, для того, чтобы окончательно оформить бумагу. "Сколько лет вашему мужу?" - спросил я. "Пятьдесят", - ответила она. - "Пятьдесят! воскликнул я. - Но ведь господину, который был у меня, никак не может быть больше тридцати!" И тут-то совершенно неожиданно обнаружилось, что ее муж совсем не был у меня и что по удивительному совпадению обстоятельств господин, обращавшийся ко мне, и бывший действительно выдающимся артиллерийским офицером, носил одну фамилию с ее мужем. А я уже чуть было не подписал свидетельство, - сказал доктор Мэнсон, вытирая лоб носовым платком.

- Мы только что говорили о нервах, - заметил хирург. - Я вам расскажу такой случай. Как вам вероятно известно, я после выхода из университета служил некоторое время на флагманском судне, крейсировавшем у берегов западной Африки. На одной из наших канонерских лодок, ушедшей в плавание вверх по Калабару, умер от береговой лихорадки судовой врач. В тот же самый день один матрос сломал себе ногу, и так как на месте перелома образовалась гангрена, то для спасения его жизни было необходимо отнять ему ногу выше колена. Молодой лейтенант, командовавший судном, порывшись в вещах доктора, отыскал между ними склянку с хлороформом, большой хирургический нож и том анатомии Грэя. Велел боцману положить раненого матроса на стол в своей каюте и поставив перед собой диаграмму, изображавшую поперечное сечение бедра, лейтенант принялся за работу. Боцман с перевязочным материалом стоял возле. Перерезав артерию, лейтенант, с помощью боцмана, перевязал ее и продолжал резать дальше. Таким образом, с помощью боцмана он удачно ампутировал у матроса ногу и тем спас несчастному жизнь. Этого матроса сейчас можно встретить в Портсмутской гавани.

- А представьте себе положение врача на такой изолированной канонерской лодке, когда он сам заболевает? - продолжал хирург после паузы. - Вы, может быть, скажете, что он сам может прописывать себе лекарства, но куда тут! Эта проклятая лихорадка до того изнуряет больного, что он не в силах поднять руки, чтобы отогнать москитов. Мне пришлось испытать это на самом себе в Лагосе, и я знаю, что это такое. А с одним моим товарищем произошла такого рода история. Он уже несколько дней лежал в лихорадке, и команда потеряла всякую надежду на его выздоровление. Так как на борту этого судна еще ни разу не было похорон, то было решено устроить репетицию. Думали, что товарищ лежит без сознания, но он уверяет, что слышал каждое слово. "Тело наверх! раздалась команда боцмана. - Слушай, на караул!" Товарищ и негодовал, и смеялся в одно и то же время, и дал себе слово, что его тело никогда не понесут наверх. И он, действительно, сдержал его.

- Вообще самая богатая фантазия не в состоянии создать таких необычайных положений, какие нередко приходится наблюдать врачу, - заметил Фостер. - И мне всегда казалось, что на одном из наших собраний можно было бы сделать интересное сообщение по поводу отношения беллетристики к медицине.

- Что вы хотите этим сказать?

- Я имею в виду те болезни, от которых чаще всего умирают герои романов. Некоторые болезни являются излюбленными для авторов, о других же, не менее распространенных, никогда не упоминается. Тиф, например, встречается очень часто; скарлатина - никогда. Болезнь сердца в большом ходу, но ведь мы знаем, что болезнь сердца всегда бывает следствием какой-нибудь другой болезни, между тем тщетно стали бы мы искать в романе какого-нибудь упоминания об этой предшествовавшей болезни. Затем возьмем таинственную болезнь, именуемую нервной горячкой, обыкновенно поражающую героиню после какого-нибудь нервного потрясения; медицине эта болезнь совершенно неизвестна. Опять-таки, если действующее лицо романа испытало какое-нибудь сильное волнение, с ним обязательно делается нервный припадок. Между тем, несмотря на свой довольно большой опыт, я никогда не видел ничего подобного в действительности. Легкие болезни, вроде лишаея, воспаления миндалевидных желез или свинки, в романах никогда не встречаются. Затем замечателен

также факт, что все болезни, о которых трактуют романисты, сосредоточиваются в верхней части туловища; ни один из них в своих описаниях не решился спуститься ниже пояса.

- Вот что я скажу вам, Фостер, - произнес психиатр. - Есть целая область жизни, слишком тесно соприкасающаяся с медициной, чтобы заинтересовать широкую публику, и слишком романтическая для профессиональных журналов; но тем не менее она дает богатый материал для изучения человеческой натуры. Конечно, она дает мало пищи для смеха, но то, что Провидение считает возможным вызвать к жизни, не может быть недостойным нашего изучения и исследования. Я имею в виду те, ничем не объяснимые взрывы самых диких животных страстей в жизни самых нравственных мужчин и те минуты ничем не объяснимой слабости в жизни самых милых женщин, которые обыкновенно бывают известны только заинтересованным лицам и остаются скрытыми от глаз света. Я имею также в виду странные явления, сопровождающие периоды возмужания и увядания организма, - явления, изучение которых могло бы пролить свет на те поступки, которые столько раз покрывали бесчестьем людей, пользовавшихся самой лучшей репутацией, и приводили в тюрьму лиц, несомненно нуждающихся не в наказании, а в рациональном лечении. Из всех бедствий, могущих постигнуть человека, я не знаю ни одного, которое могло бы привести к более трагическим последствиям.

- Несколько времени тому назад со мною был такого рода случай, - сказал хирург. - Одна красавица, известная всему Лондону (я не буду называть имени) имела обыкновение носить очень открытые платья. У нее была великолепная кожа и дивные плечи, так что это было вполне естественно. Но с некоторого времени стали замечать, что вырезы у нее на груди становятся все меньше и меньше, а в самое последнее время она, к всеобщему удивлению, стала носить совершенно закрытые платья.

Однажды совершенно неожиданно она появилась в моей приемной. "Ради Бога, доктор, помогите мне!" - воскликнула она, быстрым нервным движением расстегивая свою кофточку, как только лакей затворил за ней дверь. Ее грудь и шея были покрыты красноватой сыпью. Год за годом эта сыпь, начавшись у ее талии, поднималась все выше и выше и наконец стала угрожать ее лицу. Она была слишком горда, чтобы рассказать о своей болезни даже врачу.

- И удалось вам остановить ее распространение?

- Да, с помощью хлористого цинка, я сделал, что мог. Но эта сыпь всегда может появиться опять. Эта дама принадлежит к тем людям с нежной, розовой кожей, которые так легко делаются жертвою золотухи!

- Господи! Господи! - воскликнул Фостер, и в его глазах появилось то ласковое выражение, которое привлекло к нему столько сердец. - Я знаю, что не нам судить о неисповедимых путях Провидения, но временами все-таки приходит в голову, что слишком много страданий и зла на свете. Я расскажу вам сейчас о страданиях одной молодой влюбленной четы. Он был прекрасный молодой человек, атлет и джентльмен, но слишком усердно предавался атлетическим упражнениям, а вы знаете, что никакие излишества не проходят нам безнаказанно. В результате он заболел чахоткой и доктора отправили его в Давос. А она, по странному стечению обстоятельств, в то же самое время заболела ревматизмом, сильно ослабившим деятельность ее сердца. И вот представьте теперь себе их положение! Он жил в горах, она в долине. Когда он спускался ниже 4000 футов, симптомы его болезни достигали ужасающих размеров, когда же она поднималась выше 2500 футов, ей в свою очередь становилось нехорошо. Несколько раз они виделись на полдороге с гор в долину, но результаты этих свиданий были так плачевны, что доктора в конце концов запретили их. И вот в течение четырех лет они жили на расстоянии трех миль друг от друга, не имея возможности видиться. Каждое утро он шел на то место, откуда видна была дача, в которой жила она, и махал ей большим белым носовым платком, а она снизу отвечала ему тем же. Они могли видеть друг друга в большие полевые бинокли, но всякий другой способ общения друг с другом был им в такой же мере недоступен, как если бы они жили на разных планетах.

- И вероятно, в конце концов один из них умер? - сказал молодой человек.

- Нет, сэр. К сожалению, я не знаю их истории во всех подробностях, но он поправился и в настоящее время делает хорошие дела в качестве биржевого маклера, а она уже мать довольно многочисленного семейства. Но что вы там такое делаете?

- Записываю ваши слова.

Доктора расхохотались и поднялись со своих мест, намереваясь расходиться.

- Право, не стоило записывать нашу болтовню, - сказал Фостер. - Какой интерес может она

представлять для публики?

Фиаско в Лос Амигос

В свое время я держал большую практику в Лос Амигос. Всякий, конечно, слышал, что там есть крупная электрическая станция. Город и сам раскинулся широко, а вокруг него еще с десяток поселков и деревень, и все подключены к одной системе, так что электростанция работала на полную мощность. Жители Лос Амигос утверждали, что они самые высокие люди на земле, да и вообще, все в городе было "самое высокое", кроме преступности и смертности. Преступность же и смертность, как говорили, были самыми низкими.

Поскольку электричества вырабатывалось вдоволь, то было просто грешно расходовать пеньку и позволять местным преступникам умирать старомодным способом. А тут как раз появились сообщения, что восточные штаты уже применяют казнь на электрическом стуле, хотя смерть преступника не наступала мгновенно, как рассчитывали. Инженеры в Лос Амигос читали эти сообщения и в недоумении поднимали брови: как вообще может последовать смерть от такого слабого тока? Они поклялись, что, попадись им преступник, они обойдутся с ним наилучшим образом и включат все динамо-машины, какие есть в их распоряжении. Стыдно экономить на людях, замечали они. Никто не мог с точностью сказать, каков будет результат, если включить все динамо-машины, ясно было одно: потрясающий и абсолютно смертельный. Они так начинают преступника электричеством, как никого еще никогда не начинали. В него словно ударят десять молний сразу. Одни предсказывали сгорание, другие полный распад тканей и дематериализацию. И все жадно ждали, когда подвернется случай опытным путем уладить споры. А тут как раз и подвернулся Дункан Уорнер.

Вот уже много лет, как Уорнер был позарез нужен полиции, и никому больше. Сорвиголова, убийца, налетчик на поезда, грабитель с большой дороги, он был, конечно, недостоин решительно никакого сострадания. Он заслужил смерть раз десять, не меньше, и жители Лос Амигос скрепя сердце решили: ладно, пусть уж этот негодяй умрет такой замечательной смертью. Он, видно, почувствовал себя недостойным такой чести и предпринял две отчаянные попытки бежать. Это был высокий, крепкий человек с львиной головой, покрытой черными спутанными кудрями, и окладистой бородой, спадавшей на широкую грудь. В переполненном зале суда не было другой такой красивой головы, как у него. Впрочем, что за новость, порой самое привлекательное лицо смотрит на тебя именно со скамьи подсудимых. Увы, благородная внешность Уорнера не уравнивала его дурных поступков! Защитник старался, как мог, однако обстоятельства дела были настолько очевидны, что Дункан Уорнер был отдан на милость мощных динамо-машин Лос Амигос.

Я присутствовал на совещании комитета, когда обсуждалось это дело. Городской совет назначил четырех экспертов, которые должны были подготовить казнь. Трое из них были подходящими кандидатурами: Джозеф Мак-Коннор, тот самый, что проектировал динамо-машины, Джошуа Уэстмейкот, председатель "Лос Амигос Электрикл Сэплай компани, лимитед", и я как главный врач. Четвертым был старый немец по имени Петер Штульпнагель. В городе живет много немцев, и все они, естественно, голосовали за своего. Таким образом он и оказался в комитете. Утверждали, что у себя на родине он слыл большим знатоком электричества, да и сейчас он постоянно возился с проводами, изоляторами и лейденскими банками, но поскольку дальше этого он не продвинулся и не получил никаких результатов, заслуживающих публикации, то вскорости на него стали смотреть как на безобидного чудака, влюбленного в электричество. Мы, трое, лишь усмехнулись, когда узнали, что он избран нашим коллегой, и, совещаясь на заседании комитета, не обращали никакого внимания на старика. Он сидел, приставив ладонь к уху, потому что был глуховат, и принимал такое же участие в обсуждении, как и джентльмены из прессы, которые торопливо записывали что-то в своих блокнотах, примостившись на задних скамейках.

Дело это не отняло у нас много времени. В Нью-Йорке пустили ток напряжением две тысячи вольт, но смерть наступила не сразу. Очевидно, напряжение оказалось недостаточным. Лос Амигос не повторит их ошибки. Заряд должен быть в шесть раз больше, а потому, разумеется, в шесть раз эффективнее. Нет ничего логичнее. Мы пустим все динамо-машины.

На том мы втроем и порешили и уже поднялись, чтобы расходиться, как вдруг наш молчаливый коллега раскрыл рот.

- Джентльмены, - сказал он, - вы обнаруживаете поразительное невежество по части электричества. Вы, я вижу, не знаете, как воздействует электрический ток на человека.

Члены комитета хотели было дать уничтожающий ответ на это дерзкое замечание, но председатель электрической компании постукал себя по лбу, как бы призывая быть

снисходительным к выходкам этого чудака.

- Сэр, - иронически улыбнулся он, - может быть, вы сообщите, в чем ошибочность наших заключений?

- В том, что вы предполагаете, будто чем больше заряд электричества, тем он эффективнее. Не думается ли вам, что результат может быть прямо противоположным? Разве вы знаете по опыту, как действует ток высокого напряжения?

- Мы догадываемся об этом по аналогии, - произнес председатель напыщенно. - Если увеличить дозу какого-нибудь лекарства, оно действует сильнее. Возьмите, например... ну...

- Виски! - подсказал Джозеф Мак-Коннор.

- Вот именно! Виски. Разве не так?

Петер Штульпнагель улыбнулся и покачал головой.

- Ваш довод неубедителен, - сказал он. - Выпив одну рюмку, я приходил в возбуждение, после шести - валился спать, как видите, эффект прямо противоположный. А вдруг электричество действует так же, как виски? Что тогда?

Мы, трое практиков, расхохотались. Мы знали, что наш коллега со странностями, но нам и в голову не приходило, что до такой степени.

- Что тогда? - повторил Петер Штульпнагель.

- Мы все-таки попробуем, - ответил председатель.

- Прошу вас вспомнить вот что, - продолжал Петер. - Если коснуться провода с напряжением лишь в несколько сотен вольт, смерть наступает немедленно. Такие факты общеизвестны. В Нью-Йорке к электрическому стулу подводят гораздо большее напряжение, а преступник какое-то время еще жив. Разве вы не видите, что малый ток гораздо смертельнее?

- Джентльмены, я полагаю, что обсуждение затянулось, - сказал председатель, поднимаясь снова. - Вопрос, как я понимаю, уже решен большинством голосов комитета. Дункан Уорнер будет казнен во вторник на электрическом стуле мощным током от всех шести динамо-машин Лос Амигос. Нет возражений, джентльмены?

- Нет, - сказал Джозеф Мак-Коннор.

- Нет, - сказал я.

- Я против, - сказал Петер Штульпнагель.

- Предложение принято, ваше мнение будет своим порядком занесено в протокол, - подвел итог председатель и закрыл совещание.

Народу на казни присутствовало немного. Прежде всего, конечно, четыре члена комитета и палач, который должен был действовать по нашим указаниям. Кроме нас, присутствовали федеральный судебный исполнитель, начальник тюрьмы, священник и три журналиста. Происходило все в небольшом, выстроенном из кирпича подсобном помещении Центральной электрической станции. Когда-то это была прачечная, и у стены стояла печка и медный котел, никакой мебели, кроме стула для осужденного, не было. Перед стулом в ноги положили металлическую пластинку, от которой шел толстый изолированный провод. Другой провод свисал с потолка, он соединялся с металлическим стерженьком на шлеме, который должен быть надет на голову преступника. Когда этот провод и стержень соединят, Дункан умрет.

Стояла торжественная тишина: мы ждали появления осужденного. Побледневшие техники нервно возились с проводами. Даже выдавший виды судебный исполнитель чувствовал себя не в своей тарелке: одно дело вздернуть человека, но совсем другое - пропустить через живую плоть мощный электрический заряд. Что до журналистов, то лица у них были бледнее, чем бумага, на которой они собирались писать. Только на маленького чудака немца эти приготовления не производили никакого действия; улыбаясь и затаив в глазах злорадство, он подходил то к одному, то к другому, несколько раз даже громко рассмеялся, и суровый священник упрекнул его за неуместную веселость.

- Как можно до такой степени забыть, мистер Штульпнагель, чтобы шутить перед лицом смерти!

Но немец нисколько не смутился.

- Если бы я был перед лицом смерти, я бы не стал шутить, - отвечал он. - Но в том-то и дело, что я не перед лицом смерти и могу делать, что пожелаю.

Священник хотел было выговорить ему за этот дерзкий ответ, но тут дверь распахнулась и вошли два тюремщика, ведя Дункана Уорнера. Не дрогнув, он огляделся вокруг, решительно шагнул вперед и сел на стул.

- Включайте! - сказал он.

Было бы варварством заставлять его ждать. Священник пробормотал что-то у него над ухом, палач надел шлем на голову - все затаили дыхание - и включил ток.

- Черт побери! - закричал Дункан Уорнер, подпрыгнув на стуле, как будто его подбросила чья-то мощная рука.

Он был жив. Более того, глаза стали блестеть сильнее. Одно только изменилось в нем - что было совсем неожиданно: с его головы и бороды полностью сошла чернота, как сходит с луга тень от облака: они стали белые, точно снег. Никаких других признаков умирания. Кожа гладкая и чистая, как у ребенка.

Судебный исполнитель с упреком взглянул на членов комитета.

- Какая-то неисправность, джентльмены, - сказал он.

Мы трое переглянулись.

Петер Штульпнагель загадочно улыбнулся.

- Включим еще раз, - сказал я.

Снова включили ток, снова Дункан Уорнер подпрыгнул в кресле и закричал. Ей-ей, не знай мы, что на стуле Дункан Уорнер, мы бы решили, что это не он. В одно мгновение волосы у него на голове и на лице выпали. И пол вокруг стал, как в парикмахерской субботним вечером. Глаза его сияли, на щеках горел румянец, свидетельствующий об отличном самочувствии, хотя затылок был гол, как головка голландского сыра, и на подбородке тоже ни следа растительности. Он пошевелил плечом, сначала медленно и осторожно, потом все смелее.

- Этот сустав поставил в тупик половину докторов с Тихоокеанского побережья, - сказал он. - А теперь рука как новая, гибче ивового прутика.

- Вы ведь хорошо себя чувствуете? - спросил немец.

- Как никогда в жизни, - лучезарно ответил Дункан Уорнер.

Положение становилось тягостным. Судебный исполнитель метал в нас испепеляющие взгляды. Петер Штульпнагель усмехался и потирал руки. Техники почесывали в затылке. Полысевший заключенный удовлетворенно пробовал свою руку.

- Думаю, что еще один заряд... - начал было председатель.

- Нет, сэр, - возразил судебный исполнитель. - Подурачились и хватит. Мы обязаны привести приговор в исполнение, и мы это сделаем.

- Что вы предлагаете?

- Я вижу крюк в потолке. Сейчас достанем веревку, и дело с концом.

Снова потянулось томительное ожидание, пока тюремщики ходили за веревкой. Петер Штульпнагель нагнулся к Дункану Уорнеру и что-то прошептал ему на ухо. Сорвиголова удивленно восторженно встрепенулся:

- Не может быть!

Немец кивнул, подтверждая.

- Правда? И нет никакого способа?

Петер покачал головой, и оба расхохотались, словно услышали что-то необыкновенно

смешное.

Принесли наконец веревку, и судебный исполнитель собственноручно накинул петлю на шею преступнику. Потом он, палач и двое тюремщиков вздернули его в воздух. Половину часа проболтался несчастный под потолком зрелище, доложу, не из приятных. Затем торжественно и молча они опустили его на пол, и один из тюремщиков пошел сказать, чтобы принесли гроб. Представьте себе наше удивление, когда Дункан Уорнер вдруг поднял руки, ослабил петлю у себя на шее и сделал глубокий вздох.

- У Пола Джефферсона хорошо идет торговля сегодня. Сверху всю очередь видно, - сообщил он, кивнув на крюк в потолке.

- Вздернуть его еще раз! - загремел судебный исполнитель. - Мы все-таки вытряхнем сегодня из него душу.

Через секунду жертва снова болталась на крюке.

Они держали его там битый час. А когда спустили, он был бодр и весел в отличие от всех нас.

- Старик Планкет что-то зачастил в "Аркадию". Три раза за час сбежал, а ведь у него семья. Пора бы ему бросить пить.

Это было чудовищно, невероятно, но это было. И ничего нельзя было с этим поделать. Дункану Уорнеру давно полагалось умереть, а он разговаривал. Мы подошли поближе и с разинутыми ртами уставились на него, но судебный исполнитель был не из тех, кто легко сдается. Он жестом попросил отойти всех в сторону и остался с заключенным наедине.

- Дункан Уорнер, - начал он медленно. - У тебя своя игра, у меня своя. Ты хочешь любой ценой выжить, а я - привести приговор в исполнение. С электричеством нас постигла неудача. Один ноль в твою пользу. Тогда мы решили повесить тебя. Но и тут твоя взяла. И все-таки я исполню свой долг. На этот раз ты будешь побит.

Говоря это, он вынул из кармана шестизарядный револьвер и одну за другой всадил все шесть пуль в свою жертву. Помещение наполнилось дымом, но когда он рассеялся, мы увидели, что Дункан Уорнер с сожалением разглядывает свой пиджак.

- В твоих местах пиджаки, должно быть, гроши стоят. А я тридцать долларов за свой отдал, понял? Шесть дыр спереди, да четыре пули насквозь прошли, так что и спина не лучше!

Револьвер выпал из рук судебного исполнителя. Он должен был признать свое поражение.

- Может, кто-нибудь из джентльменов объяснит, что все это значит? пробормотал он, растерянно глядя на членов комитета.

Петер Штульпнагель шагнул вперед.

- Я объясню, что это значит.

- Вы, кажется, единственный, кто кое-что смыслит в электричестве.

- Да, единственный. Я пытался предупредить этих джентльменов. Но они не пожелали выслушать меня, и я решил: пусть убедятся на собственном опыте. Знаете, что сделало ваше электричество? Оно так увеличило жизнеспособность этого человека, что он будет жить века.

- Века?

- Да, потребуются сотни лет, прежде чем истощится колоссальная нервная энергия, которой вы его начинили. Электричество - это жизнь, вы зарядили его жизненно до предела. Пожалуй, лет эдак через пятьдесят можно попробовать казнить его снова, но я отнюдь не ручаюсь за успех.

- Черт побери! А что же мне делать? - вскричал вконец расстроенный судебный исполнитель.

- Может быть, нам удастся разрядить его? Что, если повесить его за ноги?

- Нет, ничего не получится.

- Но все-таки он не будет больше нарушать покой жителей Лос Амигос, сказал судебный исполнитель. - Отправим его в тюрьму. Я сгною его за решеткой.

- Как бы не так! Скорее тюрьма сгниет.

Это было полное фиаско, и мы несколько лет старались обходить в разговоре этот прискорбный случай. Но теперь о нем знают все, и вы можете, если хотите, записать его к себе в записную книжку.

Женщина - врач

Товарищи всегда смотрели на доктора Джемса Риплея как на необыкновенно удачливого человека. Его отец был врачом в деревне Хойланд на севере Гэмпшира, и потому молодой Риплей, получив докторский диплом, мог сразу приняться за дело, так как отец уступил ему часть своих пациентов. А через несколько лет старый доктор совсем отказался от практики и поселился на южном берегу Англии, передав сыну всех своих многочисленных пациентов. Если не считать доктора Хортон, жившего недалеко от Бэзингстока, то Джемс Риплей был единственным врачом в довольно большом округе. Он зарабатывал полторы тысячи фунтов в год, но, как это всегда бывает в провинции, большая часть его дохода уходила на содержание лошадей.

Доктор Джемс Риплей был холост, имел тридцать два года от роду и производил впечатление серьезного, сведущего человека с твердыми, несколько суровыми чертами лица и небольшой лысиной, которая, придавая ему почтенный вид, вероятно, увеличивала его годовой доход не на одну сотню фунтов. Он обладал замечательным умением обращаться с дамами, усвоив в обращении с ними тон ласковой настойчивости, который, не оскорбляя, приводил их к повиновению. Но дамы не могли похвалиться своим умением обращаться с молодым врачом. Как врач он был всегда к их услугам, но как человек он обладал увертливостью капли ртути. Тщетно деревенские маменьки раскидывали перед ним свои незатейливые сети. Пикники и танцы мало привлекали его, и в редкие минуты досуга он предпочитал, запершись в своем кабинете, рыться в клинических записках Вирхова и медицинских журналах.

Наука была его страстью, и потому он избежал угрожающей всем молодым врачам опасности впасть в рутину. Для него было вопросом самолюбия поддерживать свои познания на том же высоком уровне, на каком они были в тот момент, когда он выходил из экзаменационного зала. Он гордился тем, что мог сразу найти все семь разветвлений какой-нибудь незначительной артерии или указать точное процентное отношение состава любого физиологического соединения. После утомительной дневной работы он нередко сидел далеко за полночь, делая вытяжки из глаз овцы, присланной городским мясником, к великому отвращению своей прислуги, которой на другое утро приходилось убирать комнату. Его любовь к своей профессии были единственной страстью этого сухого положительного человека.

Нужно сказать, что его стремление стоять всегда на уровне современных знаний делало ему тем больше чести, что у него не могло быть побуждений, вытекающих из чувств соперничества. В течение семи лет его практики в Хойланде только три раза у него появлялись соперники в лице собратьев по профессии; двое из них избирали своей штаб-квартирой самую деревню, а один основался в соседней деревушке - Нижнем Хойланде. Из них один, про которого говорили, что в течение восемнадцати месяцев своего пребывания в деревне он был своим единственным пациентом, заболел и умер. Другой удалил честь честью, купив четвертую часть практики Бэзингстока, тогда как третий в одну глухую сентябрьскую ночь скрылся, оставив за собой голые стены дома и неоплаченные счета аптекаря. С этих пор никто уже не отваживался отбивать пациентов у всеми уважаемого хойландского доктора.

Поэтому велико было его удивление и любопытство, когда, проезжая однажды утром по Нижнему Хойланду, он заметил, что стоявший у околицы новый дом был занят, и что на воротах его, выходивших на большую дорогу, красовалась новая медная дощечка. Он остановил свою рыжую кобылу, за которую в свое время заплатил пятьдесят гиней, чтобы хорошенько рассмотреть эту дощечку. Изящными, маленькими буквами на ней было выгравировано: "Доктор Верриндер Смит".

На дощечке последнего доктора буквы были в полфута длиною, и потому, сопоставив эти два обстоятельства, доктор невольно подумал, что новый пришелец может оказаться гораздо более страшным конкурентом. Он убедился в этом в тот же вечер, наведя справку в медицинском указателе. Оттуда он узнал, что доктор Верриндер Смит обладает высшими учеными степенями, успешно работал в университетах Эдинбурга, Парижа, Берлина и Вены и был награжден медалью и премией Ли Хопкинса за оригинальные исследования по вопросу о функциях передних корней спинномозговых нервов. Доктор Риплей в замешательстве ерошил свои жидкие волосы, читая curriculum vitae своего соперника. Что могло заставить этого блестящего молодого ученого поселиться в маленькой Хэмпширской деревушке?

Но, как ему показалось, он скоро нашел разъяснение этой непостижимой загадки. Очевидно, доктор Верриндер Смит просто искал уединения, чтобы без помех предаваться своим научным исследованиям. Дощечка же была прибита просто так, без всякого поползновения привлечь пациентов. Ему казалось, что его объяснение очень правдоподобно и что он много выиграет от такого приятного соседства. Сколько раз ему приходилось жалеть о том, что он лишен высокого удовольствия, которое дает общение с родственным умом. Отныне это удовольствие будет ему вполне доступно - обстоятельство, чрезвычайно радовавшее его. Именно эта радость и побудила его сделать шаги, которые при других обстоятельствах он никогда бы не сделал. Согласно правилам докторского этикета, вновь прибывший доктор первый делает визит местному доктору, и это правило обыкновенно строго соблюдается. Сам Риплей с педантической точностью соблюдал правила профессионального этикета, и тем не менее, на следующий день отправился с визитом к доктору Верриндеру Смигу. По его мнению, этим любезным поступком он должен был создать благоприятную почву для сближения со своим соседом.

Дом оказался чистеньким и благоустроенным. Красивая горничная ввела доктора Риплея в небольшой, светлый кабинет. Следуя за горничной по коридору, он заметил в передней несколько зонтиков и дамскую шляпу. Какая жалость, что его коллега был женат! Это помешает им сблизиться и проводить целые вечера в оживленной беседе друг с другом, а эти вечера в таких обольстительных красках рисовались его воображению. С другой стороны, многое из того, что он увидел в кабинете, произвело на него самое благоприятное впечатление. Там и сям видны были такие дорогие инструменты, какие гораздо чаще встречаются в больницах, чем у частных врачей. На столе стоял сфигмограф, а в углу какая-то машина, похожая на газометр, с употреблением которой доктор Риплей не был знаком. Книжный шкаф, полки которого были уставлены тяжеловесными томами в разноцветных переплетах, на французском и немецком языках, привлек его особенное внимание, и он весь погрузился в рассматривание книг, пока отворившаяся позади него дверь не заставила его обернуться. Перед ним стояла маленькая женщина с бледным, простым лицом, которое скрашивала только пара пронизательных насмешливых глаз. В одной руке она держала пенсне, в другой его карточку.

- Здравствуйте, доктор Риплей, - сказала она.

- Здравствуйте, сударыня, - ответил он. - Вашего супруга, вероятно, нет дома?

- Я не замужем, - просто ответила она.

- Ах, извините, пожалуйста! Я имел в виду доктора... доктора Верриндера Смита.

- Я - доктор Верриндер Смит.

Доктор Риплей был так сильно поражен ее ответом, что уронил шляпу на пол и забыл даже поднять ее.

- Как? - с трудом выговорил он. - Обладатель премии Ли Хопкинса - вы!

Ему никогда не приходилось видеть женщины-врача, и вся его консервативная душа возмущалась при одной мысли о таком уродливом явлении. Хотя он не повторял мысленно библейского текста, гласящего, что только мужчина может быть врачом и только женщина кормилицей, однако у него было такое чувство, точно только что перед его глазами было совершенно неслыханное богохульство. На его лице ясно отразились волновавшие его чувства.

- Мне очень жаль, что я обманула ваши ожидания, - сухо сказала она.

- Действительно, вы удивили меня, - ответил он, поднимая свою шляпу.

- Вы, значит, противник женского освободительного движения?

- Не могу сказать, чтобы оно пользовалось моей симпатией.

- Но почему?

- Я предпочел бы уклониться от дискуссии.

- Но я уверена, что вы ответите на вопрос женщины.

- В таком случае я скажу вам, что женщины подвергаются опасности лишиться своих привилегий, узурпируя привилегии другого пола.

- Но почему же женщина не может зарабатывать средства к жизни умственным трудом?

Доктора Риплея раздражало спокойствие, с которым она задавала ему свои вопросы.

- Я очень хотел бы избежать спора, мисс Смит.

- Доктор Смит, - поправила она его.

- Ну, доктор Смит. Но если вы настаиваете на ответе, то я должен сказать вам, что я не считаю медицину профессией, приличной для женщин, и что я против женщин, старающихся походить на мужчин.

Это был крайне грубый ответ, и ему тотчас же стало стыдно за свою грубость. Тем не менее его собеседница только приподняла брови и улыбнулась.

- Мне кажется, что вы слишком легко относитесь к этому вопросу, сказала она. - Но, конечно, если это делает женщин похожими на мужчин, то от этого они много теряют.

Этим маленьким замечанием она довольно удачно отпарировала его грубую выходку, и доктор не мог не сознавать этого.

- Имею честь кланяться, - сказал он.

- Мне очень жаль, что между нами не могут установиться более дружелюбные отношения, раз уж нам приходится быть соседями, - сказала она.

Он опять поклонился и сделал шаг по направлению к двери.

- Удивительное совпадение, - сказала она. - В тот самый момент, когда мне подали вашу карточку, я как раз читала вашу статью о сухотке спинного мозга в "Ланцете".

- В самом деле... - сухо сказал он.

- Это очень талантливая статья.

- Вы очень любезны.

- Но взгляды, которые вы приписываете в ней профессору Питру из Бордо, уже отвергнуты им.

- Я пользовался его брошюрой издания 1890 года, - сердито сказал доктор Риплей.

- А вот его брошюра издания 1891 года. - Она достала из груды периодических изданий, лежавших на столе, небольшую книжку и протянула ее доктору Риплею. - Посмотрите вот это место...

Доктор Риплей быстро пробежал глазами указанный ею параграф. Не могло быть никакого сомнения, что профессор совершенно отказался от взглядов, высказанных им в предыдущей статье. Швырнув книжку на стол, Риплей еще раз холодно поклонился и вышел из кабинета. Взяв вожжи у грума, он обернулся в сторону дома и увидел, что мисс Смит стоит у окна и, как ему показалось, весело хохочет.

Весь этот день его преследовало воспоминание об этой встрече. Он чувствовал, что вел себя в разговоре с ней, как школьник. Она показала, что знает больше его по вопросу, которым он особенно интересовался. Она была учтива, в то время как он был груб, хладнокровна, в то время как он сердился. Но больше всего его угнетала мысль о ее чудовищном вторжении в сферу его собственной деятельности. До сих пор женщина-врач была для него абстрактным представлением, отталкивающим, но лишенным реального значения явлением. Теперь же она была тут, в непосредственной близости к нему, с такой же медной дощечкой, как у него самого - очевидно, рассчитывала на тех же самых пациентов, с которыми приходилось иметь дело и ему. Он не боялся, конечно, ее конкуренции, но его возмущало то поругание его идеала женственности, которым, по его мнению, была профессия его соседки. Ей, вероятно, не больше тридцати лет, и у нее славное выразительное лицо. Он вспомнил ее насмешливые глаза и твердый, изящно очерченный подбородок. Больше же всего он возмущался при мысли о тех испытаниях, которым во время изучения медицины должна была подвергаться ее стыдливость. Мужчина может, конечно, пройти через это, сохранив всю свою чистоту, но женщина - никогда.

Но скоро он узнал, что даже с ее конкуренцией ему придется серьезно считаться. Известие о ее прибытии в Хойланд привлекло в ее кабинет нескольких любопытных пациентов, на

которых уверенность ее манер и ее необыкновенные новомодные инструменты произвели такое сильное впечатление, что в течение нескольких недель они не могли говорить ни о чем другом. А скоро появились и более ясные признаки того впечатления, которое она произвела на умы деревенского населения. Фермер Эйтон, уже несколько лет безуспешно лечивший свою экзему цинковой мазью, сразу избавился от нее после того, как она смазала ему ногу какой-то жгучей жидкостью, в течение трех ночей причинявшей ему невыразимые страдания. Миссис Крайдер, всегда смотревшая на родинку на щеке своей дочери Эльзы, как на знак Божьего гнева за то, что во время родов она поела пирога с малиной, также убедилась, что это зло поправимое. Словом, через месяц женщина-врач пользовалась известностью, а через два - славой.

Иногда доктор Риплей встречался с ней во время своих поездок. Она ездила в высоком кабриолете и правила сама; мальчик грум сидел позади нее. Когда они встречались, доктор Риплей неизменно приподнимал свою шляпу, но суровое выражение его лица ясно свидетельствовало о том, что это было чистою формальностью. Действительно, его неприязнь к ней быстро перешла в настоящую ненависть. Делая ее описание оставшимся ему верными пациентам, он позволял себе изображать ее в качестве "бесполой женщины". Впрочем, кадры его пациентов быстро таяли, и каждый новый день приносил известие о каком-нибудь отступничестве. По-видимому, население прониклось почти фанатическою верою в ее искусство, и пациенты стекались к ней толпами. Но что особенно оскорбляло его, так это то, что ей удавались такие вещи, от которых, за трудностью выполнения, он обыкновенно отказывался. При всей обширности своих познаний, он не решался братья за операции, чувствуя, что его нервы недостаточно крепки для этого, и обыкновенно отсылал больных, нуждающихся в операции, в Лондон. Ей же была чужда подобная слабость, и она бралась за самые трудные операции. Он жестоко страдал, услышав, что она взялась выпрямить кривую ногу Алека Тернера, а вскоре после этого он получил от матери этого Алека, жены приходского священника, записку, в которой та просила его взять на себя хлороформирование ее сына во время операции. Отказаться было бы бесчеловечно, так как заменить его было некому, и потому, скрепя сердце, он дал свое согласие, хотя необходимость быть свидетелем торжества своего соперника и была для него горше полыни. Тем не менее, несмотря на свою досаду, он не мог не удивляться ловкости, с которою она произвела операцию. Ему никогда не приходилось видеть более искусную работу, и у него хватило благородства высказать свое мнение вслух, хотя ее искусство только увеличило его нерасположение к ней. Эта операция еще больше подняла ее популярность в прямой ущерб его собственной репутации, и теперь у него был еще один лишний повод ненавидеть ее - боязнь остаться без практики. Но именно эта ненависть придала совсем неожиданный оборот всему делу.

В один зимний вечер, когда доктор Риплей только что встал из-за обеденного стола, к нему прискакал грум от соседнего помещика, Фэркестля, самого богатого человека в округе, с известием, что дочь Фэркестля обварила руку кипятком, и помощь нужна немедленно. За женщиной-врачом также послали человека, так как Фэркестлю было все равно, кто бы ни приехал, лишь бы поскорее. Как сумасшедший, выбежал доктор Риплей из своего кабинета, дав себе клятву, что если только быстрая езда может помочь делу, то он не даст своему сопернику прокрасться в дом своего лучшего пациента. Он не дал даже зажечь фонарей у экипажа и помчался, как бешеный. Так как он жил несколько ближе к имению Фэркестля, чем она, то был уверен, что придет значительно раньше ее.

Так, вероятно, и было бы, если бы в дело не вмешался стихийный элемент случайности, постоянно расстраивающий самые правильные расчеты человеческого ума и сбивающий с толку самых самоуверенных пророков. Потому ли, что у экипажа не были зажжены фонари, или потому, что Риплей все время думал о своем счастливом сопернике, но только на крутом повороте на Бэзингстокскую дорогу фаэтон чуть не опрокинулся. Доктор и грум помещика вылетели из экипажа, а испуганная лошадь умчалась с пустой повозкой. Грум выбрался из канавы, в которую он свалился, и зажег спичку, осветив своего стонавшего компаньона.

При свете ее доктор слегка приподнялся на локте. Он заметил, что ниже колена его правой ноги из разорванной штанины торчит что-то белое и острое.

- Ах, Господи! - простонал он. - Ведь эта шутка продержит меня в постели, по крайней мере, три месяца! - И с этими словами он лишился чувств.

Когда он пришел в себя, грума уже не было, так как он побежал к дому помещика за помощью, но около него стоял мальчик, грум мисс Смит, направляя свет фонаря на его поврежденную ногу, а сама она в это время ловко разрезала кривыми ножницами его брюки в том месте, где нога была сломана.

- Ничего, доктор, - сказала она успокаивающим тоном. - Мне очень жаль, что с вами случилось

такое несчастье. Завтра к вам приедет доктор Хортон, но я уверена, что до его приезда вы не откажетесь от моей помощи. Я почти не верила своим глазам, увидев вас лежащим на дороге.

- Грум ушел за помощью, - простонал больной.

- А пока она придет, мы перенесем вас в экипаж. Полегче, Джон! Так! Но в таком виде вам нельзя будет ехать. Позвольте мне захлороформировать вас, и я приведу вас в такое состояние...

Доктору Риплею не пришлось услышать конца этой фразы. Он попытался было приподнять руку и пробормотать что-то в виде протеста, но в тот же момент почувствовал сладковатый запах хлороформа, и чувство необычайного покоя охватило все его измученное существо. Ему казалось, что он погрузился в холодную прозрачную воду и опускается все ниже и ниже, плавно и без усилий, в царство зеленоватых теней, в то время как воздух сотрясается от гармоничного звона больших колоколов. Но вот он начал подниматься наверх, все выше и выше, с ощущением страшной тяжести в висках; еще момент, - и он оставил за собой зеленоватый сумрак моря, и яркий дневной свет опять коснулся его глаз. Два блестящих золотых шара сияли перед его ослепленными глазами. Он долго щурился на них, желая понять, что это такое, пока, наконец, не сообразил, что это просто медные шары, укрепленные на столбиках его кровати, и что он лежит в своей собственной маленькой комнате с таким чувством, точно у него вместо головы пушечное ядро, а вместо ноги - полоса железа. Повернув голову, он увидел склонившееся над ним спокойное лицо женщины-врача.

- А, наконец-то! - сказала она. - Я не давала вам прийти в себя всю дорогу, так как знала, как мучительна будет для вас тряска. Теперь ваша нога в лубке. Я приготовила вам снотворное. Сказать вашему груму, чтобы он съездил завтра утром за доктором Хортоном?

- Я предпочел бы, чтобы вы продолжали лечить меня, - сказал доктор Риплей слабым голосом; - ведь вы отобрали у меня всех моих пациентов, возьмите же и меня в их число, - прибавил он с истерическим смехом.

Это была не особенно дружелюбная речь, но когда она отошла от его кровати, ее глаза светились не гневом, а состраданием.

У доктора Риплея был брат, Вильямс, бывший младший хирург в лондонском госпитале. Получив известие о несчастном случае с его братом, он сейчас же приехал в Гэмпшир. Услышав подробности, он удивленно приподнял брови.

- Как! У вас завелась одна из этих! - воскликнул он.

- Я не знаю, что я стал бы делать без нее.

- Я не сомневаюсь, что она хорошая сиделка.

- Она знает свое дело не хуже нас с тобой.

- Говорите только за себя, Джемс, - сказал лондонец, презрительно фыркнув. - Но если даже мы оставим в стороне данный случай, то в общем не можешь ты не сознавать что медицина - профессия, совсем не подходящая для женщины.

- Так значит ты думаешь, что ничего нельзя сказать в защиту противоположного мнения?

- Великий Боже! А ты?

- Ну, не знаю. Но вчера вечером мне пришло в голову, что, может быть, наши взгляды на этот предмет несколько узки.

- Вздор, Джемс. Женщины могут получать премии за лабораторные занятия, но ведь ты знаешь не хуже меня, что в критических обстоятельствах они совершенно теряются. Ручаюсь, что перевязывая твою ногу, эта женщина страшно волновалась. Кстати, дай-ка я посмотрю, хорошо ли она перевязала ее.

- Я предпочел бы, чтобы ты не трогал ее, - сказал больной. - Она уверила меня, что все в порядке.

Брат Вильямс казался глубоко оскорбленным.

- Если слово женщины для тебя значит больше, чем мнение младшего хирурга лондонского госпиталя, то, разумеется, мне остается только умолкнуть, - сказал он.

- Да, я предпочитаю, чтобы ты не трогал ее, - твердо сказал больной.

Доктор Вильямс Риплей в тот же самый вечер, пылая негодованием, вернулся в Лондон.

Она же, зная о его приезде, была очень удивлена, что он так скоро уехал.

- Мы с ним немного поспорили, - сказал доктор Риплей, не считая нужным вдаваться в подробности.

В течение целых двух долгих месяцев доктору Риплею приходилось ежедневно приходить в соприкосновение со своим соперником, и он узнал много такого, о чем раньше и не подозревал. Она оказалась прекрасным товарищем и самым внимательным врачом. Ее короткие визиты были для него единственной отрадой в длинные, скучные дни, которые ему приходилось проводить в постели. У нее были те же интересы, что и у него, и она могла говорить с ним обо всем, как равный с равным. И тем не менее, только совершенно лишенный чуткости человек мог бы не заметить под этой сухой и серьезной оболочкой присутствия нежной женственной натуры, сказывавшейся и в ее разговоре, и в выражении ее голубых глаз, и в тысяче других мелочей. А он, несмотря на некоторую примесь фатовства и педантизма, ни в коем случае не был лишен чуткости и был достаточно благороден, чтобы признаться в своей неправоте.

- Не знаю, как мне оправдаться перед вами, - застенчиво начал он однажды, когда его выздоровление подвинулось вперед уже настолько, что он мог сидеть в кресле, заложив ногу на ногу, - но я чувствую, что я был совершенно неправ.

- В чем же именно?

- В своих воззрениях на женский вопрос. Я привык думать, что женщина неизбежно теряет часть своей привлекательности, посвящая себя такой профессии, как медицина.

- Так вы теперь не думаете, что женщины в этих случаях неизбежно становятся какими-то бесполовыми существами? - воскликнула она.

- Пожалуйста, не повторяйте моего идиотского выражения.

- Я так рада, что помогла вам изменить свои взгляды на этот вопрос. Я думаю, что это самый искренний комплимент, какой только мне приходилось слышать.

- Как бы то ни было, а это правда, - сказал он, и потом всю ночь был счастлив, вспоминая, как вспыхнули румянцем ее бледные щеки и какой прекрасной она казалась в тот момент. То время, когда он понял, что она такая же женщина, как и другие, казалось ему теперь давно миновавшим, и он не мог уже больше скрывать от себя, что для него она стала единственной. Ловкость, с которою она перевязывала его ногу, нежность ее прикосновения, удовольствие, которое ему доставляло ее присутствие, сходство их вкусов, все это вместе взятое совершенно изменило его отношение к ней. Тот день, когда она в первый раз не приехала к нему в обычное время - ему уже не нужны были ежедневные перевязки - был для него печальным днем. Но еще больше его пугала мысль о наступлении времени, - а он чувствовал, что это время близко, - когда он уже больше не будет нуждаться в ее помощи и она прекратит свои визиты. Наконец, настал день, когда она приехала к нему в последний раз. Увидев ее, он почувствовал, что от исхода этого последнего свидания зависит все его будущее. Он был человек прямой, и потому, когда она начала щупать его пульс, он взял ее за руку и спросил ее, не согласится ли она быть его женой.

- И соединить свою практику с вашей? - сказала она.

Он вздрогнул, оскорбленный и опечаленный ее вопросом.

- Как можете вы приписывать мне такие низкие мотивы? - воскликнул он. Я люблю вас самую бескорыстною любовью.

- Нет, я была не права. Я сказала глупость, - проговорила она, отодвигая свой стул несколько назад и ударяя молоточком по его колену. Забудьте, что я сказала это. Я не хотела бы огорчать вас, и, поверьте, я высоко ценю честь, которую вы сделали мне своим предложением. Но то, чего вы хотите, совершенно невозможно.

Если бы он имел дело с другой женщиной, он, может быть, стал бы убеждать и настаивать, с нею же - он инстинктом чувствовал это - такая тактика была совершенно бесполезна. В тоне ее голоса чувствовалась непоколебимая решимость. Он не сказал ничего и только откинулся на спинку своего кресла с убитым видом.

- Мне очень жаль, что я должна причинить вам разочарование, - сказала она опять. - Если бы я догадывалась о вашем чувстве, я сказала бы вам раньше, что решила всецело посвятить себя науке. Есть столько женщин, созданных для брака, и так мало чувствующих влечение к биологическим исследованиям. Я останусь верна своему призванию. Я приехала сюда в ожидании открытия Парижской физиологической лаборатории. Сейчас я получила известие, что там для меня есть вакансия, и таким образом кончится мое вторжение в вашу практику. Я была к вам так же несправедлива, как вы ко мне. Я считала вас ограниченным педантом, человеком, совершенно лишенным достоинства. В течение вашей болезни я научилась лучше ценить вас, и воспоминание о нашей дружбе всегда будет для меня приятным.

И вот через несколько недель в Хойланде опять остался один доктор Риплей, Но обитатели деревни заметили, что в течение нескольких месяцев он постарел на много лет, что в его голубых глазах навсегда застыло выражение затаенной тоски, а интересные молодые леди, с которыми сталкивал его случай или заботливые деревенские маменьки, стали возбуждать в нем еще меньший интерес, чем прежде.

Из практики

Обыкновенно люди умирают от тех болезней, изучением которых они всего усерднее занимались, - сказал доктор, обрезая кончик своей сигары со всею точностью и аккуратностью, свойственными людям его профессии.

Болезнь, подобно хищному зверю, который, чувствуя, что его настигают, оборачивается и схватывает своего преследователя за горло. Если вы слишком усердно возитесь над микробами, микробы обратят на вас благосклонное внимание. Я видел много таких примеров и не только в случаях заразных болезней. Всем хорошо известно, что Листон, всю жизнь изучавший аневризм, в конце концов сам заболел им; я мог бы привести еще целую дюжину других примеров. А что может быть убедительнее случая с бедным старым Уокером из Сан-Христофора? Как, вы не слышали об этом? Впрочем, правда, вы были тогда еще слишком молоды; но все-таки удивительно, как скоро забываются такие вещи. Вы, молодежь, настолько поглощены интересами настоящего, что прошлое для вас как бы не существует, а между тем вы нашли бы там много интересного и поучительного.

Уокер был одним из лучших специалистов по нервным болезням в Европе. Вы, наверное, знакомы с его книжкой о склерозе. Она читается, как роман, и в свое время создала эпоху в науке. Уокер работал, как вол. Не говоря уже о его громадной практике, он ежедневно по несколько часов работал в клинике, да кроме того посвящал много времени самостоятельным научным исследованиям. Ну, и жил он весело. Конечно, "de mortuis aut bene, aut nihil", но ведь его образ жизни ни для кого не был секретом. Если он умер сорока пяти лет, то зато в эти сорок пять лет он сделал столько, сколько другому не сделать и в восемьдесят. Можно было только удивляться, что при таком образе жизни он не заболел раньше. Когда же болезнь, наконец, постигла его, он встретил ее с замечательным мужеством.

В то время я был его ассистентом в клинике. Однажды он читал студентам первого курса лекцию о сухотке спинного мозга. Объяснив, что один из первых признаков этой болезни заключается в том, что больной, закрыв глаза, не может составить пяток своих ног без того, чтобы не пошатнуться, он пояснил свои слова собственным примером. Я думаю, что студенты не заметили ничего. Но от меня не ускользнуло, насколько зловещим признаком результаты этого опыта были для него самого. Он также заметил это, но дочитал лекцию, не обнаружив никаких признаков волнения.

Когда лекция кончилась, он зашел ко мне в комнату и закурил сигаретку.

- Ну-ка, исследуйте мои двигательные рефлексы, Смит, - сказал он.

Я постучал молоточком по его колену, но результат был не лучше того, какой получился бы, если бы я постучал по подушке, лежавшей на софе. Его нога осталась неподвижной. Он опять закрыл глаза и сделал попытку составить пятки, но при этом пошатнулся, точно молодое деревцо под яростным напором ветра.

- Так это, значит, была не межреберная невралгия, как я думал, - сказал он.

Тут я узнал, что он уже страдал некоторое время летучими болями, и, следовательно, все признаки болезни были налицо. Я молча смотрел на него, а он все пыхтел да пыхтел своей сигареткой. Он знал, что ему грозит неизбежная смерть, сопровождаемая более утонченными и медленными страданиями, чем те пытки на медленном огне, каким подвергают пленника краснокожие. А еще вчера все улыбалось ему - человеку в полном расцвете сил, одному из

самых красивых мужчин в Лондоне, у которого было все: деньги, слава, высокое положение в свете. Он сидел некоторое время молча, окруженный облаком табачного дыма, с опущенными глазами и слегка сжатыми губами. Затем, медленно поднявшись на ноги, он махнул рукой с видом человека, делающего над собой усилие, чтобы отогнать тяжелые думы и направить мысли на другой предмет.

- Лучше всего сразу выяснить вопрос, - сказал он. - Мне нужно сделать кое-какие распоряжения. Могу я воспользоваться вашей бумагой и конвертами?

Он уселся за мою конторку и написал с полдюжины писем. Не будет нарушением доверия, если я скажу вам, что эти письма не были письмами к товарищам по профессии. Уокер был человек холостой и, следовательно, не ограничивался привязанностью к одной женщине. Кончив писать письма, он вышел из моей маленькой комнатки, оставив позади себя все надежды и все честолюбие своей жизни. А ведь он мог бы еще иметь перед собой целый год неведения и спокойствия, если бы совершенно случайно не пожелал иллюстрировать свою лекцию собственным примером. Целых пять лет длилась его агония, и он все время показывал замечательное мужество. Если когда-нибудь он и позволял себе в чем-нибудь излишества, то теперь он искупил это своим продолжительным мучением. Он вел тщательную запись симптомам своей болезни и разработал самым всесторонним образом вопрос об изменениях глаза во время спинной сухотки. Когда его веки уже не подымались сами, он придерживал их одною рукою, а другою продолжал писать. Затем, когда он уже не мог координировать мускулы руки, чтобы писать, он стал диктовать своей сиделке. Так, не переставая работать, умер на 45-м году жизни Джеймс Уокер.

Бедный Уокер страстно любил всевозможные хирургические эксперименты и старался проложить новые пути в этой отрасли медицины. Между нами, успешность его работ в этом направлении вещь спорная, но во всяком случае он и в этой области работал с большим увлечением. Вы знаете Мак-Намару? Он носит длинные волосы и хотел бы, чтобы это объясняли тем, что у него артистическая натура; на самом же деле он носит их, чтобы скрыть недостатку одного уха. Его отрезал у него Уокер, но только, пожалуйста, не говорите Мак-Намаре, что я говорил вам это.

Это случилось таким образом. Уокер занимался в это время изучением лицевых мускулов и пришел к заключению, что паралич их происходит от расстройства кровообращения. У нас в клинике в это время был как раз больной с очень упорным параличом лица, и мы употребляли всевозможные средства для его излечения: мушки, тонические и всякие другие средства, уколы, гальванизм - и все безуспешно. Уокер вбил себе в голову, что если у больного отрезать ухо, то соответствующая часть лица будет более обильно снабжаться кровью и паралич будет излечен. Ему очень скоро удалось добиться согласия пациента на эту операцию.

Ее назначили на вечер. Уокер, конечно, чувствовал, что она носит характер довольно рискованного эксперимента, и не хотел, чтобы о ней много говорили, прежде чем выяснятся результаты. На операции присутствовало человек шесть докторов, между ними я и Мак-Намара. Посреди маленькой комнатки стоял узкий стол, на котором лежала подушка, покрытая клеенкой, и было разостлано шерстяное одеяло, концы которого с обеих сторон спускались почти до полу. Единственным освещением комнаты были две свечи, стоявшие на маленьком столике возле изголовья. Дверь отворилась, и в комнату вошел пациент; одна сторона его лица была гладка и неподвижна, другая же от волнения вся подергивалась мелкой дрожью. Он лег на стол, и на его лицо положили маску с хлороформом, между тем как Уокер при слабом свете свечей возился с своими инструментами. Доктор, хлороформировавший больного, стоял у изголовья, а Мак-Намара стоял сбоку для контроля над ним. Остальные сгруппировались около стола, готовые, если понадобится, оказать помощь.

И вот, когда больной был уже наполовину захлороформирован, с ним сделался один из тех припадков, которыми нередко сопровождается полубессознательное состояние. Он начал брыкаться, метаться по столу и с яростью размахивать обеими руками. Столик, на котором стояли свечи, с грохотом полетел на пол, и комната погрузилась в мрак. Поднялась страшная суматоха: кто поднимал стол, кто отыскивал спички, кто старался успокоить неистовствовавшего пациента, и все это в абсолютной темноте. Наконец, два фельдшера повалили его на стол, к его лицу опять приблизили маску с хлороформом, свечи опять были зажжены и мало-помалу его несвязные полужадушенные крики превратились в чуть слышное хрипение. Его голову положили на подушку и не снимали с него маски с хлороформом во все время операции. Каково же было наше удивление, когда, после того как маску сняли наконец с его лица, мы увидели на подушке окровавленную голову Мак-Намары!

Как это могло случиться? - спросите вы. А очень просто. Когда свечи полетели на пол, фельдшер, производивший хлороформирование пациента, бросился поднимать их. Больной же

в это время спустился на пол и залез под стол. Бедный Мак-Намара, ухватившийся за больного, потерял равновесие и упал на стол, а в это время фельдшер, в темноте принявший его за больного, наложил маску с хлороформом на его лицо. Другие помогли ему, и чем больше брыкался и кричал Мак-Намара, тем сильнее накачивали его хлороформом. Уокер, конечно, оказался в очень неприятном положении и рассыпался в извинениях. Он предложил ему сделать искусственное ухо, но Мак-Намара отказался. Что касается того пациента, то мы нашли его спокойно спящим под столом; концы спущенного одеяла закрывали его с обеих сторон от нескромных взоров. На следующий день Уокер прислал Мак-Намаре отрезанное у него ухо в банке со спиртом. Сам Намара скоро забыл о постигшей его неприятности, но жена его приняла дело гораздо ближе к сердцу и долго сердилась на Уокера.

Некоторые утверждают, что продолжительное и глубокое изучение человеческой природы неизбежно приводит к самым пессимистическим выводам, но я не думаю, чтобы люди, действительно изучившие человеческую природу, придерживались этого воззрения. Мой собственный опыт убеждает меня в противном. Я был воспитан в мертвящей обстановке духовной семинарии, и тем не менее, после тридцатилетнего тесного общения с людьми в качестве врача, я не могу отказать им в моем уважении. Зло обыкновенно лежит на поверхности человеческой души, но загляните поглубже и вы увидите, сколько добрых и хороших чувств скрывается в глубине ее. Сотни раз приходилось мне иметь дело с людьми, так же неожиданно приговоренными к смерти, как бедный Уокер, или, что еще хуже смерти, к слепоте или полному обезображению. Мужчины и женщины, почти все они проявляли при этом удивительное мужество, а некоторые обнаруживали такое полное забвение своей собственной личности, поглощенные одною мыслью о том, как известие о грозящей им участи отзовется на их близких, что нередко мне казалось, что стоящий передо мной кутила или легкомысленная женщина превращаются на моих глазах в ангелов. Мне случалось также сотни раз присутствовать при последних минутах умирающих всех возрастов, как верующих разных сект, так и неверующих, и ни один из них ни разу не выказал признаков страха, кроме одного бедного мечтательного юноши, всю свою безупречную жизнь проведшего в лоне одной из самых строгих сект. Правда, человек, истощенный тяжелою болезнью, не доступен чувству страха это могут подтвердить люди, во время припадка морской болезни узнававшие, что корабль идет ко дну. Вот почему я считаю, что мужество, которое проявляет человек, узнав, что болезнь обезобразит его наружность, выше мужества, проявляемого умирающим перед лицом смерти.

Теперь я расскажу вам случай, бывший со мной в прошлую среду. Ко мне пришла за советом жена одного баронета, известного спортсмена. Ее муж также пришел с нею, но остался, по ее желанию, в приемной. Я не буду вдаваться в подробности - скажу вам только, что у нее оказался необыкновенно злокачественный случай рака. "Я знала это, - сказала она. - Сколько времени осталось мне жить?" - "Боюсь, что вы не протянете дольше нескольких месяцев", - ответил я. - "Бедный Джек! - сказала она. - Я скажу ему, что ничего опасного нет". - "Но почему вы хотите скрыть от него правду?" спросил я. "Его очень беспокоит моя болезнь, и он, наверное, теперь страшно волнуется, дожидаясь меня в приемной. Сегодня он ждет к обеду двух своих лучших друзей, и я не хотела бы испортить ему вечер". - И с этими словами эта маленькая мужественная женщина вышла из моего кабинета, а в следующий момент ее муж с сияющим от счастья лицом крепко пожимал мне руку. Разумеется, выполняя ее желание, я не сказал ему ничего, и думаю, что этот вечер был для него одним из самых светлых, а следующее утро одним из самых печальных в его жизни.

Удивительно, с каким мужеством и спокойствием встречают женщины самые ужасные удары судьбы. Этого нельзя сказать про мужчин. Мужчина может воздержаться от жалоб, но тем не менее в первый момент он теряет самообладание. Я расскажу вам случай, бывший со мною несколько недель тому назад, случай, который пояснит вам мою мысль. Один господин пришел посоветоваться со мной относительно своей жены, очень красивой женщины. У нее, по его словам, была на предплечье небольшая туберкулезная опухоль. Он не придавал особенного значения этому обстоятельству, но все-таки хотел знать, не принесет ли ей пользу пребывание в Девоншире или на Ривьере. Я осмотрел больную и нашел у нее ужасающую саркому кости, снаружи почти незаметную, но проникшую до лопатки и ключицы. Более тяжелого случая этой болезни я никогда не видал. Я выслал ее из кабинета и сказал ее мужу всю правду. Что же он сделал? Он начал медленно ходить по комнате с заложенными за спину руками, с величайшим интересом рассматривая картины на стенах. Я как сейчас вижу, как он надевает золотое пенсне, останавливается перед картиной и смотрит на нее совершенно бессмысленными глазами. Очевидно, в этот момент он не сознавал, что делает, и не видел перед собой ни стены, ни висящей на ней картины. "Ампутация руки?" - спросил он наконец. "Да, и кроме того ключицы и лопатки", - сказал я. "Совершенно верно. Ключицы и лопатки", - повторил он все с тем же безжизненным взглядом. Он был совсем убит этим неожиданным несчастьем, и я думаю, что он никогда уже не будет прежним жизнерадостным человеком.

Жена его напротив, выказала большое мужество, и ее спокойствие и самообладание не покидали ее все время. Болезнь достигла уже таких размеров, что ее ампутированная рука сама собою переломилась пополам, когда хирург взял ее, чтобы убрать. Но я все-таки думаю, что ожидать возврата болезни нет оснований, и что она совсем поправится.

Обыкновенно первый пациент остается в памяти на всю жизнь, но мой первый пациент был совсем неинтересный субъект. Впрочем, в моей памяти остался один интересный случай из первых месяцев моей практики. Однажды ко мне явилась пожилая, роскошно одетая дама с небольшой корзинкой в руках. Заливаясь слезами, она открыла корзинку и вытащила из нее необыкновенно толстую, безобразную и всю покрытую болячками моську. "Ради Бога, доктор, отравите ее, но только так, чтобы она не страдала! - воскликнула она. - Но только, пожалуйста, поскорее, иначе я передумаю." - И, истерически рыдая, она бросилась на софу. Обыкновенно, чем неопытнее врач, тем более высокое мнение у него о своей профессии; я думаю, что вы знаете это не хуже меня, мой юный друг, и потому не удивитесь, что в первый момент я хотел с негодованием отказаться. Но потом я решил, что как человек я не могу отказать этой женщине в том, что по-видимому, имеет для нее такое громадное значение, и потому, уведя несчастную моську в другую комнату, я отравил ее с помощью нескольких капель синильной кислоты, влитых в блюдечко с молоком, которое я дал ей вылакать. "Ну, что, кончилось?" - воскликнула дама, когда я вернулся в кабинет. Тяжело было смотреть на эту женщину, сосредоточившую на маленьком неуклюжем животном всю ту любовь, которая, если бы она была замужем, принадлежала бы ее мужу и детям. Она оставила мой кабинет в полном отчаянии. Только после того, как она уехала, я заметил на своем столе конверт, запечатанный большою красною печатью. На конверте карандашом было написано следующее: "Я не сомневаюсь, что вы охотно сделали бы это и даром, но все-таки прошу вас принять содержимое этого конверта". Я стал распечатывать конверт с смутным предчувствием, что дама, только что бывшая у меня, какая-нибудь эксцентричная миллионерша, и что я найду в конверте, по крайней мере, банковый билет в пятьдесят фунтов. Каково же было мое удивление, когда я нашел в нем вместо ожидаемого билета почтовый перевод на четыре шиллинга и шесть пенсов! Это показалось мне таким забавным, что я хохотал до упаду. Вы убедитесь на собственном опыте, мой друг: в жизни врача так много трагического, что если бы не эти случайные комические эпизоды, она была бы прямо невыносима.

Но все-таки врач не может жаловаться на свою профессию. Разве возможность облегчать чужие страдания не есть уже сама по себе такое благо, что человек сам должен был бы платить за право пользоваться этою привилегией, вместо того, чтобы брать с других деньги? Но, разумеется, ему нужны средства, чтобы содержать жену и детей. Тем не менее, его пациенты друзья ему или, по крайней мере, должны быть его друзьями. Когда он приходит куда-нибудь уже один звук его голоса, кажется, дает облегчение больным. Чего же еще мог бы пожелать себе человек? Кроме того, врач не может быть эгоистичным человеком, поскольку ему постоянно приходится иметь дело с проявлениями человеческого героизма и самоотвержения. Медицина, мой юный друг, - благородная, возвышенная профессия, и вы, молодежь, должны приложить все усилия, чтобы она и впредь оставалась такой.